

Ци (Монг)

№ 77

46746

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОВЕДЕНИЯ РАН

ИНСТИТУТ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ АН

РЕСПУБЛИКИ МОНГОЛИЯ

МОНГОЛЬСКИЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ
СБОРНИК

МОСКВА

1992

Б-ка Калмыцкого ин-та
общес. и естественных наук РАН
в дар от г-на

редколлекции

Институт языковедения РАН
Институт языка и литературы АН
Республики Монголия

12.10.92

46746

И

МОНГОЛЬСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ
СБОРНИК

Москва 1992

Ответственный редактор член=корр. РАН Э.Р.Тенишев

Редколлегия: член=корр. РАН В.М.Солнцев
д.ф.н. Г.Ц.Пюрбеев
д.ф.н. Ц.Цэдэндэмба
к.ф.н. О.Сухбаатар
д.ф.н. А.А.Дарбеева
к.ф.н. Э.В.Шевернина

Сборник статей советских и монгольских авторов посвящен изучению вопросов фонетики, фонологии, синтаксиса, лексикологии, грамматической и лексической семантики на материале современных монгольских языков и письменных памятников монголов.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый вниманию читателя сборник составлен из статей советских и монгольских ученых и продолжает издание совместных советско-монгольских работ в области языкознания, начало которому положил "Монгольский сборник", вышедший в 1985 г. в Москве.

Тематика статей данного сборника отражает разные исследовательские направления современного монгольского языкознания: изучение развития грамматического строя, лексического фонда монгольских языков; лингвистическое источниковедение, социолингвистика, изучение национальных лингвистических традиций.

В конкретных статьях на материале письменных памятников и современных монгольских языков исследуются явления и факты, относящиеся к фонетике, фонологии, морфологии, историческому и современному синтаксису, лексике, языковым контактам и др., которые расширяют и углубляют существующие научные знания в соответствующей области исследований.

Редакция и коллектив авторов надеются, что издание "Монгольского лингвистического сборника" послужит укреплению сотрудничества и плодотворных научных связей между языковедами России и Монголии.

А. А. Дарбеева

ИНТЕРФЕРЕНТНЫЕ ЯВЛЕНИЯ И ИХ МЕСТО В ЗВУКОВОЙ
СИСТЕМЕ ПИСЬМЕННЫХ И БЕСПИСЬМЕННЫХ МОНГОЛЬСКИХ
ЯЗЫКОВ

Вопрос о месте интерферентных явлений в звуковой системе двух групп монгольских языков возник в связи с необходимостью определения степени влияния языковых контактов на процесс развития монгольских языков. Это в какой-то мере созвучно с общей проблемой алтаистики, касающейся алтайской гипотезы. По признанию некоторых ученых алтайская общность языков обусловлена не генетической связью, а длительными историческими контактами [7, с. 9-12]. Для убедительного подтверждения этой гипотезы, очевидно, необходимо исследовать проблемы языковых контактов на материале отдельных групп алтайских языков.

Современный уровень изученности монгольских языков позволяет рассмотреть этот аспект проблемы в предварительном представлении.

Монгольские языки, функционирующие в разных странах мира, находятся в постоянном контакте с иноструктурными языками на протяжении многих веков. Следы контактов нашли отражение на разных уровнях монгольских языков либо в форме прямых материально выраженных заимствований, либо в виде переноса некоторых черт иноструктурных языков. Каждый язык по-своему реагирует на эти иноязычные вмешательства, количество и качество которых зависят от языковых ситуаций, от характера взаимодействия контактирующих языков. Кардинальные различия в этом вопросе наблюдаются между двумя группами монго-

языков: литературно-письменные и бесписьменно-устные.

Изучение звукового строя монгольских языков выявило наличие в них интерферентных явлений, возникших под влиянием многоструктурных языков. Материалом исследования послужили два разных источника: 1) социолингвистический и 2) собственно-лингвистический. Билингвистический материал представляет собой данные по изучению контактного типа массового бурятско-русского, калмыцко-русского двуязычия монголоязычных народов СССР в сопоставлении с групповым неконтактным типом монголо-русского двуязычия монголов ИР.

Лингвистические данные собраны в процессе изучения фонетики литературно-письменных бурятского, калмыцкого и калмак-монгольского языков с одной стороны и бесписьменных дунсянского, баоаньского, монгольского языков — с другой.

Основной целью изучения было выявление иноязычных признаков в звуковой организации структуры слова в монгольских языках, т.е. установление пронизанных звеньев фонетической системы для иноязычного влияния.

В начале наблюдение проводилось на билингвистическом материале в ходе изучения влияния бурятского, калмыцкого и монгольского языков на процесс воспроизведения звуковой структуры русских слов различными национальными, социальными слоями монголоязычных билингвов в их русской речевой практике. Затем поле наблюдения было переключено на родной язык монголоязычных билингвов.

Использование в комплексе двух разнородных источников позволяет выявить сам процесс возникновения интерферентных явлений и проследить за динамикой их возникновения в фонетическую систему литературно-письмен-

ных монгольских языков. Нам представляется, что такой комплексный метод изучения данной проблемы очень четко высвечивает общую модель механизма влияния фонетики иноструктурных языков на монгольские языки.

Развитие массового национально-русского двуязычия среди бурят и калмыков в последние десятилетия XX века способствовало ускорению процесса преодоления билингвами интерферентных явлений в их русской речи. Это создало благоприятные условия для проникновения в бурятский и калмыцкий языки отдельных черт фонетики русского языка. Проводниками или переносчиками иноязычных фонетических свойств были новые лексические заимствования из русского и других языков, огромным потоком проникавшие через посредство русского языка в бурятский и калмыцкий частично в монгольский языки. Дело в том, что современные лексические заимствования, как правило, сохраняют звуковой облик языка-источника, тем самым нарушая фонетические нормы языка-реципиента. Таким образом, действенным фактором, способствующим переносу иноязычных свойств в звуковую систему монгольских языков является интенсивное развитие массового двуязычия среди основного контингента носителей монгольских языков через преодоление монголоязычными билингвами интерферентных явлений в их русской речи. Хорошее владение русским языком бурятами и калмыками создало реальные предпосылки для принятия неадаптированных форм лексических заимствований в литературные бурятский и калмыцкий языки. Следовательно, возможность принятия бурятским и калмыцкими языками неадаптированных и частично адаптированных форм русизмов, советизмов, интернационализмов, вошедших через посредство русского языка, зависела от степени развития бурятско-русского, калмыцко-русского двуязычия. В дореволюционный период, а также в начале формирования

звучащих лексические заимствования подвергались полной звуковой адаптации. Например, слово конфета по-бурятски звучало: хампеэд~хампеод, по-кальццк кампадь. В таких звуковых формах они были зафиксированы в старых словарях, но в современных, т.е. в словарях, вышедших в последние десятилетия, это заимствование представлено в виде конфеете в бурятском, конфет в кальццком и монгольском языках. Примечательно является то, что в современных лексикографических работах отражены как адаптированные так и неадаптированные формы некоторых заимствований, т.е. два звуковых варианта лексических заимствований. Наличие полной, частичной и нулевой форм фонетической адаптации заимствованных слов русского языка, характеризуя разный уровень развития звучания среди бурят и кальццков, реально отражает этапы формирования условий для проникновения фонетических приемов русского языка в организацию звуковой структуры слов в бурятском и кальццком языках. Нулевая и частичная формы звуковой адаптации лексических заимствований свидетельствуют о состоявшемся факте проникновения фонетических средств русского языка в звуковую организацию структуры слов в привлекаемых монгольских языках. Конкретно это проявляется в том, что мощнейший поток новых слов, уже заимствованных и заимствуемых слов из русского языка и через его посредство, входит в новую языковую среду с полным сохранением звуковой оболочки языка-источника. Эти новые приемы диссоциируют фонетической норме монгольских языков. Суть нарушения проявляется в изменении обычной нормы дистрибуции гласных и согласных в потоке речи монгольских языков.

В вокализме наблюдается: I) нарушение гармонии гласных в словах типа: камефа~камер; керосин, керогаз в бурятском и кальццком языках; Из них керосин суще-

ствуется в бурятском языке в адаптированной (хършин ~ кършин) и неадаптированной (керосин) формах. В устной бытовой речи чаще употребляется адаптированная форма. Наличие разных фонетических вариантов лексических заимствований указывает на разные периоды их вхождения в лексику монгольских языков. 2) В современных заимствованиях ^{наблюдается} также и стечение рядом двух гласных разного качества, которое чуждо фонетической норме монгольских языков. Сочетание гласных: oa в слове коалици в бурятском, коалиц - в калмыцком языках; ao в словах типа какао; ау - каучук; ea - театр и т.д. является спецификой только лексических заимствований, проникших из русского языка в монгольские языки лишь в последние десятилетия. Монгольский язык имеет свои особенности. Академик Б.Я. Владимирцов указывал, что в калмыцком диалекте появилось стечение гласных ya под влиянием заимствований из китайского и маньчжурского языков [1, с. 301]. Китаизмы типа гуанз 'столовая', гуа 'бахчевая культура' обтуют в современном монгольском языке.

1. Новые лексические заимствования вносят новое также и в дистрибуцию согласных в структуре слова, а именно в них встречается 1) стечение двух и более согласных в разных позициях слова, хотя монгольские языки имеют определенные ограничения в сочетаемости согласных. Литературно-письменным монгольским языкам обычно не свойственно употребление двух согласных в начале слова. При заимствовании слов со стечением двух согласных в начале слова либо опускается один из согласных (напр., Киптар 'скипидар' в калмыцком языке; башьба 'спасибо' в бурятском языке), либо вставляется между этими согласными гласный элемент, например, булдуза вместо блуза. Для современного периода характерно бытовое ^{вне}адаптированных и неадаптированных форм заимствований типа боллок ~

блок, бригадир ~ бригадир, дарама ~ драма ~ драм; дэрзинэ ~ дэрзин ~ дрезинэ ~ дрезин; дүржинэ ~ дружине ~ дружин. В бытовой речи употребляются обычно адаптированные формы, а в письменной форме литературного языка — неадаптированные заимствования. 2) Каждый из письменных монгольских языков имеет свои особенности в стечении согласных в инлауте и ауслауте слова. В бурятском языке возможно стечение не более двух согласных в середине слова и не допускает употребления рядом двух разных согласных в ауслауте. Эта специфика отражена в звуковом оформлении заимствований: заавтарак ~ завтрак, кантаракта ~ контракта; конторразвездка ~ контраразвездка, т.е. выражена тенденция к вставке гласного элемента перед последним из трех сочетаемых согласных. В связи с тем, что в калмыцком и монгольском языках развита редукция кратких гласных непервых слогов, в этих языках особенно в калмыцком, наблюдается стечение трех и более согласных в инлауте и двух-трех согласных в ауслауте слова, и потому артикуляция слов, проникших из русского языка с подобным стечением согласных, не вызывает затруднения у калмыков и монголов.

2. суть нового в консонантизме проявляется также в изменении состава анлаутных согласных, т.е. в употреблении таких согласных, которые не свойственны началу исконно монгольских слов.

К их числу относятся консонанты: в, п, ф, ч, щ, к, л, п, р в бурятском языке; согласные: в, ф, щ, л, п, р в калмыцком и в, ф, щ, к, л, п, р в монгольском языках.

Перечисленные согласные употребляются в начале только заимствованных слов.

Все перечисленные инновации, проникшие из русского языка в литературно-письменные монгольские языки, наблюдаются исключительно в лексических заимствованиях и

не затрагивают звуковой структуры исконных слов, а также ранних заимствований из русского и других языков. Эти инновации, по существу представляющие собой интерферентные явления в фонетической системе бурятского, калмыцкого и частично монгольского языков, занимают периферийную позицию по отношению к исконной звуковой системе этой группы письменных монгольских языков, образовав особую подсистему, обслуживающую только группу заимствованных слов. Очевидно, этим обстоятельством объясняется то, что фонетисты, описывающие звуковой строй письменных монгольских языков, обычно опускают эту подсистему, как бы диссонирующую исконной фонетической норме монгольских языков.

Между тем это является явным упущением в системе описания звукового строя монгольских языков ибо процент подобных заимствований, как учтенных в словарях, так еще и не зафиксированных в них, довольно велик, особенно в бурятском и калмыцком языках. В современном монгольском языке их значительно меньше.

Фонетическая система бесписьменных островных монгольских языков: монгорского, дуолянского, баоаньского языков [4; 5; 6], которые на протяжении 7-8 веков контактируют с китайским и тибетским языками, подверглась сильнейшему влиянию фонетики последних. Изучение звуковой структуры словарного состава в этих языках показало два ряда явлений: 1) сохранение элементов фонетики древнего монгольского языка и 2) обновление фонетической и фонологической систем за счет использования фонетических элементов китайского и тибетского языков в звуковой структуре не только китаизмов, но также и слов монгольского происхождения.

Для этой группы языков характерным является то, что китаизмы и тибетизмы вошли в эти языки с полным сохране-

нием звукового облика языка-источника, а исконно монгольские слова трансформировались в соответствии с фонетической структурой слов языка окружения. Конкретно это выражается в изменении дистрибуции гласных и согласных в звуковом облике слова, изменении структуры слога.

1) В вокализме прослеживаются следующие изменения:

2) В монгорском, дунсянском и баоаньском языках наблюдается разрушение гармонии гласных, т.е. не нарушение сингармонизма, как в заимствованиях литературно письменных монгольских языков, а разрушение самого закона гармонии гласных. Это явление было подготовлено самой фонетической системой данных языков, в которых отсутствуют переднерядные гласные ö, ü. Например: в бао моря, дунс. моран 'река' <СПМЯ mören; дунс. ноке 'товарищ' СПМЯ nokür; монгор. сунёсе 'дух', 'душа' <СПМЯ sünesein.

Однако исходной причиной разрушения гармонии гласных в бесписьменных монгольских языках послужило влияние китайского и тибетского языков, фонетической системе которых не свойственно явление гармонии гласных.

2) В дунсянском, баоаньском и монгорском языках наблюдается стечение двух разных гласных, например: дунс. буа, бао, - дур 'два', монгор. буёло 'вдвоем'; дунс. дунзу 'колодец' <СПМЯ ondu; монгор. нонур 'товарищ' <нокür. Стечение разных гласных в структуре общемонгольских слов обусловлено влиянием преимущественно китайского языка, для которого характерно данное явление.

В консонантизме этой группы монгольских языков также заметно влияние иноструктурных языков в дистрибуции согласных. 1) В монгорском и баоаньском языках наблюдается стечение нескольких согласных в начале слова [6, с. 39; 5, с. 18] в результате выпадения гласных первого слога, например, монгор. ндур 'высокий'; баобду <СПМЯ ondur; монгор. ндэге 'яйцо', бао. ндэгэ <СПМЯ ondugen.

Употребление двух согласных в начале слова характерно тибетскому языку. Дунсянскому языку, сформировавшемуся под влиянием китайского языка, не свойственно это явление, но в нем более последовательно выражено изменение структуры слога, тенденция к изменению закрытых слогов, посредством опущения конечных согласных слова, т.е. тенденция к идентификации со структурой слога в китайском языке. 2) Обращает внимание изменение в составе анлаутных согласных. Под влиянием китайского и тибетского языков в начале слова употребляются согласные: в (в бао. вар- 'держать' <СЕМ Bari-; верэ 'невестка' <СЕМ Bari); й: (монг. ла- 'плакать' <СЕМ yula-, тавчи 'листва' <СЕМ habcin; дунс. лачни, бао. лабоң, и т.д.); н: монг. наду 'крепкий', 'сильный' <СЕМ batu; бао. путоң 'весь', 'целиком' <СЕМ bitun; дунс. путура- 'рассыпаться' <СЕМ bitura-.

Для монгоровского и баоаньского языков характерным является употребление в анлауте заднеязычного н, также не свойственное монгольским языкам. В монгоровском языке употребление этого согласного наблюдается в трансформированных общемонгольских словах, напр.: СЕМ eazdeг дапо в монг. нге 'борта одежды' <СЕМ onqde развилось в монг. нгуо 'цвет', 'окраска'; 'внешний вид', 'наружность'. В баоаньском языке анлаутный н встречается в словах типа нгоң 'зима'; нрэ 'седло', происхождение которых не совсем ясно.

Эти фонетические инновации бесписьменных монгольских языков, в принципе нарушающие фонетическую норму монгольских языков, составляют специфику фонетической системы этой группы языков.

Факты иноструктурного происхождения, составлявшие интерферентные явления, в какой-то период развития этих языков перестали восприниматься как чужеродные, так как

они органически вошли в структуру воспринявшего языка. В целом это означает определенный отход от исконно монгольских черт фонетики и сближение этой группы бесписьменных монгольских языков с иноструктурными языками.

Отсутствию своей литературно-письменной формы языка в указанных бесписьменных монгольских языках открыло широкий доступ для вторжения иноструктурных элементов и обогащения их средствами, приемами тех языков, с которыми находились в длительном экономическом, духовно-идеологическом контакте. Аналогичное же явление отмечено и в тюркских языках китайского региона в исследованиях члена-корреспондента Э.Р.Тенишева. В языке сарыг-игуров и саларском языке также прослеживается влияние окружающих их иноструктурных языков и прежде всего китайского языка [2, 3].

Сопоставление фонетических интерференций в литературно-письменных монгольских языках с элементами фонетических инноваций в группе бесписьменных языков китайского ареала обнаружило общность между ними в признаемых звеньях фонетической системы для иноязычного влияния и глубокое различие в сфере действия этого нового в каждой группе монгольских языков.

Литературно-письменные языки развиваются за счет собственных потенций с умеренным использованием структурного материала контактирующих с ними языков.

Бесписьменные островные монгольские языки, интенсивно используя фонетические свойства китайского и тибетского языков, модернизируют звуковую структуру слов в соответствии с таковой в контактирующих языках.

Возможность подобного сближения разноструктурных языков на фонетическом уровне свидетельствует о том, что сходные языковые явления могут образоваться в процессе длительных контактов именно бесписьменных языков.

Литература

1. Владимирцов В.Н. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. Л., 1929.
2. Тенишев Э.Р. Строй сарыг-ягурского языка. М. 1976.
3. Тенишев Э.Р. Строй саларского языка. М. 1976.
4. Тодаева Б.Х. Дунсянский язык. М. 1961.
5. Тодаева Б.Х. Ваоаньский язык. М. 1964.
6. Тодаева Б.Х. Монгорский язык. М. 1973.
7. Щербак А.М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л. 1970.

Т.С.Есенова

МОДИФИКАЦИЯ ДИНАМИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЫ СЛОВА ВО ФРАЗЕ

В настоящей статье изучаются результаты анализа силы воздействия интонации фразы на просодию слова. С этой целью нами рассматривалась относительная интенсивность двусложных слов, находящихся в разных фразовых позициях: начале, середине, конце предложений, реализующих завершенный, вопросительный, незавершенный типы интонации. Материал состоял из 51 предложения, они максимально совпадали лексико-грамматически и различались только интонационно. Весь материал был записан в произношении носителей разных монгольских языков: бурят, монголов, калмыков (дербетов и торгуты СССР и КНР). Дикторы (по 2 на каждый язык) были носителями стандартного произношения, в возрасте от 29 до 55 лет. далее с магнитных лент были сняты осциллограммы, по которым определялись объективные характеристики гласных (интересующие нас слова содержали широкие краткие гласные). Все предложения были сгруппированы по типам интонации, а

внутри типов по позициям.

Анализ средней относительной интенсивности слов в разных фразовых позициях показывает постепенное уменьшение интенсивности слова в направлении Н-С-К. Однако обнаруживается определенное влияние интонации фразы на уровень интенсивности слова. Так, в конечной позиции при вопросительной интонации относительно высокий уровень интенсивности слова сохраняется, тогда как в завершенном типе наблюдается последовательное понижение интенсивности слова в целом, в котором проявляются универсально-языковые закономерности.

Изучение соотношения интенсивности гласных в слове обнаруживает любопытную картину, свидетельствующую о несовпадении динамической структуры слова в монгольских языках с таковой в индоевропейских, с одной стороны, и ее изменении в определенных фразовых позициях под воздействием просодии предложения, с другой. Остановимся на этом подробнее и рассмотрим динамическую структуру слова при разных типах интонации и в разных фразовых позициях.

Завершенная интонация. Соотношение интенсивности гласных в слове в разных фразовых позициях неодинаково. В начальной позиции во всех языках отмечается большая интенсивность второго гласного. В серединной позиции это соотношение нарушается в одних языках и сохраняется — в других. Так, в бурятском языке и во всех ойратских говорах интенсивность второго гласного по-прежнему остается больше интенсивности первого, т.е. наблюдается восходящая динамическая кривая, характерная и для начальной позиции. В монгольском языке гласный второго слога может быть интенсивнее первого гласного (диктор 2Mo), а может иметь и меньшую интенсивность (диктор 1Mo). В конечной позиции во всех языках регистрируется нисходящая динамическая кривая слова. Слово в этой позиции отража-

ет общий нисходящий рисунок движения интенсивности во фразе.

Вопросительная интонация. В начальной позиции при вопросительной интонации во всех языках в слове отмечается восходящий динамический контур. В середине фразы в бурятском и монгольском языках, а также в торгутском говоре Китая интенсивность второго гласного в слове больше. Данные калмыцких говоров противоречивы: в одном и том же говоре интенсивность второго гласного может быть и больше (диктор IДе), и меньше (диктор 2Де и 2ТСо), и равной (диктор 1ТСо) интенсивности первого гласного. В этих говорах слова, оказавшись в слабой позиции, не испытывая сильного влияния просодии фразы, проявляют определенную неустойчивость, приводящую то к выравниванию интенсивности, то сохранению большей интенсивности второго гласного, то ее уменьшению.

Картина меняется, как только слово сказывается в зоне сильного влияния фразовой просодии – позиции реализации интонационного центра. Во всех языках, кроме монгольского, интенсивность первого гласного превышает интенсивность второго. Особого внимания заслуживают факты монгольского языка, в котором динамическая кривая слова сохраняет свою восходящую направленность во всех трех позициях. Можно было ожидать подобную устойчивость слова в бурятском языке, поскольку эти языки, в отличие от западно-монгольских, имеют более жесткие сингармонические модели слова. Однако в бурятском языке обнаруживается более сильное воздействие фактора фразы, разрушающее динамическую форму слова в зоне реализации интонационного центра.

Для начала и середины фразы в бурятском языке и торгутском говоре Китая характерна восходящая динамическая структура, а для конца – нисходящая. В калмыцких гово-

рах как в середине, так и в конце интенсивность первого гласного может быть больше интенсивности второго, т.е. "нарушается" определенная схема движения интенсивности в слове, более строго соблюдаемая в бурятском и в особенности монгольском языках не в одной, а в двух позициях во фразе.

Незавершенная интонация. Как для начала, так и позиции середины фразы для всех языков характерна большая интенсивность 2-го гласного в слове. В конечной позиции соотношение интенсивности гласных меняется: гласный 1-го слога имеет большую интенсивность. В зоне динамическая структура фразы подавляет динамическую структуру слова. Она "уподобляется" движению интенсивности во фразе. Если динамическая структура слова из середины и в особенности начальной позиции не соответствует динамической структуре фразы, скорее вступает с ней в противоречие, то в конечной - полностью повторяет движение интенсивности, свойственное в целом фразе.

На основании проведенного анализа можно предположить, что динамическая структура слова в общем имеет восходящий характер, однако в зависимости от фразовых условий она может либо сохранять свой вид, либо изменяться. Она нарушается, когда слово попадает в зону сильного влияния просодии фразы - позицию реализации интонационного центра. В остальных она сохраняет свою восходящую направленность, демонстрируя определенную устойчивость к воздействию просодии фразы.

Восходящая направленность динамической кривой изолированно произнесенного слова уже отмечалась на материале ряда монгольских языков. Так, У.Н. Байчурой установлено, что в двусложных бурятских словах максимум интенсивности приходится на гласный последнего слога: $1,25 : 3,759$, отношение $36,5\%$ [1, с. 56]. Восходящая динамическая линия слова на материале хоринского гово-

ра бурятского языка подтвердилась в исследовании Б.М. Будаева: "...можно говорить о некоторой тенденции к большей интенсивности второго гласного по сравнению с первым" [5, с. 60]. В монгольском языке динамическая структура слова, видимо, также носит восходящий характер: "50% экспериментальных монгольских слов имеет равную или большую интенсивность последующих гласных" [6, с. 136]. В казахском слове наиболее интенсивным является, как правило, гласный последнего слога [4, с. 81].

Имеются свидетельства тюркологов о восходящей направленности динамической кривой слова в тюркских языках. Например, по данным М.К.Исаева, в 78% двусложных и 64% трехсложных казахских слов обнаружена большая интенсивность конечного гласного [11, с. 9-10]. Подобная тенденция выявлена У.В.Таймурой для турецкого и уйгурского языков, А.Орусбаевым - киргизского: "Результаты экспериментального исследования позволяют утверждать, что в современном киргизском языке в двух- и многосложных словах гласные конечных слогов обычно бывают интенсивнее гласных в предшествующих слогах" [18, с. 117]. Таким образом, список многочисленных параллелей в строе этих языков можно дополнить сведениями о динамической организации слова.

В монголистике уже была предпринята попытка интерпретации факта повышения интенсивности к концу слова. Монголисты-классики рассматривали это в качестве коррелята словесного ударения (А.Бобровников, С.М.Ковалевский, Б.А.Котвич, А.М.Позднеев). Такой взгляд, как нам кажется, сложился в силу того, что не учитывались взаимодействие просодических признаков слова и фразы, особенности механизма включения слова во фразу.

В языках, для которых характерно словесное ударение, фонетические признаки слова под влиянием фразы изменяют-

ся, однако "вылично сохранение слогам своего ударения" [3, с. 31]; преобладание одного и того же слога по тому признаку, по которому определяется качество словесного ударения в этом языке, в основном сохраняется. В малайских языках во фразе наблюдается не только изменение динамической структуры слова, но и полная "замена" направления движения интензивности в позиции сильного проявления фразовой просодии. Следовательно, восходящая динамическая кривая слова является одной из фонетических характеристик слова в целом, а не отдельного слога: цельнообразованность слова определяется признаками, характеризующими просодику целого слова, а не его отдельных частей" [3, с. 13].

Согласно закону гармонии гласных, первый гласный слова должен быть более ясным, его фонетические качества более отчетливо выражены, чем у остальных гласных последующих слогов: "Ударение более велико у первого гласного, который несет больше информации, чем другие" [3, с. 61]. На основании "Носители языка приписывают ударение первому гласному" [3, с. 61]. Вместе с тем анализ показывает, что в двуслогом слове фонетические характеристики гласного второго слога выражены ярче. Значит, в слове имеются две сильные точки: фонетически важен первый гласный, а фонетически - второй. Создаются условия для равномерности гласных слова, которая реализуется во фразе в зависимости от типа интонации и позиции слова. Однако несмотря на функциональное тождество ударения и сингармонизма, полного совпадения между ними нет; нельзя не согласиться с Т.А.Вертагаевым в том, что "сингармонизм не является суперсегментом... по своей акустико-физической природе..." [3, с. 107].

Новый взгляд на эти явления представлен в работах Б.Б.Касевича, считающего, что "наличие сингармонизма

служит предпосылкой отсутствия ударения как особой фонологической категории, и сингармонические языки проявляют предрасположенность к анацентности более, чем какие-либо другие" [12, с. 17]. Уместно отметить, что, по мнению таких известных фонетистов, как М.И. Матусевич [15, 1978] и Л.Р. Зиндер [10,], словесное ударение не является универсальной категорией. А.Д. Джунисбеков [8; 9], руководствуясь идеей Л.В. Шербы о существовании языков, которые "выражают то же, что и мы, — иначе", сделал вывод об отсутствии ударения в казахском языке. В последние годы экспериментально-фонетические исследования все чаще приводят монголистов к заключению об отсутствии словесного ударения в монгольских языках: ни одно из акустических средств не дает оснований для вывода о качестве и месте ударения в этих языках. Так, вывод об анацентности монгольского языка был сделан Л.К. Герасмович [7] и Ж.-О. Свангессоном [13].

Причины отсутствия словесного ударения в сингармонических языках кроются в грамматическом свойстве этих языков — агглютинации и, в частности, в том, что в таких языках слову не принадлежит центральная роль в языковом механизме [13, с. 54]. На наш взгляд, специфическая динамическая форма слова, свойственная монгольским, как и тюркским языкам, связана с агглютинацией (вспомним, что монгольские языки имеют "очень высокий индекс агглютинации и ничтожно малый индекс флективности" [14, с. 166]). Агглютинация, благодаря которой словоформы в языке образуются посредством присоединения аффиксов к корню, а корень при этом не претерпевает изменений, способствует и сохранению самостоятельности слова. Слово в этих языках является более самостоятельной фонетической единицей, чем, например, в русском, где при формообразовании корень меняет форму, иногда меняется место уда-

рения. То есть "костяк" слова в них более жесткий. На более высоком уровне, уровне фразы и синтагмы, где слово занимает строго определенную позицию, "костяк" фразы также жесткий. Большая самостоятельность слова в агглютинативных языках приводит к тому, что тенденция подчинения фразовой просодии проявляется не так сильно, как, например, в флективном русском языке. Об этом свидетельствуют полученные нами данные о механизме вхождения монгольского слова во фразу и адаптации его просодической структуры в разных фразовых условиях. Оно сохраняет свойственную ему динамическую направленность в одних фразовых позициях и проявляет неустойчивость в другой — в зоне сильного воздействия просодии фразы, повторяя направление динамической кривой фразы. О столкновении тенденции слова и фразы в алтайских языках свидетельствуют наблюдения У.М. Байчуры: "в большинстве обследованных нами языков обычный мелодический рисунок предложения постоянно перебивается словесным ударением" [1, с. 288]: "словесное ударение может оказывать влияние на интонацию предложения, особенно когда слово находится в его начале..." [2, с. 200].

Различие языков по месту интонации в дифференциации функциональных типов предложения связано со строевой структурой предложения в данном языке [17, с. 38]. В монгольских языках, для которых характерна, с одной стороны, определенная "строгость" порядка слов, а с другой — использование частиц, различительные возможности интонации снижаются. Слово и в составе фразы стремится сохранить свою самостоятельность. Однако изучение динамики изменения интенсивности слова в разных фразовых позициях показывает, что на слово определенное воздействие оказывает интонация фразы, в состав которой оно входит. Это происходит по всей вероятности, в силу глобальности

функции интенсивности — служить цельюоформленности — в противном случае фраза будет "разваливаться" на отдельные сегменты. Благодаря подавлению и подчинению динамических признаков слова фразовым достигается необходимо единство фразы.

Таким образом, исследование динамического компонента интонации показало, что в монгольских языках в распределении этого коррелята интонации проявляются две тенденции, взаимодействием которых определяется динамическая структура фразы. Первая касается уровня слова, вторая — уровня фразы. Слово во всех монгольских языках в изолированном произнесении характеризуется восходящим движением интенсивности. Это же отмечается на материале тюркских языков и связано, по нашему мнению, с морфологической особенностью этих языков — агглютинацией, при которой слово, начинающееся корневой морфемой, может состоять из довольно большого числа аффиксов, не характеризующихся слитностью как с корнем, так и с другими аффиксами. Объединяются они в единую словоформу благодаря восходящей динамической кривой интенсивности, функция которой — цельюоформление.

Морфологические свойства монгольских языков обеспечивают относительно большую самостоятельность слова, проявляющуюся в условиях фразы. Для монгольской фразы характерна нисходящая динамическая кривая, направление которой определяется функцией интенсивности, а также акустической формой воздушной струи. На нисходящий характер движения интенсивности во фразе, как показал анализ, указывает уровень интенсивности в начале, середине, конце фразы, а также локализация максимума интенсивности во фразе. То есть на уровне фразы монгольские факты находятся в рамках универсально-языковых закономерностей, в то время как факты на более низком

уровне - уровне слов - противоречат им.

Слово, имеющее свойственное ему восходящую направленность интенсивности, попадая во фразу, сталкивается с противоположной тенденцией, регулирующей распределение интенсивности во фразе, и относительная большая самостоятельность слова в этих языках дает специфическую картину движения интенсивности в слове в разных фразовых позициях. Здесь можно говорить, вслед за Т.М. Николаевой, о большем или меньшем подавлении слова во фразе. Сильной точкой, в которой обнаруживается большее воздействие фразы, является конец, позиция сильного проявления фразовой просодии. В середине особенно наглядно прослеживается столкновение фразовой и словесной просодии: даже в одном и том же языке можно наблюдать как восходящую, так и нисходящую направленность динамической кривой слова. В начальной позиции, совпадающей с восходящей ветвью сонорной структуры фраз, сохраняется восходящая направленность кривой интенсивности в слове. С акустической точки зрения данная позиция является более "благоприятной" для гласного первого слога, Однако слово во всех монгольских языках и в этой позиции сохраняет большую интенсивность второго гласного слова, демонстрируя определенную устойчивость динамической структуры и в целом большую самостоятельность слова. Сказанное дает нам основание утверждать, что слово во всех монгольских языках проявляет относительную устойчивость к воздействию просодии фразы. Свойственная слову динамическая организация изменяется лишь в одной из трех точек фразы: в конце.

Так как интонация фразы образуется в результате взаимодействия словесной и фразовой просодии, адаптации слова в интонации фразы, интонационный рисунок фразы зависит от фонетической организации слова в данной языке. В этом смысле следует говорить не только о воздей-

ствии фразовой просодии на словесную, но и о специфике строения слова, создающей базу для проявления специфики интонации в данном языке. Такими чертами монгольского слова являются сингармонизм и неслитность частей слова, обусловленная агглютинацией и анакцентностью. Сингармонизм обуславливает некоторую монотонность речи носителей монгольских языков. Она проявляется как в нерезком падении интенсивности от начала к середине и к концу фразы, так и в определенной инвариантности интенсивности гласных во всех монгольских языках. Однако степень варьирования интенсивности в монгольских языках различна и находится в прямой зависимости от проявления сингармонизма. Большая вариативность и соответственно больший объем динамического диапазона и большая частота появления максимума интенсивности в неначальной позиции западно-монгольских языков соответствуют большей свободе вокалического наполнения слова, характерной для этих языков. Обратное - меньшая вариативность, меньшая частота появления максимума в неначальной фразовой позиции, меньший динамический диапазон - характерно для восточно- и северно-монгольских языков, в которых законы сочетания гласных слова более жестки. Просодика фразы в монгольских языках формируется в таких условиях, когда каждый первый слог слова предопределяет фонетические признаки последующих, в частности, также важные, как ряд и огубленность (за исключением западно-монгольских языков). Это создает условие для равноправности гласных. В монгольском слове нет ударных и безударных слогов, следовательно, нет и безусловного доминирования одного слога над другими. Вариативность характеристик гласных определяется не ударностью или безударностью слога, а в основном позицией в слове и во фразе, т.е. фонетическим контекстом.

Большая самостоятельность слова в монгольских языках, с одной стороны, крайне ограниченное использование такого средства связи, как согласование, с другой, благоприятствуют большей дробности членения речи, ее неслитности. Монотонные звуковые последовательности, довольно часто прерываемые паузами разной протяженности, формируют основные особенности речи монголов, бурят, калмыков.

Литература

1. Байчура У.Ш. Звуковой строй татарского языка в связи с некоторыми другими тюркскими и финно-угорскими языками. М., 1962.
2. Байчура У.Ш. Инструментальные данные об ударении и интонации в алтайских языках // Проблема общности алтайских языков. Л., 1971.
3. Вертагаев Т.А. Сингармонизм, ударение и изменение звукового состава слова // Вопросы языкознания. 1968. № 2.
4. Виткеев П.Ц. Словесное ударение в калмыцком языке и монгольском языке Тувы // Вопросы грамматической системы монгольских языков. Элиста, 1980.
5. Будаев Б.М. Акцентуация бурятского языка. Словесное ударение в хоринском диалекте. М., 1981.
6. Герасимович Л.К. К вопросу о характере ударения в монгольском языке // Вестник ЛГУ, 1970. № 14. Вып. 3.
7. Герасимович Л.К. Монгольское стихосложение. Л., 1975.
8. Джунибеков А.Д. Просодика слова в казахском языке. Алма-Ата, 1987.
9. Джунибеков А.Д. Сингармонизм в казахском языке. Алма-Ата, 1980.

10. Зиндер Л.Р. Общая фонетика. М., 1979.
11. Исаев М.К. К вопросу о фонетической структуре слова в казахском языке (сравнительно с английским языком). Алма-Ата, 1970.
12. Касевич В.Б. Анацентные языки и сингармонизм // Фонетика языков Сибири и сопредельных регионов. Новосибирск, 1986.
13. Касевич В.Б., Шаоельникова Э.М., Рыбин В.В. Ударение и тон в языке и речевой деятельности. Л., 1990.
14. Касевич В.Б., Хонтоев С.Е. Квантитативная типология языков Азии и Африки. М., 1982.
15. Матусевич М.И. Современный русский язык. Фонетика. М., 1978.
16. Мереккулиева А.К. Фонетическая структура слова в разных фразовых позициях. Л., 1989.
17. Николаева Т.М. Фразовая интонация славянских языков. М., 1977.
18. Орусбаев А.М. Экспериментально-фонетическое исследование киргизского ударения // Вопросы языкознания. 1970. ... 4.
19. Övantsesson S.-O. Phonetic correlates of stress in Mongolian // Proceedings of international conference on spoken language processing. Kobe, 1990. Vol. I.

Сокращения

- Н — начало фразы
 С — середина фразы
 К — конец фразы
 Бу — бурятский язык
 Мо — монгольский язык
 Де — дербетский говор калмыцкого языка
 ТСо — торгутский говор СССР
 ТКи — торгутский говор Китая
 I, 2 — номер диктора

О СМЫСЛОВОМ МНОГОЗНАЧНОСТИ БАЗОВЫХ МОНГОЛЬСКИХ МУЗЫКАЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ

Изучение монгольской музыкальной терминологии представляет собой одну из наименее разработанных областей в мировом монголоведении.

Задачей настоящей статьи является привнесение в область исследований монгольских музыкальных терминов системного подхода, позволяющего рассматривать предмет изучения в качестве органического элемента культуры, соотношенного со всем комплексом факторов, составляющих специфику данной цивилизации. Для практического воплощения этой общей установки избраны несколько базовых терминов монгольской музыки, семантический анализ которых представляется наиболее показательным в решении поставленной задачи.

Отталкиваясь от наиболее общего для мировой музыкальной практики понятия "звук" и в значительной степени менее универсальной категории "музыка", нельзя не отметить, что своеобразие соотношения между этими двумя понятиями в музыкальном мышлении монголов в огромной мере определяется присущим данному обществу кочевым типом культуры. Будучи феноменом высоко культивированным, эмпирически выверенным и многосторонне осмысленным, звук, характеризующий музыкальное мышление кочевника, воплощает в себе, как правило, не столько заметное во многих культурах стремление человеческого духа оторваться от первозданного естества, в чем-то превзойти природу, воспарить над ней, сколько, напротив, своеобразную ностальгию по ее некогда покинутому материнскому лону, поиск

идеальной созвучности струн человеческой души общей начальной гармонии мира. Думается, что именно этим оказалась обусловленной такая специфическая для данной культурной ситуация, при которой оппозиционный характер парности "звук-музыка" проявился с особой очевидностью, причем, "музыка" в этой оппозиции нередко получает статус вторичного явления по отношению к звуку. Звук не предстает здесь отнюдь не элементарным "кирпичиком", используемым для создания музыкальной ткани, а законченным, самостоятельным продуктом культуры, источником и средоточием практически тех же самых качеств, которые раскрываются и в музыке, но уже в некоем временном континууме.

Именно на примере монгольской культуры лучше может более наглядно, чем в других регионах, проявиться особенность звука как полноценного экзепрезивного средства, равноправного музыке, которая основана на неких логических, линейных закономерностях. Функциональная многозначность звука в культуре монголов, его способность служить своеобразным "генетическим кодом" цивилизации или, говоря иначе, "моделью мира", порожденной традиционным сознанием центральноазиатского кочевника, нашла отражение и в терминологическом блоке, окружающем понятие "звук". В монгольском языке существует несколько обозначений данного явления¹: дуу(н) - "звук, звон, голос, песня"; хөг - "звук, гармония, настройка"; анир (аниа, амна, авна) - "звук, шум, гул; эхо, отголосок"; эгшиг - "музыкальный звук, благозвучие, мелодия, песня"; чимээ(н) - "шум, звук, молва, слух". Хотя в некоторых случаях возможна взаимозаменяемость указанных терминов, их употребление в качестве синонимов, применение парных сочетаний вроде анир чимээ, хөг дуу и т.д., все же за каждым из них стоят совершенно конкретные, специфические

смыслы, определяемые древними корнями слов, их историческим развитием, сложно сочетающимися коннотациями. В целом приведенные термины, характеризующие понятие "звук", по своему происхождению и оттенкам значений могут быть распределены по трем группам. К одной из них относятся слова, практически не употребляемые непосредственно по отношению к звукомузыкальным явлениям, а скорее характеризующие звук как физико-акустический феномен. Это восходящие к древнему корню "аь < ай (ау)" термины амир, авиа, амиа, чаще всего употребляемые в паре с чимээ. Исследование возникающего вокруг данных терминов комплекса слов и выражений в настоящий момент лежит за пределами нашего специального интереса, хотя оно, несомненно, привело бы к любопытным находкам, так как указанные слова сцеплены своими корнями с такими основополагающими понятиями человеческого бытия и сознания, как амь (амин) - "жизнь, существование, душа, судьба, дыхание, суть, существо" (ср. лат. anima - "душа"), а также ам(ан) - 1. "рот, уста, губы; 2. слово, язык, речь; 3. дыра, отверстие", амар - "спокойствие, благополучие"; амгалан - "мир, покой, благоденствие"; амраг - "любовь, любимый" (ср. лат. amor, фр. amour и т.д.). Совокупность значений, которыми оказывается наделенным корень ам, неизменно возвращает нас к представлению о человеке, а в тех случаях, когда данный корень лежит в основе обозначений звуковых явлений, их сущность как бы подсознательно связывается с тем, что человеком производится или воспринимается.

В область словесных определений звука-музыки корень ая(ай) проникает со значением звука, определенным образом упорядоченного, культивированного, согласуемого с понятием ая - "положение, обстоятельство, способ, характер, обыкновение, обычай", ср. бур. аянга, аялга

"привычка, манера, привычное поведение". Производными от корня ая, выражающего представление о неких положительных, приятных для восприятия свойствах вещей, служат, в частности, слова аяар - "тихо, негромко"; аятай - "приятный, удобный, уютный" и др.

Слово ая в значении "звук" (с оттенками согласия, гармонии) используется редко, в большинстве случаев отесняясь терминами второй и третьей группы, то есть дуу, хөг (если речь идет о музыке) или от него же производными айма, айна, авиа, анир, но зато широко применяется в значениях "мелодия", "мотив", "напев". По свидетельству С.Ю. Неклюдова (Личная беседа 20 октября 1989 г., Улан-Удэ), восточномонгольские сказители Чоинжор и Самбуудаш, давая информацию о записанных от них сказаниях о Тэсэра, словом ая называли характерные мелодические образования, клише, закрепленные за определенными ситуациями или героями [Об этом см. в, 93-113]. Корень ая, наконец, входит в некоторые обозначенные стилистические понятия. Исследованию связанные с оценкой временной или личностной аялах (дуу аялах) - "напевать мелодия, запевать песню"; аялан уншиг - "декларировать, начать нараспев"; аялга - "мелодия, мотив"; аялгуу - "мелодия"; ср. бурят. аялгалха, аялгалха - "напевать". Интересно, что в тех областях человеческого самовыражения, которые связаны с голосом (речь, поэзия, музыка), можно встретить параллельное использование производных от корня ая терминов: аяс - "intonация"; аялга - "возглас" (грам. междометие), акцент"; аялгуу - "1. возглас; 2. лингв. наречие, диалект"; аман аялгуу - говор; 3. произношение; ~~ая~~ (бааринск., коринск) - "запевать, начинать говорить".

Специальное внимание следует уделить термину айзам, используемому в сочетании айзам уртын-дуу. В образовании слова айзам участвовали два корня: аяй - "звук, гармония,

согласие и т.д." и зам - "дорога, путь". Подобное сочетание представляется нам глубоко закономерным, так как в традиционном сознании монголов существует отчетливая аналогия между музыкальным построением и дорогой, движением. Собственно, для кочевника движение лежит в основе любого способа освоения вселенной, будь это складывание представления о пространстве путем его "прохождения" или времени - путем его "проживания", заполнения какой-либо деятельностью. Категория движения в культуре кочевого типа существенно влияет на закономерности организации музыкальных текстов, а зачастую становится одним из основных критериев в оценке красоты, правильности, гармоничности звуковых явлений. Исследователи монгольской культуры постоянно отмечают, что сказители любят называть свой музыкальный инструмент конем, звуковое построение - дорогой, напевное исполнение сказа в сопровождении инструмента - конным, в разговорной же манере - пешим и т.д.

Отмеченная связь категорий "музыка" и "движение" проявляется даже во внутренней структуре слов, определяющих различные аспекты этих понятий, в созвучности, фонетическом подосновании их корней. Так, термин аялах - "напевать, запевать", имеет также значение "отправляться в путь, путешествовать" (от "аян" - путешествие, караван, поход, дальняя дорога). Что касается термина "айзам", то, на наш взгляд, айзам: уртын-дуу представляют собой наиболее классическую разновидность уртын дуу, отличающуюся сложной грамматической моделью, поэтическим совершенством и изощренной техникой исполнения.

Исторически сложилось так, что термин ая не занял основополагающей позиции в монгольской музыкальной терминологии, оставшись на втором плане по сравнению с двумя другими обозначениями музыкального звука - дуу и хөг.

Каждое из этих понятий является родовым для обширных комплексов слов и выражений, уходящих своими корнями в лексиче-скую древнюю бытовую и культурную практику кочевого общества // образующих вокруг этих корней целые гнезда близких по тем или иным признакам словосочетаний. Одной из характерных черт монгольских терминов, соответствующих понятию звук, является их многозначность, проявляющая себя двояко: в плане обозначения одним и тем же словом различных явлений в специальной сфере употребления, то есть в области музыкальной культуры, и в плане исторического напластования коннотативных связей этих слов. Многие специалисты в области языкознания в качестве обусловленной характеристики термина называют его однозначность, считаясь порой одним из обязательных признаков термина. Однако в области монгольской музыкальной терминологии, как отмечает специалист и автор введения Г. А. Воробьева, "многие термины имеют не только значение, данное в специальной терминологии, но и значение широкое в языке, в быту, в литературе, в искусстве". "Иногда широкое значение имеет и само слово ученики, — что означает термин не только член определенной терминологической системы. В конечном счете он принадлежит языку в целом. Поэтому несмотря на специфику функционирования термина, особенно если он однословный, может обладать словом многозначности" [15, 6]. Нам видится и другая сторона отмеченной полисемии терминов иду и хет: разнообразие содержания, вмещаемых в эти знаковые формы, позволяет с наибольшей точностью отразить все оттенки их специальных значений.

Учитывая малый объем данной работы, мы вынуждены в значительной степени схематизировать наши рассуждения и рассматривать сопоставляемые термины с точки зрения условно выявленных взаимосоприкасающихся блоков специальных и общеязыковых значений, заключенных в образующих эти термины корнях. Фактом, заслуживающим внимания, по-

казалось нам то, что группы слов, сформировавшихся на основе каждого из указанных корней, соседствуют практически во всех блоках, как бы взаимодополняя друг друга и перекрывая в общей сложности целый комплекс основополагающих понятий традиционной системы мировоззрения монголов. Вместе с тем существует и принципиальное смысловое различие этих корневых систем, которое, вероятно, и объясняет их равноправное функционирование в языке.

В анализе музыкальной терминологии, которая является одновременно элементом двух сфер жизнедеятельности цивилизации - музыкальной культуры и языка - нельзя обойти как процесс развития музыкального мышления данного общества, так и знание суффиксальных приемов и норм. Все чего многие явления в терминологии просто не имеют. Так, отсюда берет свое начало слово буца - конь.

Возможно прийти к довольно далеким сопоставлениям, объясняя не только смыслы буца и буца слов, но и определенно-

внутриязыковые закономерности. Так, нам неоднократно придется предполагать в отношениях между словами помимо чисто внешнего, обусловленного сходными подэтимологическими психоэмоциональными предпосылками, фонетического подобию и такое явление в монгольских языках, как внутренняя флексия [Ом. 4; 4; 3], которая наряду с агглютинацией играет весьма существенную роль в словообразовании, схватывая весьма широкий круг корней слов.

В.И.Владимирцов, одним из первых оценивший значение флексии в монгольских языках, полагал это свойство ограниченным пределами чередования гласных заднего и переднего ряда "при помощи которого монгольский язык производит различие по родам" [4, 188]. Последующие исследования, однако, показали, что в такой же мере могут чередоваться и гласные одного ряда, и согласные, что в целом составляет довольно пеструю и в то же время четко

организованную картину созидательного процесса в языках данного ареала, рисуящую множество смысловых вариаций в группах слов.

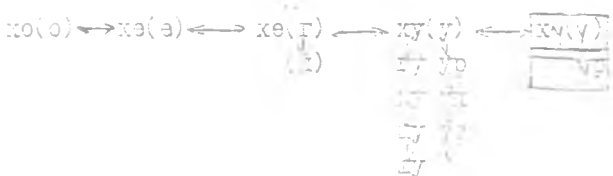
Так, Т. А. Бертагаев приводит многочисленные примеры чередований фонем, дифференцирующих значения слов, отмечая наиболее распространенные переходы гласных и согласных [3, 91-96]. Помимо этого, им рассматриваются и такие случаи, когда в группе слов происходит чередование нескольких фонем, в результате чего на скелет из наиболее константных согласных или гласных нарабатываются целые гнезда слов с неким общим корневым значением [3, 93-97]. "Все чередующиеся гласные фонемы, - пишет ученый, - очевидно, были некогда вариантами одного гомогенного ряда, близкородственными по дифференциальным признакам и имевшими больше сходных, чем различительных признаков" [3, 97-98].

Сопоставив наложенные в лингвистических работах выводы с информацией, полученной в личном беседах с учеными - монголоведами, монгольскими педагогами, просто людьми преклонного возраста, владевшими старомонгольской письменностью и помнящими ушедшие из живой практики смыслы многих слов, мы сочли возможным объединить под знаком двух базовых терминов монгольской музыки дуу и хег многочисленные группы слов, в смысловом и конструктивном плане связанных с этими терминами и в совокупности расширяющими их многозначность. Так, от слова дуу, по нашему мнению, возможно проведение сопоставлений слов со следующими корнями:

$$\begin{array}{cccc}
 \text{до(о)} & \longrightarrow & \text{де(е)} & \longrightarrow & \text{ду(у)} & \longrightarrow & \text{д' ( )} \\
 \text{то(о)} & & \text{те(е)} & & \text{ту(у)} & & \text{т' ( )}
 \end{array}$$

Связи слова хег представляются нам более сложными, обусловленными не только чередованием гласных и соглас-

ны в морфях, но и выпадением минимальным согласных:

Первый семантический блок условно сгруппирован нами вокруг наиболее абстрактного понимания звука как универсального явления. Особенно употребителен в этом смысле термин дуу, "являющийся, впрочем, таковым лишь в рамках определенной гермнологической системы, а за ее пределами деформализирующийся. Под словом "дуу" подразумеваются, в частности, левое звучание, источник которого или его качественные характеристики уточняются отсутствием слова или присоединением к морфе аффиксов, напр., "дуу тарак (дугарак)" - издавать звук, звенеть; мангинак дуу - "звон"; "дуу аваллах" - переключаться; "дуу тавик" - поднимать крик; каштарак дуу - крик; "дуу кевзел" - помахивать, звенеть; ср. бурят. дуу, дуу дуу - "ран, шум" [3, 147]; мангрийск дуу - шум; дугарак - подражать; ср. бурят. дуураха, дуураха [3, 173]; дуурсак - предмет; дуу дуу - "мелодичный звук флагозвучных галес"; саргва дуу - "сильный, крикливый голос"; дууриан - "эхо, оплетня"; дууриан - "эхо, звук"; дуурак - "читать, произносить"; дуудлага - "произношение"; и т.д.

Учитывая упоминавшееся выше явление внутренней флексии гласных и согласных выстроим еще один ряд: дунгонок - "гудение; гудеть, глухо греть, издавать глухой звук, раздаваться гулко"; дундох - "бормотанье"; дун дан хийх - звукоподр. греть; дунгэр - "гул, гуденье, шаманский бубен"; дунгэх - "продолжительный звук"; донгодох "куковать, петь, чиркать, ворковать"; донго-

сох - "ворчанье; болтать, пустословить"; доргио - "грохот, дребезжание, гул (от топота стада); ср. бурят. "доолгоон" треск, шум [3, 93]; бурят. "тцэргэхэ", "түе-рэхэ" - грохотать, шуметь [3, 178]; зап. бурят. "түрье-хэ" - грохотать [3, 155].

Для нас наиболее интересны обозначения явлений, связанных с человеческим голосом. Само понятие "голос" в обычной речи часто передается словом дуу ("чанга дуу-таар хашираа - "кричать во весь голос", дуутаа чан-патраа - "повышать голос" и т.д.).

Вместе с тем термином "дуу" передается понятие "песня", вошедшее как в разговорный обиход, так и в специальную литературу. Известна обширная номенклатура разновидностей вокально-поэтических жанров и форм, обозначаема при помощи этого термина: уртын-дуу (так называемые протяжные песни), богино-дуу (короткие песни), мулчун дуу (старые песни), алдуу дуу (мелодичные песни), эргэн дуу (широкие песни), хөдөлмөрийн дуу (трудовые песни), шашир дуу (религиозные песни), завшал дуу (летнополенные песни), и т.д. Вероятно, произошло естественное разделение семантических вариантов термина: в той области, где наиболее предшественными оказалось употребление "дуу" в значении "песня", понятие "голос" чаще выражается словом хоолой (нарийн хоолой - высокий голос, аргил хоолой, сүдүүн хоолой - "низкий голос"), в остальных же сферах являясь практически на равных правах используются все значения слова дуу: "голос, звук, песня, напев".

В отличие от "дуу", термин "хөг" сам по себе как бы более абстрагирован от человека как источника звучания, его основное содержание как музыкального понятия - "строй, настройка, гармония, стройность звучания"; хөгдөх - "настраивать музыкальный инструмент", хөг нийлэх

- "ансамбль" и т.д. Именно от этого корня произошло слово кетким - "музыка, музыкальный инструмент, оркестр", а также производные от него кеткишек - "играть на музыкальном инструменте, исполнять музыкальное произведение; кеткичин - "музыкант" и т.д.

Склонны предполагать, что еще один термин, обозначающий звук, причем именно в области музыкальной практики и лингвистики "эгшиг" - также сцеплен своим корнем с термином "хөг" (если принять версию о выпадении инициальной согласной, возможности весьма распространенной в монгольском языке замены внутрикорневого "э" на "э" и добавлении частицы "шиг" со значением: подобия). Из всех рассматриваемых нами терминов "эгшиг" по существу является едва ли не единственным, отвечающим всем требованиям, предъявляемым к термину в его строго научном понимании, так как его характеризует однозначность употребления, функционирование в узком профессиональном среде и т.д.

Второй блок слов, связанных с широким звуком-музыкой и имеющих основу, близкую корням "хөг" ("хе ") и "дуг", образуется вокруг значений звука как физико-акустического феномена. Бряд ли можно считать случайностью широкое использование данных корней (или их фонетических вариантов) в тех случаях, когда речь идет о каком-либо буквальном или потенциальном источнике звука или о тех явлениях физического мира, которые изначально связаны со звуком (вибрация, колебания и т.д.). Можно, например, сравнить такие слова, как доргилох - "вибрация, вибрировать, трястись" и хөвөлзөх - "колыхаться, качаться", дордлох - "волнение; вздрагивать, содрогаться, сотрясаться, биться (о сердце); хөдлөх, газар хөдлөх - "землетрясение"; донслох - "трястись, беспокоиться, тревожиться"; "доргио" - "сотрясение, дрожание"; Ср. в бурят. дэл-элгээн "сотрясение, шумный сполох", дөлөлгөөн - "воз-

буждение, переполох" [3, 92]; дополоон - "треск, шум", дөһөлгөөн "суматоха, шум"; зап. бурят. дөһөлгөөн - "сотрясение. шум", дополоон - "сильное сотрясение, землетрясение" [3, 93].

Существуют также слова, близкие по значению упомянутым, но восходящие, в свою очередь, к корням "дуо" түүс тө түүс түүс: тевек(х) - "горлань", түүсэн. О выдающихся певцах уртин-дуу, достигших исключительного качества звучания говорят: "У него хороший түүсэн".

Те же корни могут быть отмечены и непосредственно в названиях монгольских музыкальных инструментов куур (морин-куур), цуур, экинцур, возможно, есть определенная связь ~~между~~ этими названиями и понятием "туургаан" - лопат труба, "хеерэг", "хуучир", "дуудраг", "дуу" и т.д.

Монгольским исследователем А. Вадраа [29, с. 490-491], ссылается на целый ряд источников, в том числе работы Т. Балрама, Я. Неплюе, О. Хюмбе, Т. Дёрнера и др., указывает на этимологическое родство некоторых монгольских и существующих в других языках названий музыкальных инструментов, таких, как куур, коомэ (куоос, куомэ, ко-буэ, куамэ, кокуэ, кокуэ, комяк, комяэ), хеерэг, хэингэрэг, кулмуу (кухиюу), цударга, товцуур и т.д. [1]. Причем, одну из причин подобного родства ученые объясняют заложением в корнях "не" "хе" "ху" "ту" изначальным значением движения, деятельности, что, подтверждается с одной стороны, существованием вокруг данных корней довольно большого гнезда слов с указанными значениями, а, с другой, - ясно ощущаемой во многих явлениях традиционной монгольской культуры взаимосвязью категорий движения и звучания. Примеры здесь многочисленны, приведем лишь некоторые из них: хедлел - "движение", хедлгөө(н) "движение, деятельность", хедлмөр "тру", хөгжил "раз-

этике", проглатываю, разду, раздуваю", куда или "закручиваю, выкручиваю" и др.

Упомянем и то обстоятельство, что зачастую рассматриваемые корни, так же как и постоянно привлекаемый нами к анализу корень "ду" ↔ "ту", содержат в себе значения кольца, круга, кругового движения, что усиливает элемент сакральной символики в данных корнях, так как символ круга является одним из основней и наиболее древних в слоготе мировоззрения монгольских народов. Наиболее интересным представляется здесь не столько параллели между терминами "хел", "дуу", "туу" и многочисленной группой слов, несущих в себе идеи круга, сколько отражение через специальную терминологию проникновения этой идеи в среду жань звукомусикальных построений. Так, в технике исполнения уртин-дуу немаловажную роль играют причём дункрулдан и всаронт, сравнимые с речным водоворотом из-за постоянного возвращения к одному и тому же звуку, создающего своеобразное энергетическое напряжение, реализующее в пространном звукообразе "развучивания" монгольских слов. В конечном итоге, вся композиция уртин-дуу воспринимается как воплощенная в звук идеи круга во всем многообразии своих древних ритуальных смыслов, а также как один из наиболее действенных способов накопления и отдачи психоэмоциональной энергии.

Размышляя о том, почему именно указанные корни, то есть "ду(y)" ↔ "ту(y)" ↔ "дч(.)" ↔ "тч(γ)" ↔ "до" и т.д., с одной стороны, и "хел(е)" ↔ "ху(y)" ↔ "гу" ↔ "ху" ↔ "ур" и т.д. — с другой, оказались наиболее предпочитаемыми для выражения понятий, сопряженных с миром звуков, нельзя не обратить внимания на тот факт, что подавляющее большинство возгласов, междометий, используемых монголами в скотоводческой практике для созывания, успокаивания или отпугивания животных, основано на тех

не звуковых сочетаниях. Любопытно, что своеобразный "словарь" этих зовов един практически по всей Монголии: в каждом кочевьи можно услышать, как криками "тойг! тойг! тойг!.." хозяева собирают своих овец, ... "гуруй!.. - коней", "хеес..." - верблюдов, "еэв..." - коров и т.д. Подобные возгласы нашли отражение в словарях в виде разнообразных междометий: - "хех" - возглас, которым понукают коров и верблюдов, "хеэг" - возглас, которым подгоняют караван, "туу!" "дуу!" - резкий окрик на животное (собаку).

Более или менее полная номенклатура возгласов, традиционно используемых скотоводами, равно как и разнообразные звукоподражательные слова ("дон дон хийггах" - тренькать, "хүнгөнөх" - гудеть, говорить басом, "түс" - громкий звук при падении тяжелого предмета и др.) кажутся нам по-своему показательными в понимании той или иной звуковой структуры изучаемых терминов. Эне Т.А. Бертагаев отмечал, что "междометия не имеют эмоции, а выражают их", "являются знаками разного рода эмоций" [3, 112]. "Изобразительные слова, особенно звукоподражательные, также не обладают функцией номинации. Они имитируют или в акустических образах слова воспроизводят натуральные звуки или зрительное ощущение субъекта. И каждое такое слово, не смотря на это, передает какое-то значение" [там же].

Быть может, особая призывная сила звуко сочетания "дуу" и послужила причиной того, что именно с этим корнем связаны слова, обозначающие обращения к духам предков, взывания к силам природы в шаманской обрядовой практике, как известно, играющей важнейшую роль в мировоззрении монголов. В этой области накоплен огромный массив слов, привести который полностью не представляется возможным; среди них, например, "дуулах" - звать, вызывать, "дуудлага" - призыв, "беэгийн дуудлага" -

вызывание духов шаманом, "дуудах авла" - зов, "дуул-тах" - ставить в известность, сообщать, информировать, "дурдагта" - обрядовое призывание духов в бурятском шаманизме [9, 46] и длинный ряд шаманских терминов, суть которых сводится к обращению человека к потустороннему миру. В этой связи мы склонны трактовать и первоначальное значение термина "дуу" как зов, зывание, призывание, обращение к духам предков, что в свою очередь ведет к уточнению понимания этого слова в таком сочетании, как "уртын-дуу".

Обращает на себя внимание, в частности, тот факт, что в одном из средневековых памятников монгольской письменности "Алтан товч" для разъяснения выражения "их яруу", под которым подразумевается обряд обращения к предкам, в старинной рукописи использована глосса "Инаду" (то есть "дуу"). На наш взгляд, существует несомненная связь между древним образом зывания к предкам и жанром уртын-дуу, но именно на той основе, что данный жанр зародился в обрядовой сфере культа предков, где формировалась его музыкально-грамматическая база. При этом было бы, однако, неоправданно упрощением объяснять обряд "их яруу", так же как и уртын-дуу при помощи значений "мелодия" или "песя". Этому мешает не только смысловая многозначность термина "дуу" и его явное тяготение к шаманской лексике, выработанной в сфере культа предков, но и возможность трактовать термин "уртын" не просто как характеристику пения в уртын-дуу как очень долгого и протяжного (от "урт" - длинный, долгий), но как указание на особую значимость и грамматичность высказывания, на высокий уровень художественной "выделенности" его звуковой ткани. Поэтому вряд ли имеет смысл переводить название жанра "уртын-дуу" на другие языки, так же как и аналогичные выражения в родственных языках: "узун-кай" в башкирском, "узун-кый" в казахском,

"уул-хава" в турецком т.д.

Корень "дуу" воплощает и такую характерную черту традиционного сознания монголов, как почитание предков, ориентация на образцы прошлого, что нашло отражение в понятиях "дурагал" - память, воспоминание, "дуурнал" - подражание, образец, пример, "дуурвил" - важное, значительное, "түг(ик)" - история, историческое повествование, легенда, "дуул" - повесть, "домог" - легенда, сказание, притча, "дууль" - эпическое сказание, эпоса "үлгер" - улигер, сказка (в монг.), сказание (в бурятск.), "дуурьсгал" - слава, известность.

В связи с выявленной многозначностью внешнеки монгольских (буриятских) терминов, из всего множества синонимов отглагольных в данной работе рассмотрено далеко не все, хотелось бы подчеркнуть, что многозначность, расплывчатость восприятия как одной явления, дуулам, так и их языковых эквивалентов - при сравнительно немногочисленности и тем, и других - представляется характерной цивилизационной чертой, отражающей сложность данного общества копировать в отдельные элементы своей культуры целостную систему связей представленной о мире. Иначе говоря, такие термины, как дуу, хэл, ян, уртин-дуу и др. могут рассматриваться в качестве своеобразных "ключей" и закодированными в звуках "моделей мира", сочетающими в себе многие стороны цивилизации Центральной Азии в целом и традиционного мышления монголов в частности.

Примечания

1. В работе использованы материалы словарей М. Дзвала [14], А. Лувсандэндэва [9], Ш. Лувсанвандана [15], ряда диалектологических и терминологических исследований [2; 3; 4; 7; 10; 11]. Основной массив охваченной лекси-

ны извлечен из современного Литературного монгольского языка, однако, отдельные примеры позаимствованы из различных диалектов монгольского или родственных ему языков (калмыцкого, бурятского). В ряде случаев могут также возникать параллели с тюркскими и другими языками алтайской группы.

2. Видный венгерский языковед, сторонник алтайской теории Л. Дигети отмечает: "Тюрк. *ayuz* "рот"... - производное от слова *ay* "отверстие". Равным образом и монг. *awul* "рот" является производным; оно неотделимо от монг. *awuqa* - *uq* - "открываться, раскрываться" [7,

3. Ср.: "хүрээ(н)" - круг, ограда, стан, крупный монастырь, "хорог" - фигура в виде круга с радиальными спицами; "дугариг" - круг, круглые; "дуган" - храм; "дугараа" - круговая чаща, оратина; "хөөрөг" - табакерка, которой монголы по традиции обмениваются при встрече, а при обмене большого числа участников беседы передает по кругу в знак всеобщего расположения.

Литература

1. Берлинский П.М. Монгольский певец и музыкант Ульд-зуй-Дубсан хурчи. - М., 1933.
2. Бертагаев Т.А. Количественные чередования гласных и аблаут в монгольских языках // Вопросы языкознания, 1971, № 6.
3. Бертагаев Т.А. Морфологическая структура слова в монгольских языках. - М., 1969.
4. Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика, - Л., 1929.
5. Калмыцко-русский словарь. Под ред. Б.Г.Мунлева. - М., 1977.

6. Кондрачев Ю.А. Музыка монгольского эпоса и песен. - М., 1973.
7. Лигети И. Алтайская теория и лексико-статистика. // Вопросы языкознания, 1971, № 3.
8. Мухометов И.Х. Бурятские шаманистические и дошаманистические термины: опыт аналитической интерпретации. - М., 1984.
9. Монгольско-русский словарь. Составитель: А.Дувансандова. - М., 1957.
10. Нурбеев Т.Д. Современная монгольская терминология (лексико-этимологические процессы и деривация). - М., 1984.
11. Нурбеев Т.Д. Функциональное чередование звуков в монгольских языках // Вопросы языкознания, 1975, № 4. - С. 10-11.
12. Ойуноров В.И. Монгольская народная музыка. - М., 1957.
13. Ойуноров В.И. Монгольские народные песни, сэрэгэри и урианьчигэри. // Язык и музыка монгольских народов. - Уланбаатар, 1985. - С. 101-106.
14. Монгол хэлний товч галибар товч. Сохиогч Н.Довал. - Улаанбаатар, 1966.
15. Орос-монгол словарь. Ред. П.Дувансандова. - Улаанбаатар, 1982.

П.А.Дузьменков

ВАРИАНТ РЕКОНСТРУКЦИИ ДРЕВНЕМОНГОЛЬСКОГО КОРНЯ СО ЗНАЧЕНИЕМ "ЧЕЛОВЕК"

Ст.-письм. форма *kuimča* "человек" - одна из самых архаичных среди всех соответствующих форм, диалектных и

письменных, иновых и старых. Однако непосредственное возведение от совр., например, халх. $\chi\ddot{u}n$, через срм., например, ИИ $\chi\ddot{u}'n$, к ст.-писм. $\chi\ddot{u}n$ представляется сомнительным из-за необходимости допустить развитие $\chi\ddot{u} > \chi$. Выпадение интервокального согласного -л- типично не только для монгольских языков, но и для всего восточного центрально-азиатского ареала, причем чаще многие из там называемых алтайских языков, которые с глубокой древности находятся в контакте, имеют характер перманентного, то более, то менее тесного языкового союза.

Если отвергнуть развитие $\chi\ddot{u} > \chi$, то остаются две гипотетические возможности: 1/ существование переходная форма ИСИ ($\chi\ddot{u}n$), где $\ddot{u}$ - согласный, способный выпадать перед долгим или ударным гласным, то есть χ , в ИИИИ; 2/ срм. и совр. формы обязаны с одним древним диалектом /назовем его - "диалект I"/, в котором соответствующая форма отличалась от ст.-писм. $\chi\ddot{u}n$, а последняя обязана своим существованием другому диалекту /назовем его - "диалект II"/.

Первое решение трудно считать приемлемым, поскольку интервокальный -л- был устойчив не только к падению, но и к переносу в другие звуки.

Если мы пойдем по второму пути, то нужно реконструировать общую, исходную для обоих диалектов форму. История исследований в данном направлении предлагает нам два варианта: * $\chi\ddot{u}n$ [1, с. 250], * $\chi\ddot{u}n$ [29, с. 63]. Из двух видов звуковых изменений - $\chi > \chi$ и $\chi > \chi$, второй вариант не предполагает постулирования дополнительного звука -л- с неясным фонемным статусом и является более вероятным. Спорадический переход $\chi > \chi$ часто встречается в восточных и близких монгольских диалектах [3], формы с соответствиями $\chi > \chi$ возникают по

разным причинам, в данном же случае могла произойти назализация в соседстве с устойчивым $\text{a} \sim \text{a}$. Ср. аналогичные примеры: ст.-писым. $\text{bi}^{\text{h}}\text{a}$ "вода"; "моя", есир "жизненный склон" $\sim$ ешане "юг, южный" /образование по типу - istor "нутро" $\sim$ ётона "внутренний, близкий", yalar "внешняя сторона" $\sim$ yadana "наружный" / и т.п. Побутно отметим, что противоположным переход, то есть $\text{m} \rightarrow \text{b}$, практически не наблюдается, и поэтому полагать необходимой для двух диалектов /I и II/ форму * $\text{km}^{\text{h}}\text{na}$ было бы рискованным.

Развитие $\text{-t}^{\text{h}}\text{a} \rightarrow \text{-t}^{\text{h}}\text{u}$ и $\text{-t}^{\text{h}}\text{u} \rightarrow \text{-t}^{\text{h}}\text{a}$ является достаточно типичным для монгольских языков, чтобы не зводить промежуточную форму * $\text{t}^{\text{h}}\text{u}^{\text{h}}\text{a}$ в отличие от [1, с. 250]. Вероятность такого процесса не нулевая, но примеры единичны: ст.-писым. $\text{debel} \sim \text{degoi}$ "шуба-деки", даг. udai [15, с. 170] $\sim$ ст.-писым. evai "зима". Показательным примером может служить монгольский, где интервокальный и постконсонантный b падает перед u и o и сохраняется перед e : ст.-писым. uabi "идти" $\sim$ мнгр. uui [31, с. 494], ст.-писым. xavai $\sim$ xavar "нос" $\sim$ мнгр. xavar [31, с. 165].

Дальнейшее развитие гласного i : y и распределяется по диалектам следующим образом: 1/ сохраняется долгой в даг. ki : $\sim$ ku : [15, с. 150; II, с. 83; 27, с. 185]; 2/ варьируются краткий гласный в закрытом слове и долгий - в открытом: бур. xai : $\sim$ xai^{h} : /в косвенных падежах/ [16, с. 620], калм. kin $\sim$ kin^{h} : /в косвенных падежах/ [3, с. 324]. В ойратских диалектах Синьцзян-встречается и kin : в закрытом слове и ki : без конечного n [21, с. 176 и 203]; 3/ краткий гласный в любой словоформе: калк., мнгр. kin [10, с. 745; 31, с. 211], дунс. ki [19, с. 73], бао. ki [20, с. 82], баргу. ki [32, с. 121], вост. югур. kin [18, с. 70]. Сокращение конт-

ранимонного гласного встречается нечасто [I, с. 256-257] и связано, по-видимому, с какими-то особенностями упрощения данного слова.

Качество гласного во всех современных формах представляет собой вполне закономерные соответствия совр. монч. То же можно сказать и об инициальном *k- и *x-.

Что касается среднемонгольского материала, то здесь есть несколько пунктов, требующих пояснения. Так, в ИТ не обозначен переднерядный и: k'a'ian (Малая и Большая Цзиньгуанские надписи. См. 18), но вряд ли это заслуживает особого внимания, потому что и в ряде других форм и и а беспорядочно варьируются: k'isa /"единица Бундту"/, k'isa /"сила"/, k'isa /"Большая Цзиньгуанская надпись"/, k'arté- /"Малая Цзиньгуанская надпись"/, k'arté- /так же/ "угостоящая" и т.п.

"Земное сказание" /§ 6 и др.: [17] и "уа-и-ку" / 1, 1, 14, 1 - [23] дает форму gu'ian, где инициальный согласный транскрибируется китайским непременительным [4]. Фонетическую реальность этого [4]-силлаб. С. Каттори считает сомнительной, а причину подобной транскрипции китайскими иероглифами видит в символизме знаков: "...иероглиф 岸 [4] имеет сложную структуру, но его значение "берег, яма" подходит для таких монгольских слов, каксиге "мышь" /30, § 111/, кисидаг "пелена" /30, § 86/, иа- "умирать" /30, § 24 и др./ С другой стороны, структура иероглифа 木 проста и инициаль [4] подходит для отражения монгольского ka, но его значения "высохнуть /о дереве/" не подходит [для таких слов, как k'a'ian "человек", k'isa "сила", k'ig- "достигать", которые в "30" выглядят так: gu'ian, g'isa, g'ig- - В.К., так что этот знак не может использоваться как основной" [25, с. 225].

...или ли мнгаломкие транскрипторы пренебрегать артикуляционной ради сопоставления значительного монгольского слогов и транскрипционных знаков? Попытаемся ответить на этот вопрос.

Обозначение мягкоязычных k^h , k^w в 34 связано с противопоставлением инициалей $[k^h]$ и $[k^w]$. Эти различия в слогах с неаблабиализованным гласным соответствуют монг. k^h и k^w . k^h / $[k^h]$ сокращается: k^h в "кэки" / § 118 и др., k^w - "кэла" / § 34 и др.; k^w в "кэри" / § 16 и др., k^h в "кэли" / § 195 / и т.п. Инициалы: k^h в k^h / § 21 и др., k^w в k^w / § 70 / k^h в k^h / § 130 и др. / "кэматы" - по разным примерам и с тем, и с другим инициальным сопоставлением. Ср. k^h в k^h , k^w в k^w , k^h в k^h , k^w в k^w , k^h в k^h , k^w в k^w .

В слоган с аблабиализованным гласным инициаль k^h разрушения соответствия монг. k^h и k^w . k^h в k^h инициальные примеры употребления k^h в k^h / § 79 и др. / и только два случая с начальными k^h в k^h / § 144 /, варьируются k^h в k^h / § 144 / - k^h в k^h / § 144 /, k^h в k^h / § 144 / и некоторо др. Ср. k^h в k^h , k^h в k^h .

Монгольским слог как ишь в слог транскрипции слог обозначается слогом с инициалью k^h . Полный список таких форм ("in exhaustive list") приводит С. Хаттоки [23, с. 237-263]: 3 морфемных морфем, 1 частица и 1 суффикс в 34 примерах. Около сотни примеров дает варьирование k^h и k^w , например, k^h в k^h / § 97 / - k^w в k^w / § 97 / k^h в k^h / § 24 / "кэки для пути", ср. калк. k^h в k^h . Несколько сот примеров представляет соответствия монг. k^h в k^h / § 24 / k^w в k^w / § 24 /.

В целом же мнгаломкая транскрипция монг. k^h представляется связанной с артикуляцией последующего гласного: 1 / $[k^h]$ - для е неаблабиализованного, среднего подъема; 2 / $[k^w]$ и реже $[k^h]$ - для о лабиализованного, среднего подъема; 3 / $[k^h]$ и реже $[k^w]$ - для и лабиализованного, высокого подъема. Естественно считать, что и монг. *к имел в этих трех позициях разные фонетические

оттенки, а именно: чем более узкой была артикуляция гласного, тем менее был аспирирован согласный. Это и нашло свое выражение в градации употребления китайского непридыхательного [k], который в данном случае мы можем рассматривать как один из вариантов передачи монг. *k.

Существенным является и тот факт, что рядом с большим количеством чередований $k \sim g$ и "переходов" $k > g$ в транскрипции СО мы не находим ничего подобного для монг. *b, который почти никогда не чередуется с k и не заменяется на него. Это также говорит о фонетической природе явления.

Если принять это объяснение, то символизм знаков, который ставит на первое место С. Каттори, не кажется существенным. Отдельные нерегулярности обладают своей симметрией: ика- "указывать" такое же дополнение для третьей группы (ка), как *ge*- "лежать" - для первой (ke).

Неаспирированный [k] для ка'ндаит и арабские транскрипции [20, с. 63], но там также отражен сильный монг. k поскольку для транскрипции монг. слов употребляется три ряда заднеязычных, а не два, как в СО, и можно наблюдать некоторую корреляцию типа: $k \sim k'$ монг. k с нелабиализованным гласным, $k \sim k'$ монг. k с лабиализованным гласным, $k \sim g$ монг. g.

Таким образом, срм. форма может быть обобщена как ка'ин и тогда более подробная схема развития данного слова в диалектах I будет выглядеть так: *kai:n > *kai:n > ка'ин /срм./ > k'i:n > kin /совр./. Здесь мы учли также, следуя С. Каттори [24], долготу гласного во втором слове как условие опиранизации и падения интервокального согласного.

Что происходило в диалекте II неизвестно, по-видимому, этот диалект не сохранился. Рефлексов -п- не

обнаруживается, за исключением приводимого В.Я. Владимирцовым: байт. *ka:ɬ* [1, с. 250], однако эту форму так же, как и халх. *xo:ɬi:n*, калм. *ki:ɬɨ*, следует рассматривать как заимствования из литературного языка /то есть из ст.-писым./ - об этом говорит стиль употребления данных слов.

Связанным с древнемонг. *kaβin ~ *kaβan может оказаться слово со значением "сын, мальчик", например, ст.-писым. /в традиционной транскрипции/ *kəβegan*. Другая, более поздняя, ст.-писым. форма *kei:ken* "девushка, дитя", ср.: срм./CC/ *ko'aken*. Связь этих форм, вероятно, такова: *kəβegan* > *ke'β(n)* > *kei:(n)* + суф. =*ken*, *kei:ken*. Суффиксацией можно объяснить и изменение значения: "мальчик" > "дочка, женщина".

Современные формы могут быть объяснены как *ka: ~ xi:* по данным большинства языков и диалектов: халх. *xi:*, срд., мнгр. *k'xi:* [31, с. 205], сур. *xi:ɣ* [32, с. 119], вост.-игур. *xi:n* [18, с. 72]. Сур. и сур. формы соотносятся с суффиксированным вариантом (*kei:ken*): ср.: бур. *xi:gen*, дат. *keka* [15, с. 147], *keka*, *keike* [2, с. 50], *keike* [11, с. 83], *keka* [1, с. 182], *keka* [22, с. 145]; в баргутском также имеется параллельная форма *ka:gen* [32, с. 119].

Во многих языках существуют также формы, непосредственно связанные со ст.-писым. *kəβegan*, например, калм. *ko:ɬi:n*, *ko:ɬɨ:n* *хо:ɬи:н*, *хо:ɬи:н* *хо:ɬи:н* [14, с. 50] и т.д. Но самостоятельное значение имеют лишь ст.-писым. формы, в которых, возможно, законосервировалась срм. стадия развития: *ku:no*. *kewan* [19, с. 74], калм. *ko:ɬin* [8, с. 19], сур. /Зинь-цзян/ *kəβi:n* [21, с. 224].

С другой стороны, не исключено, что параллелизм новых и старых форм восходит еще к срм. Если судить, например, по данным КТ: *k'əβe'ɬin* ~ *k'e'ɬin* - оба слова содержатся в одном и том же контексте *cu:ɣi:ɣin* "сын не-

ба", в одном и том же документе - Большая Цыкингтуанская надпись.

СС, "Хуа-и и-жи" и арабские рукописки отражают только "продвинутую" форму: ко'а(а) [СС, § 2 и др.; "Хуа-и и-жи" (I, f, 15, r) [36], Кемин, ке'ин [19];

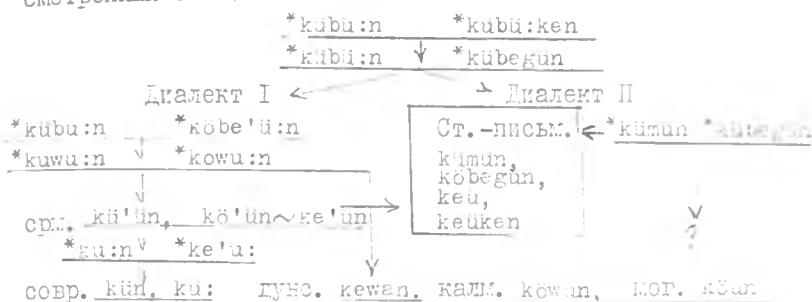
Мон. койн [30] совпадает со срм.

На этих материалах и с учетом ст.-письм. *kəbeğin*, которое мы условно берем за исходную форму, можно реконструировать развитие данного слова следующим образом: 1/ произошло два стяжения с падением интервокальных согласных: сначала второй и третий слог стянулись в один, с долгим и:, затем вывал -а-; какое-то время существовал "дифтонг" *əi* *ei*, превратившимся к настоящему времени в долгий гласный - именно на такую последовательность указывает срм., мон. и совр. дунс., калк., дат. формы; 2/ транскрипция ст.-письм. *kəbeğin*, как мы писали выше, основана на совр. калк. чтении *kwəğin*, но ст.-письм. форма, скорее всего, должна связываться с древним чтением *kəbeğin, о чем свидетельствует ИТ [19, с. 70]. Тем не менее, гласный *ə* первого слога - довольно старый - он мог образоваться до I-го стяжения /2-го и 3-го слогов/: понижение подъема в результате ассимиляции с гласным *a* или *e* второго слога, то есть *a(a) əsa* или *iee* > *əse* - довольно типичный процесс для монгольских языков [29, с. 70-73]; 3/ в деривации *kəbeğin от *kəbin > *kəbin произошел семантический сдвиг, который осуществился за счет присоединения суффикса с уменьшительным значением -*kən*: *kəbi(n)+ -kən* > *kəbiken*.

Необходимые для этого предположения фонетические допущения - метатеза гласных и ослабление -*k-* в любом хронологическом порядке. Аналогии к ослаблению находятся в бур. и баргу. вариантах этой же формы /см. выше/. Для метатезы *kəbiken* > *kəbekun* или *kəbigen* > *kəbeğin* также можно найти аналогии в ст.-письм. - калк. соответстви-

ях [I, с. 336; 29, с. 58-59].

Теперь представим общую хронологию развития рассмотренных слов:

Скелетизация в данной схеме фонетические изменения оставляет некоторые вопросы: 1. Принимая гипотезу В. Каттори о сипрантизации и падении интервокальных согласных перед долгим гласным, мы должны объяснить возникновение долготы в формах древнемонг. *kübegün и *küman. В первом случае она могла возникнуть по аналогии /после метатезы - см. выше/ с первичной долготой в суффиксе /-ü/ * -yu:n/, -gan ср. *bilayu:n "камень", *terigün "голова" и др. /примеров очень много/. В *kubü:ken следует реконструировать первичную долготу во втором слове. Могла ли эта долгота сместиться при метатезе куба:кен -> kübegün то есть была ли эта метатеза полной, конечно, сейчас сказать трудно.

2. Архаичные калм.-обр. и мон. формы можно объяснить отделением данных диалектов в срм. период: XII-XIII век, или несколько ранее - отделение ойратов, XIII век - отделение монголов. Дуно. kewan, по-видимому, еще более архаичное - стоит особняком среди слов со значением "сын, мальчик" в других "кукунорских" языках. Ср.: мандр. k'ü: "сын", бао. awa id [15, с. 133; 29, с. 10] /последнее, возможно, восходит к тиб. ཚུལ : классское произ-

ношение р'ч, в восточных диалектах - су/. Такое различие объяснимо многолетней взаимной изоляцией этих языков, хотя они по ряду признаков очень близки друг другу и в момент их обособления от обшемонг., очевидно, представляли собой компактную диалектную группу.

3. Если предполагать отделение "кумунорских" языков, принадлежавших, несомненно, к диалектам I типа, в начале I тысячелетия н.э. [9, с. 64], то реконструированное обшемонг. *kčon:n должно быть отнесено к еще более раннему периоду. Примерно в это же время могли консолидироваться и диалекты II типа (*kčim:n). Точная картина вряд ли возможна только по данным диалектов,

более глубокая реконструкция могла бы быть проведена при наличии каких-либо внешних соответствий, но таковых практически не находится. Мы можем предложить лишь один, весьма спорный, пример.

Среди китайских терминов-этнонимов, относящихся к группе народов "дунху", предположительно монголоязычных, встречается термин "кумоси". По свидетельству "У лан ши-цзи" и "Яо ши", кумоси - народ, имевший общий язык с миданями [9, с. 10-30, 52]. Само слово "кумоси" /средневековое китайское чтение k'uo siak k'ei - по "Це нь" [4] / 厓 奚 奚 состоит из двух сегментов: первые два знака - типичные транскрипционные иероглифы, третий знак с древним значением "крепостной, раб" - обычная семантика при обозначении "иностранцев" в китайских летописях. Начиная с династии Суй /583-617 гг./ кумоси стали называть просто "си" (奚), что подтверждает реальность данного членения: кумо- - транскрипция самоназвания народа, -си - китайский термин, то есть: "народ кумо".

"Кумо" могло быть самоназванием племени или словом со значением "человек" - такие слова нередко выступают в роли этнонимов при межэтнических контактах /ср., на-

пример: нивх "человек; нивх"/. Нет оснований исключать и возможность тождества "кумо" и древнемонг. *kumün. На стороне этой гипотезы и формы *kūšin, соответствующая диалекту П, который, по-видимому, был диалектом сяньбийско-киданьской группы, если судить по тому, что киданьский сближается скорее со ст.-писым., нежели со срм. [7]. Кумоси же, как говорилось выше, имели с киданями много общего.

ЛИТЕРАТУРА

1. Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и калхаского наречия. Ленинград, 1929.
2. Ивановский А.О. Mandjurica. I. Образцы солонского и дахурского языков. СПб, 1884.
3. Дальско-русский словарь. М., 1877.
4. Кип С.Л. Фонетический словарь киданских переписков. Составил С.Л. Кип. М., 1988.
5. Кузьменков В.А. К этимологии слов типа бурятского комор/монгольского ховор // Лексикологические исследования монгольских языков. Улан-Удэ, 1988, с. 110-125.
6. Кузьменков В.А. О возможной предистории монголенин инициальных f, x, s // Востокосведение, 14. Ленинград, 1986, с. 56-65.
7. Кузьменков В.А. Монгольские элементы в маньчжурском и диалектная база старомонгольской письменности // Вопросы языкознания. № 4, 1986, с. 117-122.
8. Кузьменков В.А. Фонетическая реконструкция монгольского текста "Кань чао би ши" / в печати/.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

бас.	басаньский	монг.	монгольский
барту.	баргутский	ойр.	ойратский

бул.	бурятский	орд.	ордосский
вост.-тгур.	восточно-тгурский	совр.	современный
даг.	дагурский	орм.	орчмон- гольский
тунг.	тунгусский	ор.	"Сокровен- ное Сказа- ние" [Пан- кратов 1962]
калх.	калхаский	ор.-инг.	старопись- менный
ор.	"Квадратное письмо" [Колле 1941]	ор.	орчмон
ор.	"Квадрат ал-Адаб" [Колле 1938]	калх.	калхаский
корч.	корчигский	корч.	корчигский
кост.	костольский		

Б. Г. Машкин

К ВОПРОСУ ОБОИХ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО ЛЕКСИКИ МОНГОЛЬСКОГО ЯЗЫКА (III-IV вв.)

Военная терминологическая лексика является одной из наименее изученных частей словарного состава монгольского языка. Исследование данной тематической группы в диахронном плане предполагает прежде всего обращение к письменным источникам III-IV вв., которые зафиксировали ее древнее состояние. Важнейшим источником этого периода — "Сокровенное сказание" (1240 г.) (В статье использовано следующее издание памятника: Ligeti L. Histoire secrète des mongols. — Louis Ligeti. Budapest. Acad. kiado. 1973).

Перевод отдельных примеров дается по изданию С. А. Козина (Козин С. А. Мань-чао-би-ши. Сокровенное сказание. — С. С.)

Монгольская хроника 1240 г., т. I, М.-П., 1941) содержит наименования воинов, частей и отрядов войска, оружия и военного снаряжения, способов ведения боевых действий, а также сведения, характеризующие некоторые особенности и понятия военного дела XIII в. Древние военные термины фиксирует и такие источники, как "Монгольский словарь Мухаддимат-ал Адаб", "Сборник летописей" Рашида ад Дина, различные документы XIII-XIV вв., дошедшие в китайской транскрипции. См.: Ligeti L. *Monuments praslasiques. Par Louis Ligeti. Budapest. Asia. classe. 1972* (МР); Ligeti L. *Monuments en écriture "pouss-pou-pouss" de la chancellerie en transcription chinoise. Budapest. Asia. classe. 1973* (МР).

Словарь по древнему воению тюркских народов известен в работах лингвистов и историков. Среди него в первую очередь можно назвать труды А. Давидова "Словарь терминов древнемонгольского языка" (М., 1957), в котором термины по древнему воению известны под названием "Словарь терминов древнемонгольского языка" (М., 1957). В нем описаны термины, относящиеся к воюю как указанному, так и последующим периодам. Среди работ, имеющих отношение к теме статьи, - "История оружия и военного снаряжения древних тюрков" А. Давидова [1, с. 431-441]. Для древних воинов тюрков - наименования тактических приемов и способов ведения воюю известны в книге И. Гаапанен [2, с. 114-115]. Наименования различных видов луков и стрел даны в статье Л.У.Кохалык [3, с. 109-161]. Некоторые наименования оружия и военного снаряжения приведены в работе И.И.Медведева [4, с. 13-14]. древнемонгольские военные термины, заимствованные египетскими языками, рассматривает А.Рона-Тал [5, с. 54-56]. Следует также отметить специальные работы И.И.Иванова [7]. К.Зимирова [8], соответствующий раздел "История военного искусства" Л.А.Васильева [9], в которых раскрывается содержание основных понятий

военного дела древних монголов.

Как известно, основным родом войска древних монголов и других кочевых народов была конница. Это повлияло как на своеобразие тактических приемов и способов боевых действий, так и на своеобразие военной терминологической лексики. Исходное значение глагола *dobtu-* — "садиться верхом, отправиться на лошади, ехать верхом" [Голстунский К., т. III, с. 331]. Но этот же глагол функционирует в монгольском языке XII в. как военный термин в значении "выступить в поход, напасть", например: *Сигдэвэ даван Огг даа соугар-тар хоригбууа ке'елдэвэи* (§ 141 С. с.) — 'уговорились выступить в поход против Чингис-хана и Ван-хана' (пер. С.А.Хозина); *Сигдэвэ даван-тар хоригбууа жууэи* (§ 163, с.) — 'собирается напасть на Чингис-хана' (пер. С.А.Хозина). Указанный глагол в последующем утрачивает военное значение. В современном монгольском языке употребляется как вежливая форма "соизволить прийти, познакомиться", сохранив значение "ехать верхом" (С. Цэвэл, с. 341). Глагол *dobtul-*, исходное значение которого "быстро бежать, скакать во всю прыть, во весь опор", как военный термин зафиксирован в значении "вдруг учинить натиск, нападение" (Голстунский К., т. III, с. 170), "напасть, ударить", например: *чори-зилемун-тайси шинван тугаа'ад-ийар добтулбай* (§ 171 С. с.) — 'Чори Шилемун тайджи напал с тысячами своих турхаутов'; *Толуй Огга-гарген соугар хондөлөн-өөе добтулъя* (§ 251 С. с.) — 'Толуй и Чигу-хургэн ударили во фланг'. Военное значение глагол *dobtul-* сохраняет в классическом старописьменном языке. В системе современной общевойскальной терминологии 'довтлох' имеет значения "нападать", "атаковать", "вторгаться".

Некоторые глаголы приобретают военное значение в сочетании с военным термином-существительным. В "Зокро-

венном сказании" зафиксированы устойчивые сочетания глаголов с термином *serik - serig* 'воин', 'воинско'. Например: *serik mede-* 'командовать войском', 'ведать военными делами' (*serik medegü - debe ilü ere'leju vavılıy* (§ 2570. с.) - 'отговаривал от командования войском'; *serik medegü serbita* (§ 2383. с.) - 'борьба, ведание военными делами'); *seri'it-i serit'it-* (§ 2480. с.) - 'отозвать войско'; *seri'it ile-* (§ 2470. с.) - 'отправить войско'; *serik öskle-* (§ 2513. с.) - 'указать войско!

Источники фиксируют сочетание термина *serik - serig* с глаголом *jav-* в значении "построить войско", например: *serik javıtu ösen* (§ 1770. с.) - 'построили войско и исполняли'; *serit'itü ke'tin serik javıtu* (§ 150 С.с.) - 'решил принять вой, построил войско! В зависимости от контекста глагол *jav-* передает значение "управлять войском", например: *serik öi javı* (§ 170 С. с.) - 'ты управлял войском'. Большинство указанных сочетаний глаголов с термином *serik - serig* характерны лишь для периода XII-XIV вв.

В XII в. и начале XIII в. дифференциация войска по родам почти не выражена, и конница по-прежнему принадлежит главенствующая роль. Но уже в конце XIII в. источники фиксируют наряду с термином *serit'it serit'it* 'конница' термин *lavıca serit'it* 'пехота'.¹⁰ Работы историков дают представление о том, какие специфические задачи выполняет этот новый род войска, действовавший наряду с конницей. В сражении войска Хубилая с войском Наяна в 1289 году роль пехоты заключалась в следующем:

1. См. также *serig'id-iyen javıju* (МР, с. 300) - 'построили свое войско'.
2. Эпикт Хубилая (1292 г.). - См. МЭЭ, с. 141.

"Когда конница... обращалась в притворное бегство, пехота садилась на крупы лошадей, когда же конница поворачивала и обращалась в атаку, пехота спрыгивала с лошадей и убивала неприятельских коней короткими копьями" [8, с. 25]. У Хубилая в этом сражении было 30 корпусов по 10 000 конницы, причем к каждому корпусу было приято по 500 пехотинцев, вооруженных копьями и мечами. Пехота еще не была вооружена луками, действовала лишь рукопашно [8, с. 24-25]. Как видим, появление в монгольском языке конца XIII века нового военного термина указывает на смену 'ит' 'пехота' - следствие соответствующих изменений в тактике действий и организации войска.

Термин *horiton serig* и указание *serig* почти в неизменной форме входят в систему современной общевосточной терминологии (морин черег - моры черег 'конница', 'копалерия'; явгак черег 'пехота').

В монгольском языке III-IV вв. закрепляется ряд терминов - наименований элементов боевого порядка войска. В лексикологическом труде германского ученого входят также наименования, как *bara-yin serig* 'на войско правой руки'; *ewin serig* 'на войско левой руки'; *sol serig* 'войско центра', а также уже *serig* 'все войско', 'великое войско'. В дунганском наименования такого военного понятия, как авангард, в "Сокращенном сказании" зафиксированы два термина *anglai* и *aldilai*, вступающие между собой в синонимические отношения. Слово *aldilai* встречается в источниках в сочетании с глаголом *na'ala-* 'гнать, преследовать, осканять', например: *ser-tür-yün gara 'et asanar ser-nar delale* 'и сирь *serilaba mik* *Bozonar-i aldilai na'alaaba* 'Борогязь

3. Примечательно, что в классическом старописменном языке наряду с указанными терминами употребляются *Barayun* *ügrü-yün serig*, *Yedin mirg-yün serig*. См. *Infānāsī. Koķe zađar, terigün deβter*. Лэке уста. 1957, с. 312.

домой, посоветовались они с братьями и выступили в поход. Передовым-наводчиком пустили самого же Бодончара' (§37 С. с., пер. С.А.Козина). Можно предположить, что первоначально основным военным значением слова *alginci* было "разведчик, проводник". Так, вероятно, называли воина или воинов, на которых возлагалась задача разведки неприятеля, и которые всегда действовали впереди войска. Впоследствии наименование *alginci* переносится на передовой отряд войска, его авангард. В § 195 "Сокровенного сказания" говорится о построении боевого порядка войска Чингисхана в сражении с найманами: *Siuggis qahan ö'ezim algincilaju kasar-i qol jasa'ulba Otçigin noyan-i'izä'ulba* 'Сам Чингис-хан пошел в передовом отряде, Касару поручил главные силы центра, а Отчигину тыл с заводскими конями' (пер. С.А.Козина). Здесь термин *alginci* имеет значение "передовой отряд", "передовая часть войска в бою", "первый эшелон боевого порядка войска", а термин *qol* и *köt*⁴ соответственно "войско, центра, главные силы центра" и "задний отряд войска, аррьергард".

Термин *manglai* также зафиксирован в "Сокровенном сказании" как наименование передового отряда войска, его авангарда. Например: *Siuggis qahan Altan Qasar Bäritai qarban-i manglai yaba'ulba* (§ 142 С. с.) 'В авангард Чингисхан отрядил Алтана, Кучара, Даритая'. Исторически термин *manglai* сменяет термин *alginci*. Автор летописи "Алтан тобчи" (XVI в.) Мубсан Данзан заменяет сочетание *alginci na'ulqaba* на слово *yajarsilayulja* 'велел про-

4 Ср. древнетюркск. *köt* 'зад, задняя часть' (Словарь Махмуда Кашгарского 1072 ~ 1074 гг. - Древнетюркский словарь, с. 319).

дять', 'сделав проводником'⁵. Вероятно, термин *alginci* был не очень понятным для него в данном контексте. Термин *manglai* в значении "авангард" зафиксирован в старописьменных источниках XIII-XIX вв., функционирует в системе современной общевойсковой терминологии (манлай 'авангард').

В группе древних терминов - наименований войска и его отдельных частей можно выделить слова, которые семантически противопоставлены друг другу. Это *alginci* - *kotot*, *manglai* - *gejige*. Слово *gejige* 'заплетенные волосы, коса; затылок' (Голстунский К., II, с. 573) как военный термин в значении "задний отряд" употребляется в "Сокровенном сказании" ситуативно, например: *dingan tarag'ud-un gejige bida qol dobtulai je* (§ 170 с. с.) 'задним отрядом тысячи турхаутов пойдем мы, Великое войско центра'. В классическом старописьменном языке сочетание *gejige* со словом *serig* предстает как военный термин *gejige-yin serig* 'арьергард, заднее войско' (Голстунский К., II, с. 574).

В "Сокровенном сказании" зафиксированы военные термины *pokor* 'пухляк', 'дружижник' и *kesikten* 'гвардия', 'гвардеец'. Исходное значение слова *pokor* - "спутник, приятель, друг, товарищ". Как военный термин *pokor* обозначает лиц, приближенных к предводителю древнемонгольского рода или племени, его сподвижников, ближайших помощников, военных слуг, васс, кто составляет опору его власти - *pokot* 'дружину'. По словам В.И.Владимирцова, они, как "настоящие воины, воины прежде всего" были всегда готовы к бою, "не имели ничего общего с родовым ополчением,

5. Ср. вышеприведенный фрагмент § 37 "Сокровенного сказания" с текстом "Алтан тобчи" *ser-tür-iyen kirčei aq-a-nar zegii-ner-lige euctülöñün jin Bodoncar-i yajarsilayulju* (*ligeti* I., МЛС, с. 16).

которое собиралось во время более или менее больших войн, когда многие, если не все, способные носить лук и стрелы, оставляли свои стада и образовывали рать, войско"¹. Во время войн они "превращались в начальников отдельных частей родового ополчения, а частью образовывали особые отборный отряд; из дружинников же выходили командиры отдельных корпусов и "армий". Нумеры, как постоянное военное содружество, сожительствующее вместе со своим вождем, были эмбрио-армией и эмбрио-гвардией; каждый номер — будущий офицер и полководец" (Там же). В "Сокровенном сказании" зафиксировано сочетание *ötögüz öljaiten ököt* (§ 125 С.с.). Так называет Чингисхан своих ближайших сподвижников, тех, кто помог ему прийти к власти и входил в состав его первой немногочисленной дружины. Это почетное наименование распространялось, вероятно, на колчаносцев (*qor aqsaba*) и мечников (*ildäs arzaŋa*), о которых говорится в § 124. Можно предположить, что к моменту образования первого улуса Чингисхана уже наметилось расслоение старей дружины, которую пополнили многочисленные новые дружинники. Перед сражением с найманами Чингисхан вводит десятичную систему в войске и реорганизует старую дружину. Функции колчаносцев и мечников переходят к 30 кебтеулам (*kebte 'ül*) и 70 турхаутам (*turqa 'ut*), которые составляют его личную охрану. Кроме того, функциями сменной охранной стражи в мирное время стал выполнять отряд в тысячу турхах-кешигтенев (*turqaq kesikten*) под командой Архай-Хасара, во время боевых действий этот отряд должен был сражаться в авангарде войска центра (См. § 191 С.с.). Примечательно, что подобный отряд в тысячу турхаутов был и у керентского Ван-хана. Во время сражений этот отряд тоже составлял авангард войска

1. Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов..., с.91.

центра Ван-хана (См. § 170 С.с.).

Термин *kesikten* происходит от тюркского *kesig* в значении "часть, кусок", а также "очередь или несение службы в свой черед" [2, с. 346]. Лексико-семантическая группа с опорным словом *kesikten* насчитывает большое количество наименований воинов и подразделений гвардии, например: *kesi 'id-ün noyat* 'дежурные начальники', *kesi 'id-ün otögis* 'дежурные старейшины', *bawaroi* 'стольник', *entenoï* 'дверник', *atasi* 'конюший', *turqa 'ut* 'турхауты, дневная стража', *qorcin turqa 'ut*, *qor aqsadıqın turqa 'ut* 'стрельцы-турхауты, лучники-турхауты', *колчаносцы-турхауты*, *qorcin* 'стрелец, лучник, колчаносец', *kebbe 'ul* 'кебтеул, ночная стража', *turqaq kezikten* 'сменная охранная стража, придворная стража', Термин *turqa 'ut* — личико от *turqaq*, которое происходит от тюркского глагола *tur* 'стоять' [2, с. 546]. В "Сокровенном сказании" зафиксированы также почетные наименования: *uskes turqa 'ut* 'великие турхауты', *uskes qorcin* 'великие стрельцы', *otögis kebbe 'ul* 'старые кебтеулы', *oljeiten kebbe 'ul* 'благословенные кебтеулы', *otögis ba 'atat* 'старые богатыри'. Почетные наименования, которые были даны старым гвардейцам, свидетельствуют о неоднородном составе гвардии.

"Сокровенное сказание" и другие источники фиксирует определенные сдвиги, происходящие в военной терминологической лексике XII-XIV вв. под воздействием изменений в военном деле. За многими словами закрепляются значения специализированных наименований новых понятий, что приводит к качественным преобразованиям в семантической системе слов, изменению особенностей их функционирования. Вместе с тем, военная терминологическая лексика XII-XIV вв. в целом не выходит за пределы общеупотребительной. Новые наименования военных понятий не могли

быть неизвестными всему населению, непосредственно связанному с военным делом.

Лексический материал коточников XIII-XIV вв. не всегда позволяет провести четкое разграничение между термином и нетермином. Система военной терминологии монгольского языка лишь начинает складываться в этот период. В соответствии с этим, ее исследование наряду с уже названными терминами должно охватывать те слова, которые используются в военном значении ситуативно. В последующем многие из подобных слов превращаются в военные термины, о чем свидетельствуют источники и словари XV-XVI вв. Естественно, происходят и процессы детерминизации и архаизации, которые также должны быть учтены при изучении системы военной терминологии владимирского старославянского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Владимирцев Б. А. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и калмацкого наречия. Сведения и фонетика. Л., 1933; Общественные слогары монголов. Монгольские кочевые диалекты. Л., 1934.
2. Достаточно полный список грудов приведен в книге: Дастина Н. П. Луосан Данзан "Алтан табиг" ("Золотое сказание"), М., 1973.
3. Гадамба Э. Нууд товчооны нууцаас. Улаанбаатар, 1976.
4. H. G. - Kshalmi. Der pfiel bei Den innerasiatischen Reiter nomaden und ihren Nachbarn. - Acta Orientalia. Academia Scientiarum Hungaricae. v. VI, 1957.
5. Комонов М. П. Из наблюдений над лексикой древнемонгольского памятника "Золотое сказание". - Материалы по истории и филологии Центральной Азии.

Труды ВМОН СО АН СССР, вып. У. Улан-Удэ, 1970.

6. Рона-Таш А. Языковое влияние монгольской империи XIII-XIV вв. - Олон улсын монголч эрдэмтний IV их хурал, Улаанбаатар, 1985, II боть.
7. Иванки М. О военном искусстве и завоеваниях монголов, СПб, 1848.
8. Элирнов К. Армия монголов в XIII веке по запискам современника-европейца, СПб, 1908.
9. Разин В.А. История военного искусства, ч. II. Военное искусство феодального периода войны, Л., 1957.

А.На анхигет

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ-ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА

История формирования новой общественно-политической терминологии представляет собой особый интерес.

Чтобы более конкретно показать формирование и развитие новой общественно-политической терминологии современного монгольского языка, представляется целесообразным рассмотреть изменения в общественно-политической лексике по отдельным периодам, связанным с развитием истории народной власти в Монголии.

Монгольский язык с древнейших времен располагал лексическими средствами для передачи явлений и понятий общественно-политического характера. Основу старомонгольской общественно-политической терминологии, как и современной, составляли слова, связанные с государственно-политическим строем, общественными отношениями. Она отражала и ключевой образ жизни монголов и связанную с ней экономику, народное искусство, обычаи и обряды.

Основная часть этой лексики после народной революции вошла без изменения в состав литературного языка, составив костяк его общественно-литературной лексики.

Формирование общественно-политической терминологии тесно связано с коренными изменениями, происшедшими в общественно-политической, социально-экономической и культурной жизни монгольского народа.

В новых социально-политических условиях существенно расширились общественные функции монгольского языка. Лишь после установления народной власти монгольским письменный язык вновь возродился и восстановил свои утраченные функции, которые выполнялись маньчжурским и тибетским языками. Старомонгольский письменный язык стал орудием просвещения, языком печати, учебников, политической литературы и художественных произведений.

Идеологическая борьба в 1931—40 годах оставила большой след в общественно-политической терминологии: исчезли или перешли в пассивный запас лексики слова, выражавшие старую идеологию, религию, сузились или расширились лексические значения слов, появилось огромное количество новых слов и заимствований.

К словам, отнесенным на периферию словарного состава языка, относятся названия старых учреждений, должностей, титулов и званий: тайж, зайсан, амбан, сайд, дуганч и юридические термины: алба, албат, эрц мэдэл, цааз и др.

В тот исторический период большая часть бытовавшей ранее изысканно-почтительной лексики также перестала употребляться, как например: морюлох, бараатлах, айлтган, тергоч, ханлив эргех и др. [18, с. 81]. Остальные слова этой категории, потеряв свою социальную окраску, претерпели семантические изменения.

Одним из характернейших процессов, происходившим в тот период в лексике, было появление многочисленных новых слов и терминов, отражавших новую жизнь монгольского народа: нийгэм зурам, ардын ардчилсан куувьсгал, намын тангараг, хоршоо и др.

Обогащение общественно-политической терминологии в 1931—40 годы осуществлялось тремя путями: 1/ путем образования новых слов посредством аффиксального, лексико-семантического, лексико-синтаксического, морфолого-синтаксического способов словобразования; 2/ путем заимствования интернационализмов через русский язык; 3/ путем калькирования из китайского и русского языков.

Наибольшей продуктивностью отличался лексико-синтаксический и лексико-семантические способы словообразования. В процессе семантических изменений наблюдались следующие фазы: изменение значения, сужения значения и расширение круга употребления слов.

Особенно продуктивны были следующие суффиксы: -ч, -чин, -чгуд, -гч, -ган, -г: эв хамтчууд, суртал ятгагч, скутан, зевлелт.

Таким образом, в данный период развития общественно-политической терминологии современного монгольского языка были выработаны основные принципы образования терминов на базе лексико-грамматического материала монгольского языка, определены источники терминов, а также способы адаптации заимствований [3].

Все социально-экономические изменения в общественной жизни в последующие годы получили свое отражение в терминотворчестве. В 1940—60 годах в стране решались задачи полной ликвидации неграмотности населения, становления единой системы народного образования, формирования интеллигенции, утверждения новой идеологии в духовной жизни общества, кооперирования аратских хозяйств. Социально-политическая реальность, в которой развивался

и развивается современный монгольский язык, по характеру своих общих тенденций сходна с социальной действительностью в Советском Союзе, что и привело к появлению семантических аналогов.

В этот период терминотворчества наблюдалось интенсивное заимствование из русского языка. Способы обогащения лексики не могли в полной мере обеспечить растущую потребность общества в номинации новых понятий и предметов, с одной стороны, победа социалистической идеологии, заставлявшая сознательно ориентироваться на заимствование интернациональных терминов через посредство русского языка, с другой стороны, привели к широкому проникновению русизмов в лексику монгольского языка.

Если характерной особенностью развития новой общественно-политической терминологии до 40-х годов было параллельное употребление терминов: коммунизм- эв хамт ёсон, социализм- нийтгэм журам, империализм- эвэрмэг түрэмгий ёсон и др., то к 60-м годам во многих парах произошел процесс вытеснения одного из вариантов. В частности к этому времени из активного употребления вышли следующие монгольские термины: нийтгэм журам, эв хамт ёс и др. Следует отметить, что к концу 60-х годов из употребления вышли также русские заимствования, как кризис, ударник, ресурс, патриотизм, митинг, коллектив и др. Взамен их появились национальные эквиваленты хямрал, гавшгайч, баялаг, эх оронч үзэл, цутлаан, хамт олон.

Характерной явилась и дифференциация интернационального термина. Слова и термины из синонимического ряда институт-дээд сургууль-хурээлэн первоначально обозначали одно и то же понятие. Интернационализм институт пришел в монгольский язык с созданием в ИМР высшего учебного заведения /Хөдөө аж ахуйн институт, Багшийн инсти-

тут/, и с того же времени стал употребляться как эквивалент монгольскому варианту гээл оургууль. С появлением первых научно-исследовательских институтов термин институт стал употребляться также и в значении научно-исследовательского учреждения не академической системы /~~1929-1930~~ /зв Хорсооги дэргэдэх институты угсааны институт/, а институты Академии наук МНР называются словом хурээ.

В те же годы проходил постепенный процесс впитывания калек с китайского языка и рост калек из русского языка. Если на начальном этапе развития новой терминологии продуктивным было образование новых терминов посредством лексического калькирования, например, как англизм инлаас - раньше оно обозначало часть, доля, то в следующие периоды активностью отличаются фразеологические и синтаксические калки: эсгэлтэсэдийн зөвлөл, эвсгэл чд /хөдөө аж ахуйн /др. 25 марта 1941 года вышло постановление совместного заседания Совета Министров и Президиума ЦК МНРП о замене старомонгольской письменности. Принятие нового алфавита на русской графической специализации имело в области образования. По мнению тогдашних политиков, старомонгольская письменность, созданная более семи веков назад, в силу своего расхождения с живым разговорным языком монголов препятствовала задаче быстрого и всеобщего обучения грамоте, приобщения масс к сокровищнице мировой культуры. Создание нового алфавита обусловило исключительную роль русского языка в развитии терминологии монгольского языка, и способствовало проникновению калек с русского языка.

В 1940-60 годах монгольскими учеными издано немало исследований, посвященных вопросам монгольской терминологии. Они принесли большую пользу для разработки теоретических и практических вопросов. Наиболее характерные процессы, происходящие в те годы в монгольском языке, -

появлении неологизмов, семантические изменения слов, переход целых пластов лексики из разговорных форм в литературный язык - были затронуты в работах академиков Ц. Дамдинсуреана, Б. Ринчена, Ш. Дувсанвандана, а также Э. Бандуя, Л. Мишиг, Улзийхутага и др. В 1957 году акад. Ц. Дамдинсуреаном была опубликована работа "Монгол хэл бичгийн тухай", где имеется ряд ценных высказываний по вопросам дальнейшего развития монгольской терминологии, указывается на необходимость выявления и обладания диалектами и создание на основе диалектных слов научных терминов. Автор также указывает на изучение богатого опыта составления словарей дореволюционной эпохи.

В определении роли интернационального фонда в системе монгольской терминологии важным источником является работа В. Фединова, В. Ринчена, А. Дувсанвандана.

Оценивая успехи в развитии языка, акад. Ш. Дувсанвандан отметил, что за 40 лет монгольское языкознание добилось наибольших успехов в подготовке лексикографов, в частности в создании новых терминов [8, с. 14].

В 1930-50 годах подчтены дальнейшее развитие тенденция и преобразования, которые наметились в предыдущих периодах развития лексикографического литературного языка.

Вся практическая работа по созданию, унификации и стабилизации научных и отраслевых терминов осуществлялась централизованно и в этом огромную роль сыграла государственная терминологическая Комиссия. Она является органом, осуществляющим руководство научной и грантической деятельностью в области терминологии на монгольском языке по всем отраслям экономики, науки, техники и культуры.

Опубликованы свыше 20 русско-монгольских терминологических словарей, которые принадлежат огромная роль в разработке терминов. В настоящее время в МНР существуют

ими терминологических словарей: двуязычные, многоязычные толковые и полутолковые, и полутолковые двуязычные терминологические словари можно отнести "Краткий русско-монгольский словарь по общественно-политической терминологии" В.Дугера. В данном словаре в монгольском языке даются краткие толкования, а в русском языке — и определения терминов.

При оформлении русской части воли русско-монгольских отраслевых терминологических словарей используются готовые терминологические словари, являющиеся в Советском Союзе на русском языке.

Следует особо отметить, что терминологические словари играют определенную роль в упорядочении терминологии. Они в своей практической работе помогают пользоваться работниками периодического печата, издательства, радио и телевидения, переводчикам, специалистам, научные работники и самым широким кругом читателей.

В 60-80 годах по различным вопросам терминологии современного монгольского языка опубликовано значительное количество научно-исследовательских работ. Среди них особого внимания заслуживают труды таких ученых, как В.Бадонг "Матри-грек зерэг европ хөний шиний утгвар, язгуур, далаврыг монголчлэх шинэ" /1973/, Го. Шиндэрж "Таллология в монгольском и маньчжурского письменных языков", М.Тулурцэрэн "Нэр томъёоны шинэлийн зарим асуудалд" /1982/, Д.Дашдаваа "Шинжлэх ухааны нэр томъёо түүний Орчуулга" /1977/, М.Талдамба "Нэр томъёог зөв тогтоох талаар анхаарцгаах" /1977/, в.Дамдинсүрэн "Нэр томъёог судлах хэрэгтэй", сюда также относятся и работы И.Шагдарсүрэн, М.Бадраа, Ч.Дагсүрэн, М.Онорбаян и многих других. Все эти работы значительно подняли теоретический уровень исследования проблем монгольской терминологии.

Большое внимание изучению и исследованию монго-

льской терминологии уделялось в СССР. Вопросы исследования терминологии занимались такие известные ученые, как В.А.Блажковцов, Г.Д.Самоев, Т.А.Бертагаев. Изучению общих проблем терминологии посвящены монография Т.А.Бертагаева "Лексика современных монгольских литературных языков" /1974/, Г.Д.Парбеева "Современная монгольская терминология" /1984/ и др.

Следующий иллюстративный материал по общественно-политической терминологии дает возможность наглядно показать непосредственную связь семантических изменений и лексики с теми социальными переменами, которые произошли в жизни монгольского народа за последние годы.

1. Изменения, обусловленные переменами в государственной структуре общества: *БНДЗ-ин* Бренхийлөгч, Бренхийлөгчийн Тамгын газар, Улсын Бага хурал, муун цаазат тор, монголчин аргачлал хөдөлгөөн, Монгол Улсын ногоонтны нам и др.

2. Изменения, обусловленные появлением новых государственных и других типов учреждений и связанных с ними понятий: олон намин тогтолцоо, Дөхөдөрхийн Нам, ивээн тэтгэх байгууллага и др.

3. Изменения, связанные с появлением новых должностей, званий и специальностей: надар сайд /раньше именовалось I орлогч сайд/, гол сайд /раньше -Орлогч сайд/, герийн соёрхол /гериин шагнал/, иргэдийн төлөөлөгч /ардын төлөөлөгч/, ерөнхий зөвлөх /дарга/, Эрүүд мөндийн сайд /эрүүд мөндийн сайдын сайд/ и др.

4. Изменения, связанные с преобразованием социального состава общества: ажилтнууд, ажилтнуудын тэтгэлж, эзэн, гүрээлөгч.

5. Изменения, связанные с возрождением народных обычаев и культурных традиций: дашинг наадам, нам бүтэн

6. Изменения, связанные с возрождением религии: осво таких, мергелин эргээ, буяны хандив эргэх.

Значит, терминологическая лексика, связанная с многопартийной системой, избираниями, демократией, правами человека, возрождением национального самосознания нашего народа, с переходом к рыночным отношениям и возрождением религии все активнее ныне проникает в лексикку литературного языка.

Самым характерным процессом современности в терминологической лексике монгольского языка является появление новых терминов: улс төрийн сууцал, ариундлагын амьдрал, хувьцаа, нийгмийн бүтэцлэл, сонордүүлэгч, монгол сэтгэлгээ, улс төрийн хийрхэл, цагаачилалт хууль, засиргаалайт, олон урталч үзэл и др.

В обиход общественно-политической терминологии возвращаются архаизмы и историзмы: их цааз, их засаг, хошуу засаг, шадар саад, хамгаа, зар бичиг, амлгах и др.

В последнее время обновление общественно-политической терминологии идет посредством заимствования из английского языка, что ведет к увеличению интернационального фонда монгольского языка: коллеж, парламент, брокерин пуус, бирж, маркетинг, шоу эстрад, менеджерин дамжаа. В связи с этим следует отметить и выход некоторых советизмов из активного употребления: техникум, курс, институт, которые ныне именуется как коллеж, дамжаа, их сургууль.

Быстро растет параллельное употребление терминов улсын өмч=нийгмийн өмч=төрийн өмч; хүнлэг ардчилсан нийгэм=хүндүүнлиг ардчилсан нийгэм, үндсэн хууль-их цааз=их засаг; дарга =ерөнхий зохицуулагч и др. Такое параллельное сосуществование, носящее временный характер, связано с значительными изменениями в языке, обус-

довленными внешними факторами, главным образом изменениями в социальной структуре общества.

Приведенные примеры красноречиво говорят о наглядном отражении социально-экономических изменений в языке, усиливая процесс его терминологизации. Характерны для терминообразовательной системы монгольского языка современности, как отмечает крупный монголист Г.Ц.Пурбеев, "общее сжатие во всем системе - увеличение регулярности терминообразовательных моделей, повышение продуктивности почти всех способов - средств словообразования, расширение терминообразовательной базы" [9^а].

Несмотря на большие успехи в терминотворчестве, нам, монгольским специалистам, следует оперативно решить такие актуальные вопросы как унификация и упорядочение терминов; устранение ненужных параллелизмов в терминологии; замена устаревших терминов более современными; уточнение и дифференциация значения терминов; осуществление контроля за правильным употреблением утвержденных терминов; содействие повышению общей культуры речи в связи с внедрением терминов в различные отрасли знаний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гандуй Э. Орчин цагийн монгол нэр томъёо. УБ., 1966.
2. Дандиоурэн Ц. Монгол хэл бичгийн тухай. УБ., 1957.
3. Дашдаваа Д, Равдан Р. Нэр томъёоны тухай. УБ., 1960.
4. Догсүрэн Ч. Монгол нэр томъёог оноох, толилох, жигдлэх асуудалд. УБ., 1989.
5. Лувсанданзан Ш. Орчин цагийн монгол хэлний үгийн сангийн зарим асуудалд. УБ., 1962.
6. Лувсандэндэв А. Гадаад уг хэрхэн бичих асуудалд. УБ., 1959.

7. Мижиддорж Го. Галлология в лексике монгольского и маньчжурского шовменных языков. - Теоретические проблемы восточного языкознания. М., 1982.
8. Наранчижаг Ш. Основные этапы развития и формирования общественно-политической терминологии современного монгольского языка. Дисс. канд. филол. наук. Улан-Удэ, 1986.
9. Пурбеев Т.И. Современная монгольская терминология. Улан-Удэ, 1984.
10. Ринчен Б. Малее хайрлан эвиршил, үгийн боловсролт эрхэмдэг, УБ., 1980.
11. Солном В. Современная монгольская научная терминология. ОУНЭ их хурал. Т. 6-р, УБ., 1980.
12. Тенорцарен В. Нар толгооны шинжтэвч зарим асуудал. УБ., 1981.
13. Цандарсүрэн Ц. К вопросу совершенствования терминологии современного монгольского языка. ОУНЭ IV их хурал.
14. Цандарсүрэн Ц. Монгол хэлний терминологийн тухай. УБ., 1982.

ИСТОЧНИКИ МОНГОЛЬСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ XI-VIII ВВ. КАК ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕГО МОНГОЛЬСКОГО ЯЗЫКА

Самые ранние дошедшие до нас памятники монгольской письменности относятся к XI в. Древнейшим из них считается "Камень Буэнке", называемый также "Чингисов камень" или "Надпись на Чингисовом камне", так как в первой строке надпись читается имя Чингиса. Однако основное содержание надписи прославляет вождя Буэнке, который выстрелил из лука на большое расстояние, и в честь

этого события в окрестностях Каракарина была воздвигнута с соответствующей надписью памятная стена. Впервые об этом камне, обнаруженном в Нерчинском округе в Забайкалье в 1918 г., сообщил Г.И. Зласский в журнале "Сибирский вестник". В 1932 г. он был перевезен в Петербург, где находится и поныне в Эрмитаже. Исследование его запискиков А.А. Шмит, Л. Санзаров, А. Штукля [1, с. 31]. На самом камне даты, когда была вытесана надпись, нет. Однако ученые по содержанию текста пришли к заключению, что она, вероятно, была высечена в 1325 г. [18, с. 1-3].

К этому делу относятся незначительное количество сохранившихся до наших дней фрагментов камен, надписок на каменных печатях. Одним из них является печать Гунж-хана, бывшего ханом в 1346 г. В 1933 г. она была опубликована и исследована П. Петлю [18, с. 13].

В 1931 г. в секретном архиве Ватикана была обнаружена грамота Ит хана Абата католическому папе. Дата написания грамоты не известна, указано только, что это было в год Сайца. А поскольку, как известно, Абата правил с 1365 по 1369 гг., годами Сайца в это время были 1367 и 1373, следовательно грамота была написана в каком-то из этих годов [18, с. 34].

В 1931 г. французский ученый Abel Renizat обнаружил в архиве письмо хана Аргуна, отправленное в 1399 г. французскому королю Филиппу Красивому. Это исследование также К.А. Шмит, В.Л. Могвиц [1, с. 34].

Папа Николай IV дважды, в 1383 и 1389 гг., писал письма Ит хану Аргуну, надеясь обратить его в католическую веру. В 1921 г. в секретном архиве Ватикана была обнаружена последняя часть ответного письма Аргунхана, отосланного летом 1390 г. В этом же году было обнаружено и письмо Газан-хана Бонифацию Восьмому, отно-

связанное уже к самому началу XIV в. [1302 г.], в котором обсуждались сроки совместного похода на Египет [18, с. 56].

К самому древнему периоду относятся также охранная грамота, выданная Ил ханом Аргунем в 1291 г., серебряные пайцзы с монгольским текстом золоторыцарских манов, круглая бронзовая пайца с монгольским текстом, рядом с которым имеется текст на квадратном монгольском письме (подробнее см. [1, с. 34-35]).

Памятников уйгуро-монгольской письменности, относящихся к XIV в., сохранилось уже значительно больше [см. I, с. 35-36]. И одним из самых замечательных среди них является относящаяся к раннему периоду Сю-Цзин (seung sing) "Книга смысла почтения".

С древнейших времен монголы переводили с других языков, в том числе и с китайского, различные исторические, философские, дидактические произведения. Одним из таких переводов и является Сю-Цзин, древнейшее китайское сочинение, переведенное на многие языки Востока.

История обнаружения монгольского текста связана с именами В. Луса и А. Мостаерта. В 19 г. работы восточного 1938-1940 гг. появилась их небольшая статья, содержание которой касалось одного оказавшегося оторванным листа, найденного В. Лусом несколькими годами ранее в Пекине. Этот лист принадлежал неизвестному до сих пор двуязычному заданию Сю-Цзин. Он представлял собой китайский текст, разбитый на предложения, за каждым из которых следовал монгольский перевод на уйгуро-монгольском алфавите. А. Мостаерт перевел монгольский текст и высказал предположение, что со стороны словаря и грамматики текст, возможно, относится к периоду Ваней [16, с. 221].

В 1948 г. в этой же серии [II, с. 33-34] В. Луко опубликовал статью, в которой сообщалось об обнаружении в Дворце-музее в Пекине полного экземпляра Сюэ-цзин и давал его описание. Таким образом, была найдена редчайшая и единственная в своем роде изданная на монгольском языке книга каньского периода. Это непревзойденный по своему значению памятник древнего монгольского языка доклассического периода, который ученым ныне раскопают. В 1954 г. В. Мейсцит опубликовал фототипиз этого текста. Монгольский ученый Х. Лувсанбалдан, который, находясь в 50-х годах в Пекине, приобрел микрофильм памятника, первым подверг критическому изучению монгольский текст и в 1961 г. издал монографию "Ачтанг номин гундай" ⑥ "Книга почитания родителей" [1, с. 1].

За публикацией Х. Лувсанбалдана последовали и другие работы, посвященные Сюэ-Цзин. Венгерский ученый проф. И. Жигети, основываясь на маньчжурские тексты, изданного Х. Лувсанбалданом, опубликовал в 1965 г. предварительную транскрипцию монгольского текста [13, с. 9-37], а в 1972 г. ее более совершенный вариант [14, с. 77-104]. Но как пишет М. де Раневилль, транскрипция И. Жигети, хотя и представляет определенное улучшение с таковой Х. Лувсанбалдана, все же содержит ошибки в прочтении некоторых букв и поэтому не может считаться окончательной [15, с. 17].

В 1973 г. журнал Zentralasiatische Studien опубликовал более отчетливый текст Сюэ-Цзин с кратким предисловием [5-а, с. 159-237]. В 1982 г. М. де Раневилль снова издает текст, предпослав ему подробное введение, транскрипцию, перевод на английский язык и примечания к переводу [16, с. 9-109].

Д. Дигети вновь возвращается к этому памятнику и в 1984 г. публикует статью, в которой рассматриваются орфографические особенности текста, предлагается новое чтение или уточняется перевод отдельных мест, высказываются некоторые замечания по поводу публикации И. де Ракевильца и подчеркивается, что грамматические особенности данного монгольского текста заслуживают специального исследования [15, с. 303-34]. Ряд публикаций по отдельным главам Сяо-Цзин принадлежит А. В. Кливсу [3; 4; 5]. Переводчик/и/, как отмечают исследователи, допускали большую свободу в превращении китайского текста в монгольский, поэтому последний не является буквальным воспроизведением китайского оригинала, а представляет собой его пересказ или интерпретацию. Такая свобода в изложении китайского текста делает монгольский перевод более ценным как образец монгольского языка каньского периода. И хотя с самых первых дней своего обнаружения этот замечательный памятник стал объектом исследования многих ученых разных стран мира, работа по его изучению далеко не завершена. Древний период истории монгольской письменности изучен еще крайне слабо, поэтому текст Сяо-Цзин должен стать объектом более тщательного изучения всех его грамматических и лексических особенностей.

К наиболее крупным памятникам монгольской письменности XIV в. относится и серия двуязычных китайско-монгольских текстов, публикация которых с комментариями осуществлена в 1949-1952 гг. А. В. Кливсом.

Первой подготовленной к печати и опубликованной была китайско-монгольская надпись 1362 г. [16]. Эта публикация представляет собой исправленный и дополненный вариант докторской диссертации автора, представленной на защиту в 1942 г. в Гарвардском университете

в Кембридже. Данная надпись является одной из нескольких двуязычных памятников времен правления Тогона Темура, последнего императора юаньской династии. Стела 1363 г. представляет собой уникальный источник по генеалогии и истории семьи тюркского происхождения, которая служила монгольским правителям в течение пяти поколений. Единственным членом этой семьи, имя которого А.В.Клиев нашел в официальных документах юаньской династии, был Орон, благодаря заслугам которого перед императором, его отцу Минду был посмертно присвоен княжеский титул, пожаловано поместье и по приказу императора была высечена надпись на камне. Переводчик, хорошо знавший историю и литературу своего народа, при переводе китайского оригинала снабжал его комментариями. А сам монгольский текст представляет собой прекрасный образец письменного монгольского языка 3-ей половины XIV в.

Вторым исследованной Клиевым, но первой по составлению, была надпись 1365 г. [7]. Значение этого двуязычного памятника также неоспоримо как источника по истории юаньской династии и как материала по древнемонгольскому письменному языку. По содержанию текст 1365 г. представляет собой генеалогия и историю семьи китайского происхождения, служившей монгольским правителям на протяжении пяти поколений. Как и стела 1363 г. эта была установлена и на ней был высечен текст в честь отчуждена этой династии, сын которого имел неоспоримые заслуги перед монгольским императором. Надпись ценна и тем, что благодаря монгольскому переводу стали известны первоначальные монгольские формы собственных имен монгольского происхождения, которые давались членам этой семьи.

Неоспоримо значение и надписи 1368 г. как исторического и лингвистического памятника [8]. Это уни-

Кальный источник по генеалогии и истории монгольской семьи по крайней мере в трех поколениях. Благодаря заслугам одного из сыновей этой семьи отцу его по-смертно была оказана честь императором Тогон Тэмуром и в связи с этим воздвигнута стела.

Китайско-монгольская надпись 1646 г. — четвертая исследованная Клизовым [19]. До этого фрагменты ее были восстановлены Радловым, Ноткичем, Нопле. Текст надписи также является образцом монгольского письменного языка XIV в. Кроме лингвистического аспекта надпись представляет интерес и для изучения истории буддизма в Монголии, так как является единственным источником тех времен по описанию современного буддийского храма в Каракоруме, который был заложен еще Угэдэем ханом в 1228 г.

К образцам древней монгольской литературы и монгольского языка каньского периода относится и текст "двенадцать деяний Будды", публикацию с примечаниями и английским перевод которого осуществил Н.Нопле [17]. Считается, что это слегка сокращенная версия *dalitavistara* [17, с. 17], составленная по-видимому в XIV в. Сондаи Одоэри, известным монгольским ученым и переводчиком буддийских книг. В XIV же веке текст был переведен на монгольский язык по поручению императора Лоун Тэмюра (1393—1328). Монгольским перевод сохранился неполностью, а только 2-ой том с VI гла. до IX, что соответствует VI—VIII главам *dalitavistara*. Монгольским текст был обнаружен А.И.Вознесенским. И хотя он не является оригиналом XIV в., а его копия XV в. он, по словам Н.Нопле, является шедевром монгольской каллиграфии того времени [17, 19] и содержит как древнюю лексику, так и драматические формы, характерные для доклассического монгольского языка.

уіаіа ІВ, с. ІІЗ] "потомки, будущие поколения" при
союзіа "следующий, будущий, грядущий; последующий";
дедедіа "предки; знать" при дедеді "высший, верхов-
ный" употреблялось и в значении "император": ... ке-
дедіа іаа дегедіае дедедіае епа кетіа соуіадеуаде-
дедіа... [8, с. 88] "...они его дегедіае епа таааіа об-
разом почитаеа Імператором..."

Субъект мн.ч. на =и употреблялся и с атрибутив-
ными прилагательными "...тедекіа ірген імауі тааі
кандіаіа ајууі [7, с. 73] "...иди, находясьеа там,
очень почитали его" - тедекіа мн.ч. от тедекі
"находясьеа там, тамоний". Ср. ...дедекіа дегедіа
ірген [18, с. 127] "народи воспеаіаіа" - дегедіа ат-
трибутивная форма на =кі от дегедіа "наверху, вверх".

В одной из якутских надписей элевно отмечена
форма на =іку=а от іма= - основн косвенного падежа
местоимения і "он, она": ...ілі=кер іліа=і імаку=а/
еветіаіа ајууі [7, с. 73] "...обсуждаа с ним любе
дела".

В описываемых текстах наследуется довольно част-
ая препозиция местоимения апа, что характерно толь-
ко для древнего языка: апа ордіа дотора... [8, с. 5]]
"...в их дворце"; ...апа бајуаапа=а уадаа... бајуу-
запа ајууі [3, с. 54] "...покоронии за пределами их
города"; в современном языке в таких случаях всегда
постпозиция .

Наряду с инклюзивной формой личного местоимения
бідіа "мы" употреблялись и эксклюзивная ба : тедеібер
ба іліедігсен заіа іліа=і апа дегедер ігуідедедіа...
[7, с. 77] "потому мы, рассказав по порядку добре
дела, которые они осуществили..."; едіге ба одсу
дериууі=ап сідіагу=ап кемеа... [17, с. 38] "... если
мы сейчас отправимся, сможем ли вернуть его ?".

Использование словоформы мод (в совр. языке
"дерево") в значении мн.ч., например, ...ісіген мод=і

суйур егидкү, уеке моѳ=i нирүүн туйуа болуақи=а
 јавуауһсан метү [3, с. 56] "... это подобно решению
 маленькие деревья сделать хурами (сидиковый музыкаль-
 ный инструмент - HO), большие деревья сделать балками
 и подпорками" свидетельствует о существовании в про-
 слом не зарегистрированной для ед.ч. формы * $\text{ho}[\text{h}]$. Ср.
 в "Сокровенном сказании" § 223 моѳi "модочник, старар"
 в современном языке модочни.

Интерес представляют и случаи устроения гла-
 гольных форм $\text{=ci}[\text{c}]/\text{=}[\text{c}]\text{igi}$, указывающих на признали мен-
 ского рода (действие совершается лицом или в пользу
 лица мужского пола): $\text{gergei ina Gan} \text{=ci}[\text{c}]. \text{sin} \text{=} \text{coo}$
 $\text{qin wasin ner}=\text{e} \text{=ci}[\text{c}]. \text{osin}=\text{a} \text{wasin} \text{in} \text{gi} \text{wasin}$
 $\text{ner}=\text{e} \text{wasin} \text{iglausan} \text{=}[\text{c}]\text{igi}$, с. 74 "Его суйурте
 Танк ин он (император покáловал вид) $\text{=ci}[\text{c}]. \text{sin} \text{=} \text{coo}$
 wasin . После этого он снова покáловал вид) $\text{=ci}[\text{c}]. \text{sin}$
 wasin ".

В тексте "Сокровенного сказания", как известно,
 также зарегистрирован ряд глагольных форм, указываю-
 щих на женский пол. Эти данные могут свидетельствовать
 о возможности наличия в слоготе древнемонгольского
 языка навороти грамматического рода.

1. Владимирцов В.М. Грамматическая грамматика древнемонгольского языка и китайского наречия. Введение и фонетика. Л., 1923.
2. Лувсанболдан К. Агдалт номин тухал. Улаанбаатор, 1952.
3. Cleaves F.W. The first chapter of an early mongolian version of the Hsiao ching. - Acta Orientalia. 1922, 2, LXXVI(1-3), 1922.

6. Cleaves F. P. The second chapter of an early mongolian version of the *hsiao ching*. - *Documenta Barbarorum. Festschrift für Walter Weisig zum 70. Geburtstag.* Wiesbaden, 1963.
7. Cleaves F. P. The eighteenth chapter of an early mongolian version of the *hsiao ching*. - *Harvard Journal of Asiatic Studies* 7. 19, 1955.
8. Der Blockdruck des *xioging* aus dem Palastmuseum in chinesischer und mongolischer Sprache. - *Zentralasiatische Studien* 7. 12, Wiesbaden, 1971.
9. Cleaves F. P. The Sino-Mongolian Inscription of 1362. *MAS*, 1949, 7. 12, n 1-2.
10. Cleaves F. P. The Sino-Mongolian Inscription of 1355. *MAS*, 1950, 7. 13, n 1-2.
11. Cleaves F. P. The Sino-Mongolian Inscription of 1378. *MAS*, 1961, 7. 14, n 1-2.
12. Cleaves F. P. The Sino-Mongolian Inscription of 1346. *MAS*, 1952, n 1-2.
13. Sachs W. und Mostaert A. Ein Ming-Druck einer chinesisch-mongolischen Ausgabe des *hsiao-ching*. - *Monumenta Serica* 8 4, Fasc. I, 1939-1940.
14. Sachs W. *Analecta zur mongolischen Übersetzungsliteratur der yüan-Zeit.* *Monumenta Serica*, Vol. IX, Fasc. I, 1946.
15. Weisig W. Die Peking-er lamaistischen Blockdrucke in mongolischer Sprache. *Materialien zur mongolischen Literaturgeschichte.* Wiesbaden, 1954.
16. Ligeti L. *Preklasszikus emlékek 2. XIII-XVI. század, és a XVII. mongol nyelvemléktár IV.* Budapest, 1965.
17. Ligeti L. *Monuments preclassiques I: XIIIe-XIVe siècles.* *Monumenta Linguae Mongolicae collecta* II. Budapest, 1972.

15. Ligeti L. A propos de la traduction mongole preclassique du Hiao-king. - Acta Orientalia. Hung. T. XXXVIII, Fasc. 3 Budapest, 1984.
16. Rachewiltz Igor. The preclassical mongolian version of the Hsiao-ching. - Zentralasiatische studien. V. 16, Wiesbaden, 1962.
17. The Twelve Decds of Buddha, mongolian version of Lalitavistara, mongolian text, notes and english translation by N. Poppe. Wiesbaden, 1967.
18. Uyjurčın mongyol usug-ın durasqaltu bicig-i. Begeking, 1983.

Г.Д. Дурбаев

ИСТОРИКО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ГЕНТИВНОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

Известно, что всякое историко-типологическое исследование опирается на принцип "что было и что стало", поэтому в отличие от сравнительно-исторических studies оно имеет не ретроспективную направленность, а пероспективную: от прошлого к настоящему (1, с. 4). Специфика историко-типологического исследования заключается также и в том, что оно оперирует главным образом наличием в данной группе языков моделизм, устанавливая их хронологическую стратификацию (2, с. 4). При этом существенное значение приобретает задача выявления как совпадений, так и несходств в генитивных родственных языках (3, с. 155).

Исходя из этих положений, рассмотрим атрибутивные словосочетания генитивного типа, которые в монгольских

языках относятся к классу связей употребительных и разнообразных по характеру выражаемых синтаксических отношений. Основным средством грамматической связи между компонентами служит айкинэ рог.падежа, который принимает формы номинатива, выступающего в функциях определения по отношению. Это свидетельствует о том, что в словосочетаниях данного типа преобладает односторонняя, т.е. латентивная связь, которая находит свое выражение в управлении зависимого, определяющего имени в форме генитива со стороны определяемого имени или главного компонента. Но формы повествования и семантической односторонности сочетания с определяемым, маркированными айкинэ рог.падежа, представляют собой определенную разновидность латентивности. В форме айкинэ рог.падежа может выступать и субъект предложения, что свидетельствует о латентивности (латентивно-субъектная) сочетания с определяемым, определяемого айкинэ рог.падежа.

Словосочетания с именами существительными в роде падеже реализуют в рамках айкинэ определительно=прилагательных отношения между ряд конкретных синтаксических значений. Так, в составе словосочетаний латентивного типа нами установлено 44 регулярных модели, в которых находят свое выражение определительно=количественные, определительно=локативные, определительно=количественные, определительно=выделительные, айкинэ = и субъектно=определятельные, а также другие виды отношений.

Имея возможности охарактеризовать особенности всех моделей генитивных конструкций, ограничимся анализом лишь некоторых из них. Здесь важно отметить, что наши наблюдения и выводы строятся с учетом материала письменных памятников среднемонгольского, классического монгольского, ойратского языков. Наряду с этим приводятся данные из старобурятских и старокальмыцких текстов.

Что касается современных языков, то привлекаются примеры из халха-монгольского, бурятского и калмыцкого. Из широкого круга генитивных конструкций прежде всего выделяются словосочетания, между компонентами которых существуют собственно-посессивные отношения, в частности отношения владельца и вещи. В такого рода структурных образованиях зависимое слово обозначает лицо, которому принадлежит одушевленный или неодушевленный предмет, обозначенный определяемым словом: среднемонг. Борсодул-ин йергад СС § 314 "жена Борохто", еке-уин инже СС 48 "приданое матери"; классич. заван-и туй АТ II, 174 "знамя кагала"; оират. көбийнй өвбулаг ТД, 334 "пух, перья волос ребенка"; старобур. кайтис-ин йегерис III, 36 "место людей"; монг. аавын малгай "шапка отца", оир. Радийн гэр"үртэ, дом Радий", калм. эгчин алачур "платок сестры".

Подчиненный компонент собственно-притяжательным словосочетаниям обозначает не только отдельное лицо, но и социальную группу людей, этническую общность, а также страну, учреждение или организацию, которым принадлежит кто- или что-либо: среднемонг. жеккис-ин нийтаг СС § 138 "кочевье меркитов", классич. ауйгад-ин байлавад АТ II, 118 "города уйгуров", оират. буина-дуйн эврег ТД, 336 "армия, войско оиратов"; монг. нэгдэлийн адуу "табуи объединения", бур. колхозной гарн "колхозные дома", калм. шагга мал "наземный, государственный скот".

Определенной семантической раскованностью словосочетаний, выражающих посессивные отношения, является конструкция, где зависимый компонент в род. падеже указывает на лицо (живое существо вообще), к которому имеет непосредственное отношение другой предмет: среднемонг. жоринад нагуа] МАА, 227 "конский помет",

казач. *caйapи=аа аааа* МТ II, 16 "туземные перья",
буриг. *caйapиjиnи аар II*, 17 "гнездо журавля, журав-
танки", старобур. *иici=аар=i caйapи=аа II*, 115 "суп-

... в бурятском языке
... в старобурятском текстах показателем род. падежа
выражается не только после имен, означивающихся на
... а. 101, но и на другие согласные.

Сначала на это явление обратил внимание Л.В.Ив-
сидимбаев, который считает, что употребление показате-
... =и в летописях беленгинских и баргузинских бурят
имеет древнерусский характер. Ср. старобур. *caйapиjиnи*
"гнездо журавля (=и) журавля "Баргузинская гора" (5,
... 145).

В старобурятском, для которого отличным отличием
... принадлежности, очень близко примыкает по своей
...
... первый компонент обозначает определенную
группу людей, коллектив, учреждение, организацию, к
которым имеет какое-либо отношение лицо или предмет,
названием вторым компонентом: *аредниnиnг. ариnи=аа*
ааран 33 / 31 "лица, участвующие в свадьбе", *иnи=аа*
кауix=аа аахiуnиjиnи III, 196 "монашеский створок, ст-
ранник", *арарооуr. аахiуnиjиnи=аа ааруxi* Б., 363 "учи-
тель школы"; *монг. нaмнiя бишчүн* "член партии".

В современном бурятском языке особенно актив-
низировались и стали широко употребляться словосочета-
ния, в которых выражаются отношения лица к обществен-
ным организациям (5, с. 330). Этот процесс характер-
ен и для современного калмыцкого языка. Причем слова,
обозначающие учреждения, предприятия и организации,
а также нередко и названия лиц, имеющих к ним отноше-
ние по должности, специальности и профессии, заимст-

субстантивные словосочетания, выражающие выделительные отношения. Определяемый компонент в таких словосочетаниях бывает представлен субстантивированным прилагательным или числительным: классич. *degiuner-un lilq-a* АТ II, 28 "меньший из младших братьев", монг. *оэгни зарим нь* "некоторые из студентов". Атрибутивный компонент может выражаться существительным, местоимением, числительным, а в монгольском языке и в текстах письменных памятников еще и субстантивированным причастием на *-гсан* в форме род. падежа или числа: *хурагдагсдын олонги нь* "большинство участников собрания".

Словосочетания, в которых реализуется выделительные отношения, используются прежде всего для того, чтобы из числа однородных предметов выделить какой-то один предмет или часть из них. Кроме того, данный тип словосочетания находят применение и в тех случаях, когда один из предметов наделяется таким качеством, по которому он превосходит все другие: классич. *сигин-ун бегеса (сарин)* АТ II, 2 "самая лучшая сватья", отанкати. *mekesijin abbu* КСЯ, 55 "хитрец из хитрецов".

В научной литературе уже отмечалось, что инверсия прилагательного придает своеобразный оттенок логического выделения, актуализации того или иного признака предмета, что вызывает постановку определения после определяемого (7, с. 168), например: бур. *хубсаһана найинни үшэхэ* "одевать лучшее из одежды". В подобных случаях между именем существительным и прилагательным допускается вставка слов=интенсивов, с помощью которых выделяемый предмет наделяется самой высокой степенью качества. Ср.: монг. *горьдын хамгийн мурдныг нь шили авах* "выбрать самую быструю из лошадей", бур. *хубсаһанаг эгээ найинни үшэхэ* "надевать самое лучшее из одежды", отанкати. *нодны на гни суду-баны нагадгайныг эгээ ихээр хэрэглэнэ* "использовать самое лучшее из судов".

В словосочетаниях с суперлативным значением компонента, выраженные субстантивированными прилагательными и существительными, могут повторяться: "в первый раз в форме род. падежа, во второй - в форме первой основы" (8, с. 169): калмыч. *савуи=и савуи* (монг. *сани сани*, бур. *палли палли*, калм. *сэви сэвигүний* из *лучших*). Такие конструкции весьма показательны для фольклорного стиля, например: калм. *бичгин битт кур* "волшебное=целительное дожде, кортин хоря эм" "ядовитое=предъявленное лекарство" (из эпоса).

Определяемый компонент в конструкциях с род. падежом имени может сопровождаться частицей личного приращения *нь* (калмыч. *ни, ич*) "его, ее, их", которая усиливая и подчеркивая идею принадлежности чего-либо предмету или лицу, в предложении выполняет функцию показателя подлежащего: калмыч. *савуи=и савуи* *савуи* *савуи* *савуи* "индустрия кама, царя" (досл. *кама индустрия=его*), калм. *кәл=иң савуи=иң* "пальцы ног" (досл. *ног пальцы=его*), монг. *болдин нас нь* "возраст Бодна", калм. *кәвчәна хилити* "руфана мальчика".

Постоянная атрибутивная функция имен существительных в род. падеже создает определенное предположение для постепенного изменения их категориального статуса и перехода в разряд относительных прилагательных. Указанная тенденция прежде всего наблюдается в тех группах словосочетаний, где лицо или предмет, выраженные в определяемом, характеризуется со стороны предмета=определения, оформленного род. падежом имени, по таким признакам, как: (1) источник происхождения: монг. *ургамин тос* "растительное масло", бур. *худагай улан* "колодезная вода"; (2) место, пространство: монг. *ханын сонин* "стенная газета", калм. *уулын күч* "горец, человек, живущий в горах"; (3) отношение к кому=, чему-либо: монг. *ардын багш*, бур.

арадай багна "народный учитель"; (4) время: монг. сарин ажил "месячная работа, бур. хабарай тарилга "весенний сев", калм. зуна хувин "летняя одежда"; (5) назначение: монг. шижийин морь "пристязная лошадь", бур. самн халбага "чайная ложка", калм. зурьна эм "лекарство для сердца или сердечное лекарство".

Эти и многие другие аналогичные примеры дают исследователям повод говорить о потенциальной способности форманта род. падежа выполнять словообразовательную функцию и выступать в роли суффикса прилагательного (9, с. 202-207). Монголисты, занимающиеся изучением системы словообразования, все более склоняются к точке зрения, согласно которой формант род. падежа относится к области синтаксической деривации, а его значение зависит от контекста (10, с. 129).

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Макаев Э.А. Сравнительная, сопоставительная и типологическая грамматика // ВП, 1964, I.
2. Баскаков Н.А. Историко-типологическая характеристика структуры тюркских языков. Словоосчетание и предложение. ..., 1975.
3. Будагов Р.А. Сходства и несходства между родственными языками. Романский лингвистический материал. М., 1985.
4. Доржиев Л.Н. Язык старомонгольской письменности. Дурятия. Автореф. канд. дисс. М., 1985.
5. Чинендамбаев Ц.В. Бурятские исторические хроники и родословные. Улан-Удэ, 1972.
6. Шагдаров Л.Д. Функционально-стилистическая дифференция бурятского литературного языка. Улан-Удэ, 1974.
7. Дарбеева А.А. О субстантивном употреблении имен прилагательных в бурятском языке // Филология и история монгольских народов. М., 1957.

8. Занжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков, т. I, М., 1966.
9. Чариков С.Д. Морфанта родительного падежа в роли словообразовательных суффиксов в бурятском языке // Лингвистические исследования. М., 1985.
10. Строева Е.А. Закономерности развития казахского языка в советскую эпоху, Словообразовательная система. Алмата, 1973.
11. Косин С.А. Сокровищное сказание. Монгольское издание 1910 г. под названием *ᠮᠠᠨᠤᠯᠤᠯᠤᠯᠤᠰᠤᠨᠠᠶᠢᠨᠠᠨᠠᠭᠤᠯᠠᠭᠤᠨ*. Под ред. Спир. М.-Л., 1941.
12. Поппе Н. Монгольский словарь *ᠮᠤᠮᠠᠳᠢᠨᠠᠶᠢᠨᠠᠨᠠᠭᠤᠯᠠᠭᠤᠨ*, ч. I-II, М.-Л., 1930.
13. Григорьев А.П. Монгольские диалекты III-IV вв. (лингвистические исследования грамматики). М., 1960.
14. Altan Tseret. *ᠮᠠᠨᠤᠯᠤᠯᠤᠯᠤᠰᠤᠨ*, 1977.
15. Нидендамбаев Д.В. Бурятские колоритные крылатые и родословные. Улан-Удэ, 1973.
16. Их цааз (Великое уложение). Памятник монгольского феодального права XIII в. Ойратский текст. Перевод, введение и комментарии С.Е.Дильцова. М., 1937.
17. Калма жирум. Памятник монгольского феодального права XIII в. Сводный текст и перевод Д.А. Самцаранов. Подготовка текста и издание, редакция перевода, введение и примечание С.Е.Дильцова. М., 1965.
18. Лувсанбалзан Х. Тод Усгийн дурсгалууд (Памятники ойратского ясного письма). Улан-Батор, 1976.
19. Позднеев А. Казахско-русский словарь. СПб., 1911.

О НАДПИСИ НА СТЕЛЕ ИСУНГТЕ /история дешифровки: спорное и бесспорное/

Надпись на каменной плите, известная в монгольском ведении под названием "Кингисов камень"¹, является одним из первых дошедших до нас памятников уйгуро-монгольской письменности. Длительная история исследования надписи и толкование ее в известной степени характеризует уровень развития монгольской эпиграфики, истории и лингвистики.

1. История памятника и его открытия. Памятник обнаружен был в начале прошлого столетия в Бабангае известным ученым и путешественником Г.И. Славским с помощью местных жителей. С тех пор он стал объектом научного исследования сначала русских монголоведов, а значительно позднее западноевропейских и других зарубежных исследователей.

Исследователи отмечают трудности дешифровки данного памятника, связанные с расколом стелы надвое; изменение букв и стертые знаки осложняли работу ученых, что сказывалось на конечных результатах исследований. Однако, не утратив, забывшихся прочтением надписи, сделал этот копий. Такие копии сохранились в работах Г.И. Славского (23), М.А. Минца (1), А.А. Шенорова (40), Д. Мангаарова (1). Опубликованные В.И. Радловым фотографии с резаных надписей в "Атласе древностей монголии" (1) в определенной степени дали новый толчок дальнейшему изучению памятника. В настоящее время в распоряжении исследователей (24, 25) имеются отлично отснятые фотографии надписей на стеле Исунгте.

Накопилась обширная литература по изучению надписи. Наиболее полная библиография, посвященная этому

комментарии. Исправив неправильное чтение И.Я.Шмидта, он внес огромный вклад в исследование памятника. Дешифровка памятника стала достижением русского монголоведения второй половины XIX в. Академик Вильгельм Готт (1807-1899) написал ряд статей о Д.Банзарове, в том числе по дешифровке надписи (28, с. 297, 305), благодаря чему работа Д.Банзарова стала известной ученым Западной Европы.

Однако через 45 лет проф. А.М.Позднеев писал, что "этот памятник требует нового и основательного пересмотра..." повсюду возникает у нас вопрос и сомнения" (9, с. 74-75) и акад. В.В.Радлов признал перевод Д.Банзарова "все-таки неудовлетворительным" (10, табл. 49).

В 1927 году доцент Восточного факультета Дальневосточного университета И.А.Кликина, пользуясь "Атласом древностей Монголии"², предложил новое чтение и перевод текста стелы (6, с. 5-39).

Перевод И.Кликина:

"Когда Чингис-хан, по возвращении с завоевания сартагуков, свои конюхи народа монгол поставил на сознание в стрельное, то Коунхе на триста тридцать пять шагов сажень расстояния /прицела/ выстрелил из лука (6, с. 32-35).

Чтению и переводу И.Кликина внесли в изучение надписи на стеле Коунхе немало нового. Но достижения И.Я.Шмидта, Д.Банзарова не утратили своего научного значения, что отмечал в своих работах тибетолог Г.Ц.Цыбиков (14, с. 17-18). О значении работ названных ученых также писали монгольский археолог чл.-корр. АН МНР Х.Перлээ (20, с. 3-23)⁴, историк И.де Ракевильц (24, р. 487-508) и др.

* Транскрипцию текста памятника по И.А.Кликину см. ниже, на с.101-102.

Работы Д. Банзарова и Ин. Клякина важны тем, что они решили часть явно спорных вопросов в дешифровке надписи, но многое еще осталось за пределами их внимания. Уместно отметить, что японский монголист С. Мураяма⁵ (23; 5, 108-112) опубликовал в 1950 году небольшую статью о надписи на стеле Ноунге, в которой счастливо "соединил" воедино часть чтения Банзарова /первые 3 строки/ с чтением Клякина /строки 4 и 5/ (2, с. 329). Тем самым, он в целом подтвердил верность некоторых позиций последующих специалистов по монгольской эпиграфике в исследовании этого памятника.

В 50-70-е годы чтением и переводом текста памятника МВ в. занимались известные ученые проф. Л. Амбисо (L. Ambis) (21, с. 141-157), академик АН БНР, проф. Л. Ангети⁶ (24; 24, p. 487), агрографический историк И. де Ракевилья (I. de Rachewiltz) (94), чл.-корр. АН БНР И. Мерзев, монгольские академики Л. Дамдинсүрэн (19), В. Ринчен (35), казахский автор Л. А. Корсуниев (7, с. 32-71). Часть ученых касалась проблем монгольской эпиграфики в связи с юбилеями Д. Банзарова (1955, 1972) (4, с. 22; 4, с. 10). Так, по мнению И. де Ракевилья, важный вклад в исследовании памятника внесла работа проф. Л. Амбиса. Поэтому считаем целесообразным привести перевод Л. Амбиса на французский язык (21, с. 145). "alors que Cinggis-oan, faisant campagne contre le peuple Sartayal (=kasulman) était descendu du cheval, les nobles du peuple se tous les mongols s'étant rassemblés à Baga-/s/ ujiyai (?), Hsingka tirant de l'arc, a envoyé une fleche à trois cent trente-cinq toises" (23, с. 145), что на русский язык можно передать следующим образом: "В то время, как Чингисхан выступил против сартагульского народа, захватив его, возвращаясь, собралась

знать всего монгольского народа в Вуча-Уджиге (?),
то Исуинга выстрелил из лука на расстоянии 335 са-
тен".

Последним по времени опубликования можно считать
самостоятельное исследование И. де Ракевильца, в ко-
тором проанализированы наиболее трудночитаемые слова
и выражения, освещены вопросы датировки и пунктуации.
Транскрипцию надписи И. де Ракевильца (см. ниже), а
затем его английский перевод текста надписи: "when Cing-
gis-kan, having subjugated the Sartayal (Mongol) peo-
ple set up camp near, the nooklet of the empire
of all the Mongols gathered at Вуча-/S/оsijai (?)=
Вуча /S/оsijai, at the long distance shooting con-
test Cinggis shot an arrow 335 sars." (24, p. 457-
46).

Предлагая свой перевод текста И. де Ракевильца
на русский: "Когда Чингисхан, покорив сартагульские
народы (мусульман), сделал привал. Обрядные знатные
люди империи всех монголов в Вуча -/S/оsijai (?)=Вуча
/S/оsijai, в стрельбе на дальности расстоянии Иджиге
выстрелил из лука на 335 сард".

И. де Ракевильц дает толкование слов, которое
не только, на наш взгляд, основания:

Строка 2: Амбис, с. 145, следуя за Доржи Бан-
заровым, читает irge. Это слово подтверждает чтение
irge, предложенное Шмидтом и Мураями. Перлээ и
Лигети также дают правильное чтение irge (21, p.
483).

Строка 3: Вуча /S/оsijai "Это название местнос-
ти, где Чингис-хан расположился лагерем после за-
падной кампании и где происходило состязание по
стрельбе из лука. Начало второго слова стерто. Бан-
заров был первым ученым, который связал это назва-
ние с местностью Вуча Sijai, упомянутой Рашид-ад-

Динон (II, с. 230), как место, где Чингисхан и его армия располагались на время по возвращении в свои становища в Монголии. Мы делаем заключение по сообщению Рашид-ад-Дина, что это место может быть далеким от реки Эмэл, где-то между старой территорией уйгуров и найманов, это могло быть, по всей вероятности, вблизи Иртыша, где Чингис провел лето 1224 года, в той же зоне, где располагался лагерь летом 1219 года" (24, р. 486).

Это название склужило и И.Клюкина, он дал его как выражение - *buγuγobiγar*.

На наш взгляд, весьма любопытно письмо профессора Н.И.Поппе к И. де Ракевиццу (от 3 мая 1974 года), в котором выражена его позиция в отношении словосочетания Буца Социгай. Он пишет: "Я склонен думать, что камень поврежден так, где имеется начертание *Buca Socigai* ... Камень поврежден очень сильно, некоторые слова почти нечитаемы. В отношении точек - очень часто точки поставлены для "о". Вы, вероятно, замечали, что "о" в слове *Buca* имеет точки. Поэтому возможно принять форму *sociγai* (с точками для "с"), в которой а (а - зубцы) есть остаток от "i". Конечно, это гипотетически, но *Sociγai* еще более трудно для объяснения. Я склонен думать, что окончание формы Рашида-ад-Дина "ai" верное, особенно ввиду множества монгольских топонимов с именными и глагольными окончаниями на '-ai'. Иными словами, я не доверяю форме *sociγai* на камне, думаю, что будет читать как *sociγai* (24, р. 499-500). Размывая вышесказанное, И. де Ракевицц отмечает, что "все-таки, чтение *Sociγai* подтверждается как копиями надписи с камня, так и фотографическими надписями. Еще остается, безусловно, вероятность того, что на камне неверно высечено слово *Sociγai* вместо *Sociγai* (24, р. 499-98).

Такое заключение Н. де Ракевиляца об образовании выражения *Вира Зобіуаі*. Однако доводы ученики все остаются попрежнему во многих моментах палеографии, лингвистиче-скими, топонимическими, историческими. Окончательное решение неясностей в топонимике *Вира Зобіуаі* и *Вира Зобіуаі* остается пока делом будущего.

Но ученики отдают предпочтение топониму *Вира Зобіуаі* преимущественно вероятно потому, что он зафиксирован во многих надежных источниках и документах (24, р. 433).

Н. де Ракевиляц не без основания, думается, предполагает, что этот топоним может быть известным названием, выраженным тюркским (уйгурским) словом. Вира "вири" слово общее, как в монгольском, так и в тюркском языках, где означает слово *вои*, т. е. в тюркском языке вместо слова *вои* "путаться, заблудиться" (24, р. 433). Ср. монгольское *вои* = *вои* "путаться, заблудиться" (24, р. 433).

Вероятно, информация Ракид-ад-дина не была известна эта местность. Поэтому Н. де Ракевиляц принимает монгольскую форму *Вира-Зобіуаі*, предложенную М. Мигети, за которую, по его мнению, следует истинно тюркское название (24, р. 433).

Строка 4. *Yizingge*. Проф. Амале (23, р. 145) читает *Yizingka*. Чтение *Yizingge* предпочтительнее потому, что фактически подтверждается китайскими и персидскими источниками (24, р. 433).

Строки 4,5: *ontud* - Глагол дан в форме *ontuduruc* на 4-й строке, в форме *ontudalay-a* на 5-й строке. Глагол *ontud* соответствует монгольскому *ontus*, *ontuyis* - выстрелить стрелой из лука; стрелять из лука по мишени (24, р. 433).

Строка 4: *aldas*. "Слово *aldas* - существитель-

ное во множественном числе от слова алда, основной меры длины у монголов. И. де Раневильц считает, что расстояние в 335 алда по оценке Луберта более надежно и равно 586 метрам" (24, р. 490).

Таким образом, статья И. де Раневильца в исследовании памятника внесла новую, убедительную интерпретацию.

Недавно советский автор И.К.Корсункиев (7, с. 62-71) опубликовал сообщение "Еще раз к дешифровке надписи на так называемом "Чингисском /Ирхиринском/ камне", изданное в Улан-Баторе. Он подводит итог чтениям предыдущих специалистов, выдвигает свои версии чтения памятника. На основе априорных рассуждений И.К.Корсункиев попытается внести что-то новое, но будучи незнаком с работами С.Муряма, Я.Кереза, А.Ангети, Я.Амбоса, И. де Раневильца, он дал версии, мало отличающиеся от известных, мотивируя свои интерпретации следующим образом: на 3-м строке надписи первое слово Я.Канзаров прочел "арат-и", а И.Минин соответствующим "арат-а". Корсункиев считает, что это слово должно бы читаться в форме множественного числа, что уже в работе С.Муряма и Луберта (24, с. 146) И.К.Корсункиев предлагает читать слово арае "арат-и" т.е. арчиин-земли, обосновывая его грамматически.

Проф. Я.Амбос составил интересный свод сравнительных чтений слов текста надписи по строкам камня — из монгольских в отдельности. Свод дан в общепринятой транскрипции. Автор этих строк лишь дополнил его результатами тех, кто изучал надписи после Я.Амбоса (21, с. 144-146).

И строк:

И строк,   11015 - 100-1
Канзаров,   11015 - 100-1

Алшкин, Сиггис-дан-и
Муралма, Сиггис-дан-и
Алшис, Сиггис-дан-и
Пөрлээ, Сиггис-дан-и
Лигети, Сиггис-дан-и
Ракевичын, Сиггис-дан-и

II строка:

Ташит, Sartayul irge ejeleju bawuju qamuy monyol olos-un
Банзаров, Sartayul irgen taaliju bayuju qamuy monyol
olos-un
Алшкин, Sartayul erke tavuliju bayuju qamuy monyol
olos-un
Муралма, Sartayul irge dayaliju bayuju qamuy monyol
olos-un
Алшис, Sartayul irgen /d/ wuliju bayuju qamuy monyol
ulus-un
Пөрлээ, Sartayul irke /t/ aaliju bayuju qamuy monyol
ulus-un
Лигети, Sartayul irge /i/ wuliju bayuju qamuy monyol
vol ulus-un
Ракевичын, Sartayul irge /d/ wuliju bayuju qamuy
monyol ulus-un

III строка:

Ташит, erteni boya oryai qoriysan dur
Банзаров, arat-i Buqa Suciyai quriysan-dur
Алшкин, noyon-i boytoyociyar (?) qoriysan-dur
Муралма, noyad-i Buqa Suciyai quriysan-dur
Алшис, noyad-i Buqa-/S/uciyai (?) quriysan-dur
Пөрлээ, noyat-i Buqa Sujigai quriysan tur,
Лигети, noyad-i Buqa-/S/ociyai quriysan -tur
Ракевичын, noyad-i Buqa-/S/ociyai(?)=Buqa-/S/uciyay)
quriysan-dur

IV строка:

Шмидт, Yesunke ...un yurbah jajun yucin tabun eliyе
Банзаров, Jaunke Konyodor-un yurban jayun yucin
tabun altak

Клюкин, Jsunke ontodor-un yurban jayun yucin tabun
aldas

Муралма, Yesunge ontudur-un yurban jayun yucin tabun
aldas

Амбис, Yisungna ontudur-un yurban javut yucin tabun
aldas

Перлээ, Yisunke ontudur-un; qurban jaut qucin tabun
aldas-

Лигети, Yisungge ontudur-un yurban jayud yucin tabun
aldas-

Ракевильн, Yisungge ontudur-un yurban jayud yucin
tabun aldas

V строка:

Шмидт, dur sinduralyan

Банзаров, dur ontudalaya

Клюкин, dur ontudalaya

Муралма, -tur ontudalaya-i

Амбис, -tur ontudalaya-an

Перлээ, -tur ontudalaya-a

Лигети, -tur ontudalaya-a

Ракевильн, tur ontudalaya-a

Сводная таблица транскрипции текста памятника показывает кто из ученых, как и по какой причине ошибались. Все эти работы взаимосвязаны, так как каждый из авторов анализировал работы предшественников. Имя "Чингис" П.Перлээ передает "Sinkis" в отличие от всех других, во II строке в слове "dayulija" варьируется "D" и "T", в III строке, начиная с Муралма все дает "nyud-i" исправив Клюкина, лишь у Перлээ - "noyat-i", топоним: Baqa/S/ucicai или Baqa -/S/obiyai

написание много спорного и неясного, в IV строке слово "ontodur-ai" исправлено на "ontodur-ai", соответственно: Исуунге мы касались Вуда, в последней V строке на "ontodur-ai" Исуунге читает как "— tar ontodur-ai", а Аюкс — "tar ontodur-ai".

Во всех статьях, посвященных надписи на стеле Исуунге, главным образом, освещаются вопросы начертания букв, орфографии, семантики слов, грамматического строя языка монголов времени создания памятника.

С. Пудякина, И.А.Шиндт и Д.Банзаров впервые подняли вопрос о пунктуации текста надписи. И. де Бакки отмечает, что у И.Аюкса и Л.Дигеи текст не имеет пунктуации. Однако в тексте поставлены знаки препинания отдельными точками /сэ/ после *yariγsan-dai* /сэ/ и *ontodur-ai* /строка 5/. (34, р. 491).

В.А.Давидович. Ученые датироват памятник по-разному. К.А.Корзинер, И.А.Шиндт датироват его 1210 или 1215 годом (3, с. 130), его научным критик Д.Банзаров — 1204-1205 годами (2, с. 202), И.Клячкин, С.Перлюэ ранее не датироват его. И. де Ракевильд снова возвращается к вопросу датировки и пытается определить дату памятника на основе анализа археологических данных. По его мнению, надпись на стеле Исуунге может относиться к периоду от 1225 г. до 1270 г. (34, р. 495).

Таким образом, труды И.А.Шиндта, Д.Банзарова, И.А.Клячкина явились звеном одного эпиграфического исследования. Неточности, ошибки предшественников можно признать ныне исправленными в новейших исследованиях, в них же косвенно или прямо определены заслуги пионеров изучения этого памятника.

Нет сомнения в том, что надпись на стеле Исуунге в целом изучена, но в определении топонима Вуда - /S/aiqai = Вуда /S/oiqai имеется много спорного.

Примечания:

1. Степу впервые нарек "фингисовым камнем" К. Ф. Миндт, по-видимому, потому, что текст надписи начинается с этого имени. См. (26).

2. Г. И. Спасский впервые сообщил в научной печати о надписи в 1818 г., он писал: "...стоял большим гранитный камень с прекрасно высеченною на нем восточными буквами надпись..." (13, с. 123), определил величину камня в таком измерении: "сея камень состоит из гранита, имеет длины 2 аршина, 13 вершков, ширины 14 $\frac{3}{4}$ и толщины 5 вершков. Надпись на нем высечена сверху вниз" (13, с. 122). Но данные монгольского автора Я. Тонгорнава, стела имеет такой размер: "Высотой - 202 см, шириной - 74 см, толщиной - 23 см, состоит из гранита" (13, с. 30).

3. Было приказано перевести этот памятник в Петербург из Нерчинска в 1839 году (26, с. 248). Известно, что тогда - то и разобрал несколько слов надписи Ванчиков. Время чтения надписи им Д. Корсуновым (7, с. 30) датирует 1839 годом. Таким образом, с этого года надпись на стеле Коулнге стала объектом внимания монголистов.

4. К. Перлэе не дал своего перевода надписи на современный монгольский язык, ограничившись транскрипцией своего чтения и уточнением расшифровки отдельных слов прежними учеными, семантическим и грамматическим толкованием слов и выражений, которые до него не получали достаточного освещения.

5. Работу С. Мураяма историк Г. Н. Румянцева (2, с. 329), археолог Э. Рыддылси (12, с. 94-99) оценили весьма сдержанно, а Н. П. Шастина - в целом положительно (15, с. 57-59).

6. Акад. АН ВНР Л. Лигети, издавая перевод "Сокровенного сказания монголов" на венгерский язык, в

примечаниях к нему дал перевод надписи на стеле Исунгге на родной язык. Венгерский текст И. де Ракевиллы перевел на английский, а с него переведен нами на русский; "Когда Чингис хан, завоевав сартагульский народ, остановился лагерем, дворяне всей монгольской империи собрались в Баса -Subiyau Исунгге выстрелил в стрельбе из лука на 335 сажен" (24, 497).

7. И. Дамдинсүрэн приводит транскрипцию текста надписи об Исунгге по реконструкции Д. Банзарова, в примечании сопоставляет перевод первого с переводом И. Клякина, поясняет несколько слов древнемонгольского происхождения (19, с. 34-35).

8. Д. К. Корсукин предлагает нам свой перевод памятника: "Когда Чингис-хан по завоевании сартагульского народа, возвратился изуничтоженного всего монгольского государства собрался во владение "Буга Жоцига" "Омский холм", то Исунгге выстрелил /из лука/ на расстоянии трехсот тридцати пяти саженей" (7, с. 76).

ЛИТЕРАТУРА

1. Банзаров Д. Обломонге монгольской надписи на памятнике князя Юрликэ, племянника Чингис хана. СПб., 1851.
2. То же. - В кн.: Д. Банзаров. Собрание сочинений. М., 1955.
3. Владимирцов В. Историческая записка о первой Казанской гимназии, ч. I. - Казань; 1887.
4. К столетию со дня смерти Доржи Банзарова: Сб. статей: Улан-Удэ; 1955; Первый бурятский ученый /к 150-летию со дня рождения Доржи Банзарова/. - Улан-Удэ, 1973.
5. Киселев С. В. и др. Древнемонгольские города. - М., 1965.

6. Кипчки И.А. Древнейшая монгольская надпись на "Анхирасконе" /Анхирасковом камне/. //К разбору древнейших памятников монгольской письменности/. Труды ИВГУ. Серия VI, № 5. - Владивосток, 1937.
7. Корсульников И.К. Еще раз к расшифровке надписи на так называемом "Чингисском (Анхирасковом) камне". - В кн.: Кол зокнол боддам (Эпистологии). т. IV, Увс. . . - Улаанбаатар, 1966.
8. О.Р. - Досквигитики, 1892 (изд.), № 14, кн. 2 (рец.).
9. Позднеев А.И. Лекции по истории монгольской литературы, т. 1. - СПб, 1886, с. 218.
10. Радлов В.В. Атлас древности Монголии. - СПб; 1892-93. (Труды Бюроанской экспедиции).
11. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. т. 7, кн. 8. -И., 1964.
12. Рыцкимон Ф. - В кн.: Эпиграфика Востока, вып. 1. -36. статей. - И.-И., 1959.
13. Спасский Р.И. Древности Сибири. - Сибирский вестник, ч. IV. - СПб., 1818.
14. Мабиков Г.А. Жизнь и труды Доржи Банзарова. - Бу-рятоведческий сборник. Вып. VI. -Иркутск, 1958.
15. Шастина И.П. Эпиграфика в работах Доржи Банзарова. - В кн.: К столетию со дня смерти Доржи Банзарова. - Улан-Удэ, 1955.
16. Шиндт И.И. О новом переводе монгольского надписи на известном памятнике Чингис-хана. - Санкт-Петербургские ведомости, 1839 - (№ 224), 1 октября, с. 1013-14.
17. Шиндт И.И. и др. Процесс о монгольской надписи на памятнике Чингис-хана. -Отечественные записки, 1839, с. 7.

18. Ронгоржав У. Монголын эртний харвүүл тэмцээн
(Стрельба из лука у древних монголов : этногр. очерк)-Улаанбаатар, 1982. 79 с.
19. Дамдинсүрэн Л. Монголын уран зохиолын тойм (XIII-XIV зуунд ve). (Очерки истории монгольской литературы XIII-XIV веков). т. I. -Улаанбаатар, 1957.
20. Пэрлээ Х. Чингисын чулууны бичээс (Надпись на Чингисовом камне). - В кн.: Х.Пэрлээ. Турван агуулал (Три статьи) - Улаанбаатар, 1982, 3-28-р. тал.
21. Hambis Louis. A propos de la "Pierre de Gengis-khan-mélanges publiés par l'Institut des Hautes Etudes Chinoises. N. 2. Paris, 1960. p. 17-57.
22. Ligeti L. Pierre de Gengis Khan 1224 ou 1225. -Monuments archéologiques I. 73e et 14e siècles par L.Ligeti. Budapest, 1971.
23. Maruyama S. Über die Inschrift auf dem "Stein des Gengis. "Oriens". Bd. 3, n. 1, 1950.
24. Monowiltz E. So. Some remarks on the stele of Yisüngge.-tractata altica. Wiesbaden, 1970, n. 487-503.
25. Rinchen L.-CAJ, 14, 1958, fig. 6.
26. Schmidt J. Bericht über eine Inschrift aus der ältesten Zeit der Mongolen-herrschaft.-Mémoires de l'Acad. Imp. des sciences de St. Pétersb. 1837. VI série, Vol. 8, livr. 2-3, s. 24-36.
27. Schott A. Ueber Bansarow's Auslegung einer mongolischen Inschrift.-Monatsschrift wissenschaftliche Kunde von Russland. Bd. 14. n. 2. Berlin, 1855.

ТЮРКСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ЯЗЫКЕ "СОКРОВЕННОГО
СКАЗАНИЯ МОНГОЛОВ"

"Сокровенное сказание" — монгольская хроника 1340 г. — занимает в ряду памятников средневекового монгольского языка особое место. Хотя со времени открытия этого памятника прошло уже 150 лет и он постоянно привлекал и продолжает привлекать самое пристальное внимание ученых всего мира, и по нему существует огромная литература, все же нельзя сказать, что он изучен до конца и со всех сторон. Кроме того он исследован в лингвистическом аспекте, особенно в отношении состава лексики памятника и ее происхождения. "Сокровенное сказание" представляет собой значительный по объему текст, особая ценность которого для лингвистов состоит в том, что он освещает разнообразие стороны жизни монгольского общества эпохи XIII века и соответственно включает в себя слова из многочисленных семантических групп, причем слова, конкретно датированные, о которых определенно известно, что они были употребительны и понятны монголам в ту эпоху. Иначе говоря, этот памятник фиксирует огромную группу лексики монгольского языка 750-летней давности.

Для сравнительно-исторической монголистики "Сокровенное сказание" предоставляет поэтому бесценный фактический материал. Большой интерес для изучения истории монгольских языков в этой связи имеет выявление иноязычных заимствований в составе лексики данного памятника, в частности установление в нем тюркских по происхождению элементов, ибо во временном отношении язык "Сокровенного сказания" стоит гораздо ближе к языку древних и раннесредневековых тюрков, чем современные монгольские языки.

Даже беглый взгляд компаративиста на язык "Сокровенного сказания" показывает, что в нем содержится довольно заметное количество тюркских элементов. При этом исключим тюркские топонимы, этнонимы и антропонимы, связанные с моментом завоевания монголами территорий Средней Азии, Поволжья и Северного Кавказа, населенных тюрками. Само собой разумеется, что в параграфах, описывающих эти события, мы встретим тюркские названия рек: Идил - Волга (< тюрк. Итил, Идел), Эрдиши - Иртыш; городов: Урунгечи - Ургенч, Отарар - Страр, Бухар - Бухара; названия тюркских народов и племен: карту'ут - карлуки, кандан - канглы, кибча'уд - кипчаки, Балхитид - башкиры, уйгуд - уйгуры; имена людей: Джамал эл-дин, Мелик; титулы: солтан, сек, идикут и т.п.

Для монголистики же главное влияние тюркизма, вошедшего в ткань монгольского языка, атактированное в нем и бытовавшее уже на правах собственно монгольских элементов языка. Большой материал в этом аспекте могут представить, например, личные имена монголов той эпохи. Так, в ближайшем окружении Чингисхана были монголы с именами: Стчинин-ноян, Бельгутаи, Кудлик, Алакуш-Дитигури, Кудус-Калчак. Эти антропонимы или их составные компоненты явно тюркского происхождения. Стчинин, например, состоит из тюркских слов от "огонь, очаг, костер" и тигин, тегин "принц", закономерно датнее на монгольской языковой почве фонетический рефлекс чигин, т.е. в оригинале было от тигин - младший принц, наследник отцовского очага. Слово тигин, тегин было обычным компонентом имен древнетюркских из правящего каганского дома. Ср. например, древнетюркские имена Алп-тегин, Киль-тегин, Кюльтегин, Марух-тегин. Монгольское имя Бальгутаи содержит тюркское слово бөлгү "знак,

имени, признает" и является канвкой с древнетюркского бейлика "приметный, заметный". Имя Алундук тоже бесспорно тюркского происхождения. Только пока не совсем ясно, какими был тюркский его прототип. То ли оно происходит от древнетюркского алун, "отрадание, горе, тягота, нужда, забота", если учитывать форму этого имени, зафиксированную в "Золотенном сказании", то ли, как считает Бидонгден и Ардажан в своем расходе, это имя имеет вариант Алунтик и восходит к тюркскому слову алун "родична, родичье пятно", означая "заметный, родичье пятно". В то же время можно предположить и монгольскую адаптацию древнетюркского имени: "радостный, веселый, изысканный, радость" (др.-тюр. алун "веселье, радость; счастье") или алун: "радость: счастье". Далее, имя Алакуш-Далиткур содержит компонент Алакуш, который является вне всякого сомнения тюркским словосочетанием ала куш, означением "пегая лошадь". Слово куш помимо значения "лошадь" имеет еще в древнетюркском языке семантику "лошадь сохон" и часто встречается в составе древнетюркского личного имен типа Абра-Куш. Монгольское имя Алакуш-Далиткур имеет 1-й элемент Алдуз, восходящий по происхождению к древнетюркскому алдуз "золотой", которое встречается в составе древнетюркского личного имен, ср. алдуз, древнее тюркское имя Алдуз-Дунду (др.-тюр. "сундук Алдуз").

Но более всего тюркские элементы наблюдаются в составе личных имен у налманов и керентов, историю, состав и большее влияние древнетюркской культуры, особенно через религию. Даже есть мнение некоторых историков, что это тюркские племена. В "Золотенном сказании" зафиксированы, например, такие личные имена налманов и керентов, как Алдуш-Алдук (из др.-тюрк. алдуш алдук "золотая лодыжка" или др.-тюрк.

алтун-ашук "золотой шлем"), Кучулук-хан (из др.-тюрк. ичючлук "сильный, могущественный"), Йеди-Туб-лук (из др.-тюрк. Йеди тузлук "семизнаменный"). Ина-ча-Билге-кан (из др.-тюрк. Ынанчу билге кан. ср. др.-тюрк. имена: Билге-каган, Кыл билге хан, Ынанчу билге, Ынанчу чур; здесь ынанчу < др.-тюрк. ынанч "вера, доверие; доверенный", употребляется и как титул; восходит к др.-тюрк. ынан = "верить, доверять"; билге - это др.-тюрк. билге "мудрый" < др.-тюрк. бил = "знать; уметь"), Сангум (из др.-тюрк. санун - воинский титул), Элькутур (здесь два древнетюркских слова: эль и кутур, при этом эль "племенной союз, народ" часто встречается в составе древнетюркских личных имен, ср. напр., Эль Буга, Эль Талар, Эль Тур, а кутур является фонетическим вариантом др.-тюрк. кутуз и тоже означает "буйный, бешеный"), Гучугудун-Буйрук-кан, Буйрук-кан, Курчанус-Буйрук-кан (здесь копонен Буйрук восходит к др.-тюрк. буйрук, буйрук: "приказный", употребляющегося также и как титул, название должности, < др.-тюрк. буйрук = "приказывать") и др.

Таким образом, исторический и этимологический анализ монгольских личных имен, зафиксированных в тексте "Сокровенного сказания", представляет большой научный интерес и могли бы составить тему самостоятельного монографического исследования.

Далее, Для сравнительно-исторической монголистики не менее интересен и важен факт наличия в языке памятника слов общемонгольского характера, имеющих параллели в тюркских языках и являющихся в то же время общетюркскими. Слова этого типа обычно представляют собой объект исследования алтаистов. Таких слов в тексте "Сокровенного сказания" встречается множество, во всяком случае нами выявлено свыше 6

сотен. Сюда можно отнести, например, такие слова, как арча "туя, кипарис" (ср. тюрк. артыч, артуз "можжевельник"), арганлык, арганлык "пеньковая веревка, аркан" (ср. тюрк. аркан), ингирчак "однорядное седло" (ср. тюрк. ингыр, ингырчак "вытяжное седло"), омору "верхняя часть груди" (ср. тюрк. омуз то же), кагун "ханша" (ср. тюрк. кагун то же), кадара "харито" (ср. сибирское тюркское кадыра то же), карган, карагана "густая трава" (ср. тюрк. караган "степная акация, карагана"), кана "кровооточка" (ср. тюрк. кана = "кровооточить" от тюрк. кан "кровь"), бою "опляч" (ср. тюрк. беге "герой, опляч"), сал "плот" (ср. тюрк. сал то же), гасла "заяц" (ср. тюрк. гасла то же), дюрюк "направляться; указывать, утверждать, присутствовать" (ср. тюрк. дюрю = "идти, ходить, передвигаться") и т.п. При этом исследования алтаистов в последнее время убедительно показали, что многие из подобных слов являются заимствованиями из древних тюркских языков, как например, кырк "счастливый дух" из тюрк. кырк "счастье", "душа, изменчивая сила, дух", кырма "подвостники" из тюрк. кырма "хвост", кана "кровооточить" из тюрк. кан "кровь" и т.п.

Следует отметить, что в ряде случаев такие общемонгольские тюрцизмы в "Сокровенном сказании" еще сохраняют значения более близкие к оригиналу, чем современное монгольское языки. Ср., например, общемонг. зату "некоторые" - в "Оскр. сказ." зату "половина" из тюрк. дарты "половина" из тюрк. дарт = "разделять, раскалывать"; общемонг. инаг, инаг "любимый; любимый" - в "Оскр. сказ." инаг "верный", что хорошо объясняется тюркскими ина =, инан = "верить, доверять инану "вера, доверие".

Наличие подобных общемонгольских слов в языке "Сокровенного сказания монголов" свидетельствует,

что эти слова, вошедшие уже в словарь монголь-
ского языка XII в., оставшиеся строго функциональными и
неизменными для общего разговорного языка монголов
эпохи, адаптированы монгольским языком со своего ве-
зова до "Кровавленного знамения", и мы смело можем
предполагать их наличие в монгольском языке уже в
XIII тысячелетии н.э., в эпоху, когда в степях Цент-
ральной Азии властвовали кочевники.

Обратим только-ко внимание, а также беремки "Кро-
вавленного знамения" поведи, выявить в языке этого
эпохи, эпохи XIII, множество лингвистических слов,
которые принадлежат к "Кровавленному знамению".
Словно "Кровавленное знамение" (1938) на с. 103-104

Словно "Кровавленное знамение" (1938) на с. 103-104

Словно "Кровавленное знамение" (1938) на с. 103-104

Словно "Кровавленное знамение" (1938) на с. 103-104

Словно "Кровавленное знамение" (1938) на с. 103-104

Словно "Кровавленное знамение" (1938) на с. 103-104

алгичи/и/ "передовой дозор, дозорники, сообра-
батах, проводники, головной пикет" (§ 37, 38, 123,
373, 381) тюрк. ал. "I) перед. передняя часть;
2) лоб". О связи монг. алгичи с тюрк. ал см. у
Зевортиана (том I) на с. 124;

алачик "палатка, шатер, шалам" (§ 116: ...ату-
ция бидан-о алачук-а гуртуган! "...для табунщиков
наших шалам готов!") ; тюрк., ор. др.-тюрк. алачу
"шатер", в других тюркских языках представлены
формы алажик, алачик, алачу "шалам, шатер; лачуга,
долышко, хижина". Об этом тюркском слове см. Зевор-

ртян (т. I) с. 130-132;

оурчак, оурчак "разбойник, вор" (§ 156, 200, 214) < тюрк., ср. др.-тюрк. оғры "вор, грабитель", оғурла = "воровать, грабить", в других тюркских языках оғры, оғру, оғур, уғру, уғру, уғры "вор; разбойник";

олук йасун "мертвые кости" (§ 201) < др.-тюрк. олук "мертвый" < др.-тюрк. ол = "умирать";

орок шинкула - белый с черной спиной конь (§ 24, 206) имеет компонент орок, который можно возвести к др.-тюрк. ору "дорога, путь", в современных тюркских языках слово ору "дорога" имеет, как и лексема йол, еще значение "полоса" (обычно темная на светлом фоне). Таким образом тюркизм хорошо объясняет значение выражения орок шинкула как "белый конь с черной полосой на спине";

утураму "идти впереди всех" (§ 123) < др.-тюрк. уту, уту, утра "напротив, навстречу", ср. др.-тюрк. утура, утура = "противиться, противодействовать";

учдана - название типа стрелы (§ 174, 200) может быть < тюрк. уч = "летать";

нарки "дворец" (§ 207: ноууку нарки "походный дворец") < др.-тюрк. нарки "дворец";

лабастан оқи "прекрасные девицы" (§ 141) < тюрк. ср. тув. казе "нарядный", как. хосс "рисунки, узор", чум.-тюрк. хосс, кхас "красивый", той. кааз "рисунки, узор; украшение";

коч "жилище, дом" (§ 169), кочилик "палатка, запасная юрта" (§ 245) < тюрк., ср. кирг. коч "запасная юрта; кочевой лагерь", туркм. коч "полевой стан", чагат. коч "кочевой лагерь", др.-тюрк. коч "запасной"; из современных монгольских языков это слово представлено только в калмыцком языке, где коч означает "временная оренка; полевой стан";

табор", а также "вторая юрта (при главной)". Калмыцкое хон с тюркскими лексемами сравнивал Г. Н. Рамогедт⁹;

терме "праздничным шатер" (§ 134) < тюрк., ср. башк. терме, ног. терме узй, тув. терба эг "войлочная юрта", кирг., каз. терме, узб. терма "сборный". В основе этих тюркских слов лежит тюрк. тер- "собирать". Калмыцкий термин теми "стенная решетка кибитки" < тюрк. (об этом см. Рамогедт, с. 393 б);

мон. "огорчение" (§ 90) < др.-тюрк. ми "страдание, горе, тягота, нужда, забота";

чака "дитя" (§ 68) < тюрк., ср. тур. чака, башк. сага, тат. чага, кирг. чака, каз. шага "ребенок"; ср. х.-монг. чак "младенец".

Следует отметить, что Зильдонгдой и Ардажаб из рассмотренных выше нами 15 слов только 6 (алачук, хон, олук, мон, терме, чака) считают тюркскими по происхождению, остальные 9 имеют иное толкование, с которым можно спорить. Но это тема отдельная. Для нас же важно установление самого факта наличия в языке "Укровенного сказания монголов" специфичных слов тюркского происхождения. Количественная же сторона — это вопрос дальнейших изысканий на эту тему. Было бы весьма важным продолжить выявление тюркизмов в языке данного памятника как и вообще все-стороннее исследование его лексики.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. См.: Eldangdei, Ardajab. *mongyol-un niyasa tobciyan.* - *Seyiregüül tayilburi.* Kokeqota, 1986, - с. 130.
2. См.: Севортян Э. В. *Этимологический словарь тюркских языков.* Т. I. М., 1974.

Ц. Саранцацрал

К ВОПРОСУ О РЕЧЕВОМ АКТЕ ПОВУДИНЕНН, ЕГО ТИПАХ И СПОСОБАХ ИХ ВЪРАЛЕНН (НА ПРИМЕРЕ МОНГОЛЬСКОГО ИМПЕРАТИВНОГО ФОРМА, СОВПАДАЮЩЕГО С ТРИГОЛЬНОГО ОСНОВОГО)

В настоящее время описание речевых актов вообще и побудительных речевых актов в частности вызывают теоретический и практический интерес. В современном монгольском языке в рамках традиционной классификации предложений по цели высказывания выделялись побудительные (побудительно-желательные-зажирал, х-сах огуулбар) предложения, как отдельный коммуникативный тип.

(Цэрэнжав:) - Манд аа! гэр үстэй дээлийг гаргаж ег гев. (Д.Нацагдорж. Би бий)

Бекзее баян:-Заруул ~~///~~ минь нутаг орондоо очвол манайд заавал очоорой! гев. (О.Цэндсүрэн. Халуун салхи)

- Та тийшээ хараач! гэж Ганзориг ээлжйнхээ гаргаас чангаав. (Л.Чойжилсүрэн. Нартай бороо)

Энх тайвн тегее тэмцэгтчи!

Далее побудительные предложения разделялись на разные типы уже не по цели высказывания, а по формальному признаку, а именно: по структурным особенностям и прежде всего по форме сказуемого. Исследователи этого направления не ставили своей целью описание различных видов побуждения.

В 60-е и 70-е годы в западной (англоязычной) лингвистике начала развиваться теория речевых актов,

объектом которой были прагматические типы высказывания [2, 4]. Согласно классификации речевых актов выделяется не только побудительные предложения, но и такие, как приказ, просьба, совет и т.д., т.е. виды побудительных речевых актов [2].

Теория речевых актов сознательно ориентирована на прагматику, учитывает ситуации, в которых используются предложения. На основе теории речевых актов может быть построена дифференциация побудительных высказываний по одному коммуникативному принципу.

Что касается монгольского языка, то специальных исследований, посвященных императивным формам, типам побудительных предложений, пока очень мало. В связи с этим появляется необходимость выявить и исследовать средства выражения побуждения во всех их совокупности и описать побудительные предложения с учетом прагматики, эксплицитоваз принципы выделения отдельных видов побуждения.

В рамках теории прагматического синтаксиса побуждение понимает как волеизъявление говорящего, направленное на то, чтобы склонить собеседника к действию. "Объектом исследования в теории речевых актов является акт речи, состоящей в произнесении говорящим предложения в ситуации непосредственного общения со слушающим" [4:11].

Побуждение – это такой тип речевого акта, при котором выражается воля говорящего, обращенная к собеседнику; говорящий предлагает собеседнику совершить или не совершать предлагаемое действие. Речевой акт побуждения предполагает двух участников: 1) тот, кто побуждает к действию, т.е. говорящий (Г), 2) тот, кто побуждается к действию, т.е. адресат речи (А).

Императивные формы обозначают действие, к которому говорящий побуждает адресата.

С точки зрения исполнителя действия различаются следующие три вида побуждения:

1) побуждение 2-го лица, где Г непосредственно побуждает А к совершению действия, т.е. исполнителем действия является А, собеседник;

2) побуждение к совместному действию, где в совершении действия участвует сам говорящий (кроме А), т.е. исполнителем действия является Г и его собеседник А;

3) побуждение 3-го лица, где исполнителем действия является лицо, которое не участвует в речевом акте.

Побуждение 3-го лица выражается императивными формами 2-го лица:

1) нулевой формой, т.е. формой, совпадающей с глагольной основой (Унх). 2) формой на-аарай (Уншаарай), 3) формой на-аан (Уншаан), 4) формой на-агун (Уншигун!).

В настоящей статье проанализируем на примере употребления императивной формы, совпадающей с глагольной основой типа Унх. Мв. Унт. В современном монгольском языке данная форма является одним из основных средств выражения побуждения.

В монголоведческой литературе об императивной форме, совпадающей с глагольной основой, часто пишут, что она выражает категорическое принуждение.

Такая ли на самом деле?

1. (Олутнууда!)

- Тагаа гараад анги аншарга мале! гэм
нэг багш чангаан нөгөө. (Н.Банзрагч. 40-
сэтгэл оны навад)

В первом случае интуитивная носителя языка безошибочно определит, что они выражают различные виды побуждения: приказ (2,3), распоряжение (1), мольбу (4), просьбу (5), предложение (6).

Как определить тот или иной вид побуждения, опираясь не на интонацию, а на системный анализ ситуации, отраженный в побудительных предложениях?

В 1-м предложении Г — преподаватель, А — студенты, общение между Г и А происходит в официальной форме, Г дает распоряжение, чтобы студенты выстроились.

Во втором предложении Г — дочь богатого барона, А — их служанка, общение происходит в неофициальной форме, Г приказывает, чтобы А провела гостей в гостиную комнату.

В третьем высказывании Г — генерал Магсаржав приказывает солдатам.

Таким образом в предложении (1-3) Г — по социальному статусу выше А, поэтому обладает определенными полномочиями приказывать, распоряжаться, в силу этого А обязан слушаться Г. В данном случае существенным оказывается официальное положение Г.

В 4-м предложении Г хочет вызвать у А ответственность, жалость к себе и употребляет глагол ершое. Личный внутренний мотив заставляет Г обратиться с мольбой. Г в высокой степени заинтересован в исполнении данного действия и этот мотив будет существенным.

В 5-м предложении Г заинтересован в том, чтобы Цэрмаа вышла замуж за него.

В 6-м предложении Г предлагает А кушать мясо, считает целесообразным исполнение данного действия. В данном случае не существенны общественное положение Г, возрастное различие Г и А, степень знакомства.

Значит определяющими для различения видов побуждения оказываются социальные факторы:

- 1) обстановка общения (официальная и неофициальная)
- 2) общественное положение Г
- 3) различие по возрасту
- 4) степень знакомства
- 5) отношение Г к выполнению/невыполнению действия.
- 6) представление Г о том, в чьих интересах / его или А) совершается действие, к которому побуждают.

Помимо этого одни семантические группы глаголов могут выражать различные виды побуждения, другие — только определенное вид. Фразы употреблению глаголов *ершео*, *набрага-*, *ушиш-*. В глаголах *ершео-*, *набрага-* — лексическое сходство и значение императива совместны.

Однако — *Ашшит набрага!*

Ушиш/ушиш эш — *Эшш —*, эш. *ушиш эш!* *Ушиш-рас ушшиш, эшэрашш/.. ушшишгаа эршео!* (Н.А.Савицкая, *Колор тал*) могут выражать только оценочный вид побуждения, а именно просьбу, а не категорический вид побуждения, например, приказ. В данном случае невозможность различения приказа глаголами *ершео-*, *набрага-* определяется уже их лексической семантикой.

Между тем *Ашш* способен выражать и приказ, и просьбу, и совет. Таким образом, семантика данного глагола позволяет использовать его для выражения различных видов побуждения.

Приведенные выше примеры показывают, что даже при совместности лексического значения глагола и общего значения императивной формы определенное груп-

меди с частным значением побуждения.

Итак, для выражения того или иного вида побуждения может играть определенную роль семантика глагола.

Так, например, глаголы конкретно-физического действия, движения, некоторые глаголы рече-мыслительного действия, могут употребляться для выражения категорического, нейтрального и смягченного видов побуждения. Глаголы же эмоционального действия не могут быть употреблены для выражения категорического вида побуждения.

Итак, из вышесказанного можно сделать следующие выводы:

1. Императивная форма, обладающая с глагольной основой, способна выражать не только категорический вид, но и смягченный и нейтральный виды побуждения.

2. Выделение того или иного вида побуждения связано с социальными факторами — отношениями между говорящим и адресатом.

3. В различении видов побуждения определенную роль может играть лексическое значение глагола.

— Семантическая классификация глаголов взята у В.А.Музьменкова. Э:70-130.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Бямбасан Н. Орчин цагийн монгол хэлний /ил Угчин хэв, бацдал. В кн.: Хэл зохмолин судлал. УБ, 1970, т. 8, № 1-12, с. 201-301.
2. Велбицка А. Речевые акты. В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985, т. 16, с. 251-276.

3. Касьяненко З.К. Современный монгольский язык. Л., 1968, с. 37-40.
4. Кобозева И.М. Вступительная статья. "Теория речевых актов" как один из вариантов теории речевой деятельности. В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986, т. 17, с. 7-22.
5. Кузьменков В.А. Глагол в монгольском языке. М., 1984, с. 23-30, с. 70-130.
6. Лувсанвандан Ш. Монгол хэлнийг/ин сурах бичиг. Тэргүүн дэвтэр. УВ., 1956.
7. Мунгит Л. Орчин Уеийн монгол бичгийн хэлний дацлагин з/й. УВ., 1978, с. 132-141.
8. Орчин цагийн монгол хэл з/н. УВ., 1986.
9. Сагдеев Г.Д. Современный монгольский язык. М., 1959.

Э.Саргала

В ЗАКЛЮЧЕНИИ К "СОВРЕМЕННОМУ МОНГОЛЬСКОМУ"

В "Сокровенном сказании монголов" (далее ССМ) нередко основы собственных имен людей, совпадают с их родоплеменными названиями, или этнонимами. Например:

Этноним	Имя собственное	
1. adarkin 46 §	adarkicai 46 §	/Адарки-дай/
2. ba'arin 41 §	ba'aricai 41 §	/Баарь-дай, Варь-дай/
3. borjigin 42 §	borjigicai 3 §	/Боржингидай/
4. eljigin	eljigedai 229 §	/Элжигедай/

5. jairan 40 §	tadaradai 40 §	/Жайрдай/
6. moyakin 46 §	noyagidai 46 §	/Ноёгидай/
7. belgunut 42 §	belgūnutei 10§	/Бэлгүнүтэй/
8. besut 47§	Besūtei 47§	/Бэсүдэй/
9. buḡinut 42§	Buḡinutei 42§ 10§	/Бүгүнүтэй/
10. uru'ut 46§	uru'udai 46§	/Уруудай/
11. Jewireyit 44§	Jewuredei 45§	/Жаурьдэй/
12. Jarci'ut 38§	Jarci'udai 97§	/Жарчигудай/
13. Jarcoet 247§	Jir'cedei 130§	/Жарчидэй/
14. manghut 46§	manghutai 45§	/Мангуудай/
15. Layici'ut 47§	Layici'utai 148§	/Тайчигудай/
16. Tarnut 120§	Tarnutai 149§ 73§	/Таргудай/
17. barulas 46§	Barulatai 45§	/Баруладай/
18. Barqujan toghim 3§	Barqujai mergen 2§	/Баргудай мэр- ген/
19. Qori tamed 8§	Qorilartai mer- gen 3§	/Баргужин гуа/ /Корилярдай/
20. Mongiol	mongioljin co'a 3§	/Монголжин гуа/
21. ai'ur 177§	ai'urtai 279§	/Айгуртай/

Из сопоставления этих двух фактов возникает ряд интересных вопросов, в частности: В какой связи находятся между собой этнонимы и собственные имена? Происходят ли родоплеменные названия от личных имен, или же, наоборот, этноним служит основой для образования имен собственных? В связи с этим обратимся к тексту палатника I): "...гүнийг барьж авсан элийн хөвүүн хэмээн Баарьдай гэж нэрийдэв. Бааринн овог төр болов" (§ 41) "Его, как сына пленницы, прозвали Баарьдай, Так он стал предком рода Баарин. Бэлгунутэй Бэлгунуц овогтон болов. Бугунутэй бугунуд овогтон болов. Бука Катаги хатарин овогтон болов. Бухату самжи Салгид овогтон болов. Бодонч боржигин овогтон болов" (§ 42).

'Бельгунотай стал родоначальником: Бельгун, Бугунотай стал родоначальником племени Бугунот. Бугу=Хатаги стал родоначальником племени Хатаги. Бугуду=Салчжи стал родоначальником племен Салджит. Бодончар стал родоначальником поколения Борчингин'. "Нер нь Бесудей гена, Бесуд овогтон болов" (§ 47). 'Потома Чараха Лнху звали Бесутай. От ^{всего} идет род Бесут'.

Судя по этим данным, получается, что собственное имя человека в то время служило в качестве наименования соответствующего рода или племени. Основываясь на этих данных, исследователи полагают, что монгольские этнонимы происходят от имен родоначальников того или иного племени. Вот что пишет по этому поводу Ч. Содном: "Иные имена родней и предводителей, выделявшиеся своими деяниями из среды древних монгольских родов, постепенно становились названием всего рода и тем самым создавали почву для возникновения этнонимов, что можно видеть не только из "Золотого сказания", но и древнекитайских летописков (2, 30).

Достаточно серьезно проанализировав текст ССМ, мы решаемся высказать другое мнение. На наш взгляд, в ССМ личные имена родоначальников племен служили не столько названиями последних, сколько в большей мере указывали на то, какого племени он предводитель и какого рода он по происхождению, что тогда было весьма важным. Если придерживаться такого понимания, то упомянутые в ССМ имена Хорилардан марген, Баргузин гуа, Баргудан марген не являются личико-собственными именами, а каждое из них соответственно выражает идею того, что Хорилардан марген и Баргудан марген суть владетели племени хори-туматов и баргузин-тумут, и что Баргузин гуа — женщина родом из племени

смыслу соответствуют генетивные формы: баяудин 'Баяудский', Урианхайн 'Урианхайский', Хатагини 'Хатагинский', Малайрин 'Малайрский'.

Наше предположение о том, что по названию рода именуется его влады или какой-нибудь его членов, можно аргументировать и фактами грамматическими. С точки зрения морфологии, все приведенные выше имена образованы путем присоединения к основе суффикса =дай, =дей, о чем неоднократно писал учение, занимавшееся изучением личных имен в СССР. Так, Н.Пониевский считает, что имя Эмигидей (§ 275) образовалось в результате присоединения монгольского слогу кэлиг суф. =дай, а имя Зурчидей — путем присоединения к родовому имени Зурчид суф. =дай (6, 162). По мнению А.Бале, имена Белгунутей и Бугунутей (§ 10) образованы от тюркских основ белгу= 'знак, признак' и буту= 'здирый' с помощью суф. =нутае (7, 102). Имя Баргуда Ч.Зодном так рассматривает как образованное на основе суф. =дай (8, 40). А.Исторский пишет: "Боржигидей, присоединяясь к родовому названию, особенно тюркское, использовался имя владения или в значении рода, обозначения имени его влады" (9, 30).

Однако эти объяснения и выводы как представляются несколько поверхностными. Прежде всего мы полагаем, что суф. =дай, =дей, квазииндоевропейским большинством ученых как единички, на самом деле не является таковой. Элементы =д и =ай, =ей — это две разные морфемы с двумя различными функциями. В частности, =д выступает как суффикс, выражающий монгольским языком значение множественности и отношения влады к тому или иному роду. Таким образом, с родовым названием боржигин и баарин образовались слова боржигид и баарид со значением "влады рода боржигин и баарин".

Следует отметить, что в некоторых случаях морфема =д настолько тесно слилась с основой родового названия (ор., например: бэсуд, урууд, жаргуд, мангууд, тайчууд, мэргэч, таргуд и др.), что утрачивает свою выделенность в составе этнонима. В этой связи хотелось бы напомнить о том, что ученые едины в своем мнении с предками монгольских народностей дэрвэд и алгид от слов дэрвэд 'четыре' и алгид 'тысяча'.

Морфема =ай, =эй в составе суф. =дай, =дэй является в монгольском языке не чем иным, как суф. род. падежа. Поэтому приведенные в начале нашей статьи имена гина Бааридай (41), Боржигидай (3), Бэсудай (47), Болгундэй (10), Уруудай (46) и др. не являются полными собственными именами, которыми нарекали тех или иных людей. Они представляют собой слова со значением принадлежности их носителей к определенному роду, т.е. бааридин суру баарин овгийн 'Бааридайский', или из рода баарин', боржигидин буру боржигин овгийн 'Боржигидайский', или из рода боржигин', бэсудин буру бэсуд овгийн 'Бэсудский', или из рода бэсуд'. Таким образом, они служат в качестве фамилий (signale), указывающих на принадлежность отдельного человека в какому-либо роду или племени. Структурная модель таких фамилий выглядит

В словесном ряду эту модель можно представить следующим образом: баарин → баарид → Бааридай; боржигин → боржигид → Боржигидай; зурчин → зурчид → Зурчидай; элжигин → элжигид → Элжигидай; жалайр → жалайрд → Жалайрдай; бэсуд →

Басудэй; тайчиуд --> Тайчиудай, Балгунуд --> Балгунутай и т.п.

Изложенные выше соображения дают возможность считать, что фамилии у монголов начали входить в употребление в VIII-IX вв. Кстати отметим, что система фамилий в странах Западной Европы стала складываться, как это установлено учеными, в XI-XVI вв., в России - в XVI-XIX вв., в Японии - в XIX в., в Турции, Иране, Египте и Тунисе фамилии появились в первой половине XI в.

Среди упоминаемых в ССМ личных имен немало и таких, как Борондой, Каралдай, Кех, Доголдой, Доголху, Их нидэн, Их нирэн, Меч бидэн, Махт, Оготор, Сохор, Худас халзан и др., - характеризующих человека по внешним признакам: особенностям цвета его лица и тела, а также по другим физическим признакам (например, толстой, хромой, слепой, голубоглазый, низкорослый и т.д.). Кроме того, что эти и другие особенности личных имен, встречающихся в ССМ, не принимались во внимание, то появились разного рода переводческие ошибки. Запримечание не надо ходить не надо. Обратимся к оригиналу и его переводу на современный монгольский язык: *Burcasaišam-abo ugīyаngдай гү'ин Јарси'ацай ерден ил' ирге-вен йрса Јама леретд кс'ин-йрса ибаритса ирежу Јарси'ацай угйлерин...* (§ 97). *Бурхан халдунаас Урианхайн Тарчиудай енгэн хөөрдөө Тарч Батхе хөрв хөвчнээ дагуулж ирээд егнээрэн...* I, 47).

"дауулае-ин ноуан Таргута-и-карилта; ноилажу вьдхт-үй естд гү'ин бусе'е ке'ен шорилан ди'а сидаюу таргутау-үй барижу тергентур ану'айжа... (§ 149). *Тайчуудан ноён Таргудай Уирилсугтуйн сийд хөргөхөн өм-оли барнад, тэр морь унаа үл чадах тэргэн туй тар-*

гэнд суулт-аг явмак... (I, 130). "basa Siingis
 галан гонигейи мнан-а гүлгерин... дэ'ли-ин мину ага
 ари сай ја. арга гониге-йен тари'длефт Јоси-ула
 того түйен-и ноула болтагаи ке'ен јарлиг болба (§110).
 бас аинга: маан Гонигейи мунанд ег-илерин... кев-и-
 шийн гинь ах мнан гна. мунан гонигеэ овогтноо тэр-
 галан замри, шинэ кев.ин мунин дор ах мнан ноэм
 гонигеэ. — гонигеэ гонигеэ (I, 130).

В приведенных выше предложениях слово Таргудал
 не есть личное имя, оно лишь означает, что старик, о
 котором идет речь, родом из Таргуду. Далее, упомина-
 ют Таргудал-Куржугут и Гонигейи. Мунан не является
 лично-собственным именем ответственности. Здесь Таргу-
 дай и Гонигейи выступают как фамилии, поэтому их
 правильнее было бы перевести на современный монго-
 лский язык Таргудай Куржугут, Гонигейин Мунан.

В § 130 361 говорится о роде Таргуду: basa тар-
 гуд-ин маан'ан байлагь дэ-нар де'нер тавул гониге
 гинь ах агага. Упоминаемый в данном предложении
 род таргуд д. Дамдинсурен передает в виде наркам:
 Наркам аймги/Халаан, Дадурхан ах д'г тавуул...
 (I, 65). Далее, этот образ "де'идей мунан гна иребе"
 (§ 130) д. Дамдинсурен переводит как Кэудэйи Цагаан
 гна ирээ (I, 65), но Д. Цэрэнсодном это же предложе-
 ние осмысливает по-другому и переводит Кэудэй, Ца-
 гаан Ува ирээ (5, 147), т.е. в его понимании вместо
 одного, явились два человека. Точно такое же раскол-
 дение имеет место при переводе образ: 'suld'is-ese
 silgitei Таки Таууици алаи ага-нар деа-нер иребе
 (130). В переводе Д. Дамдинсурена она предстает в
 следующем виде: Сүлдүс аймгаас Чилэгитэй, Тахи,
 Тайчуудай ах д'г нар ирээ (I, 65), а в переводе Д. Цэ-
 рэнсоднома: Сулдүсээс Чилэгитэй, Тахи, Тайчуудай ах
 д'г нар ирээ (5, 147). Здесь оба ученых слово Тай-

чиудай приняты, видимо, за личное имя. По-нашему мнению, указанную выше фразу было бы вернее переводить на современный монгольский язык Сүлдүсээс Чилгүтэй, Тахи, Тайчууд дүү нар ирэв. Вероятно, одной из причин, вызывающих такую путаницу, является то, что в XII в. внутри некоторых крупных племен могло быть несколько родов. В частности, только пренебрежение тем фактом, что среди урианхайского племени был род Марчуд, а среди тайчуудского племени – род Таргуд, объясняется появление таких составных имен, как Урианхайн Марчудай эгэн, Тайчуудын Таргудай Хиритут. Если бы ученые обратили должное внимание на смысл фразы: *Бодонсар агинци да'улъя дамда ке'елитэй эме-үй барија уагжин ко'йн си ке'ен наса г бэ. Тере эме агилерин Јарци'уд аданган уриангајин эи ке'эвэ (§ 38).* 'Иде в авангарде, зовутки Бодонсар в половину беременную женщину. "Кто ты такая?" – спросил он. "Я из племени Чхарчут, по имени Адагман=Урианхайин", – ответила она", – то стало бы понятно, что Марчуды находились в родстве с Урианхайцами.

Можно было бы привести гораздо больше примеров смещения родоплеменных названий в лично=собственные имена, но ограничимся приведенными.

Излагая свою точку зрения, мы не отрицаем наличие в ССМ имяобразующего суф. =дай, =дой и созданных с его помощью личных имен. Таковы, например: Боролдой, Доролдой, Долоодой, Зург эман, Эгээден, Сүбээдай, Наралдай и т.д. В заключение можно сделать следующие выводы.

1. Изучение антропологии ССМ помогает правильно уяснить вопрос о именах и фамилиях действующих лиц, установить связи и отношения между их обладателями,

объективнее оценить события, о которых повествуется в данном произведении.

2. У монголов в VII-IX вв., особенно среди потомственных князей, использовались фамилии. Они, как и фамилии современных европейцев, американцев и русских, выполняли в обществе главную дифференцирующую функцию. Фамилии, употреблявшиеся в монгольской антропонимической системе последнего времени, утратив основную функцию дифференциации людей, как это было соответственно в эпоху СССР, стали выполнять специфическую функцию различения имени собственных. Это можно видеть на примере таких поэтик антропонимических моделей, как Кагагин Цонгийн Дамдинсүрэн, Боржинги Намзоржийн Нацагдорж и им подобных.

3. При переводе СМ на иностранные языки и переложении его на современный монгольский язык необходимо уделять внимание не только семантике текста оригинала, но и антропонимам, топонимам и вообще всем видам собственных имен. При этом следует руководствоваться конкретными исследовательскими принципами. Как известно, фамилии появляются в феодальном обществе и обусловлены закономерностями его социального развития. При тщательном изучении их могут обнаружиться явления, существенно для решения проблемы возникновения феодализма в Монголии.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Ч. Дамдинсүрэн. Монголын нууц товчоо. II -р хэвмэл. УБ., 1976.
2. Ч. Содном. Монгол хүний нэрийн тухал // Монголын судлаачдын зарим асуудал. УБ., 1964.
3. Д. Гонгор. Халь товчоон. II-р дэвтэр. УБ., 1978.

4. Histoire secrete des Mongols. par Louis Ligeti. Ba dapest. 1971.
5. Д.Цэрэнсодном. Монголын нууц товчоо// "Цог" сэтгүүл, 1990, № I.
6. Forpe N. On Some Proper Names in the Secret history. Ural - Altaische Jahrbücher. Band 47. Otto Harrasowitz-Wiesbaden. 197 pp. 161
7. Bese L. Some Turkic Personal Names in the Secret History of the Mongols. -AOrh. t.XXXII. 1978. pp. 353-359.
8. М.Төмөрцэцэг. Монгол хэлний үгсийн сангийн судлал. УБ., 1974.

А.Цолоо

О НЕКОТОРЫХ НАЗВАНИЯХ МОНГОЛЬСКОЙ ОДЕЖДЫ

У монголов богатая традиция национальной одежды, приспособленной к природным условиям, возрасту, полу носителей, роду их занятий. Она очень разнообразна и самобытна, с богатым набором различных украшений. Названия материальных принадлежностей одежды, применяемых монголами в течение веков, составляют определенный лексикон монгольского языка и продолжают активно употребляться и по сей день. Они представляют собой исконные монгольские слова и произносятся в различных диалектах по всему. Эти названия довольно часто встречаются в фольклорных жанрах, а также в письменной литературе. Произношение названий отдельных предметов одежды претерпевало изменения, обусловленные фонетическими и грамматическими процессами, происшедшими в определенных диалектах и говорах в общем потоке эволюции-

онного развития монгольского языка. Но при этом их значения, обозначающие сами предметы, остались неизменными. Например: дэбэл-дэтэл-дээл-дээл; хувцау-хувцас-хувчун-хувшо-хувшад-хувшоо-хувсапан-хувсуу и т.д. Хотя эти два слова произносятся различно в калхаском, бурятском, ойратском и внутренне-монгольских диалектах, их значения остались теми

Можно выделить различные классы монгольской одежды: повседневную и праздничную, мужскую, женскую и детскую и т.д. В словарях монгольского языка зафиксированы многочисленные названия одежды. Так, в пятиязычном словаре монгольского языка /далее-СМД/ обнаруживаем более ста таких названий. Некоторые из них в монгольских диалектах подверглись фонетическому изменению, а в отдельных диалектах заменены другими словами. В качестве примера рассмотрим слово: qubcasun-хувсаун.

Понятие одежды в монгольском языке обозначается словом qubcasun-хувсаун. В памятниках монгольского письменного языка и в материалах живой монгольской речи прослеживается изменение фонетико-морфологического облика этого слова вплоть до сокращения целых слогов: qubcasun-qubcasu-qubcasn (1), qubca (2, 445), Хал: хувтас (Mn. el), yubtsas (Go. L. Ba) 'ubtsas (r1), хубдаса (30. Dz., T., Ba., O., U), хуцсан (80. Do., T., U., Ba., Kho), хубсаун (30. Dz., M) (37, 456) хубтсун (30. Do, Dz., U) к. II4, 3. хуцтса хуцтсан, хуцташ, хуцтса к. 197. Халь. хувци. 606, То. хубсаун, хубсад, хубси, хубсу, Бур. хубсана (n) (khori, aga, funk., san), хубтсасо (tson), хубсану (bar), Qqubts'asu-qub ts'as 4. 3Ю (a) хорч., ховтос; ховшос; джал., дэрв. хувшад; архорч., бар., ховчис; харч., түм. ховчис; ш гол., чах., гувчас;

губчасу. (5, 242), Вур : хуви (8, 116). А в Басаньском языке употребляется совсем другое слово месугу (3, 143).

Фонетическую эволюцию слова гувсави в монгольских языках и диалектах можно охарактеризовать следующим образом:

1. В калхаском, ордосском, цахарском диалектах под влиянием придыхательного согласного Ц, Ч во втором слове сильный согласный Х подвергается диссимилации и данное слово произносится как "гувчас" и "гувцац".

2. В илгитинском подговоре Западно-калхаского диалекта монгольского языка согласные Ц, Ч во втором слове ассимилируют инициальный Х, в результате чего форма "хувчасу" превратилась в "увчас". В этом случае инициальный Х сильно ослабляется или вообще выпадает.

3. В хорчинском и каланцком диалектах Внутренней Монголии (5; 242), а также в торгутском говоре современного монгольского языка аффрикаты Ц, Ч во втором слове диссимилируются на смычные согласные Д, Т: "гувцац, хувцац-ковтос, хувдас".

4. В хорчинском и дербетском диалектах (5; 242) те же согласные Ч, Ц диссимилируются на ффрикативный непридыхательный согласный Ш и произносятся как хувчафховшос, хувшад.

5. В жалайрском диалекте Внутренней Монголии (5; 242) переднеязычный, непалатализованный, непридыхательный ффрикативный согласные С и З морфемн-сун подвергся полной диссимилации и превратился в сонорный смычный согласный Д: "хувшад". В Бурятском языке произносится как хувчасун-хубсапан, хувсапу, где непридыхательный ффрикативный согласный С переходит в гортанный п с акцентирующим придыханием.

Процесс перехода согласного С в аллауте и инлауте твердого и мягкого рядов монгольского письменного языка в согласный Ъ в бурятском языке относится, по Т.Д.Санжееву (9; 9), к ХУП-ХУИИ векам. Но некоторые монговеды, опираясь на материалы бурятских диалектов, зафиксированные в словарях бурятского языка, констатируют, что переход С > Ъ произошел в более поздний период. По нашему предположению, процесс диссинхронизации гортанного согласного с > Ъ, существующего только в бурятском языке, в предшествующий Ъ проходил гораздо позднее. При этом данное явление не имеет отношения к согласному Ъ в эвенкийском языке. Таким образом, согласные Ч, Х, С в слове хуччасун-хурчасу произносятся в потоке речи различно, что привело к образованию их аллофонов. Эти различные варианты произношения и представляют собой те специфические особенности, которые отличают халхаский, бурятский, ойратский, хорчинский, малайский диалекты и их поддиалекты друг от друга. Несмотря на различия произношения слова "хуччас" в монгольских диалектах, его значение в целом остается неизменным, выражая общее название одежды. Халхаское слово хупца, хобин Г.Рамстедт (3;:186) переводит на немецкий как *anzug, kleidung*, тогда как А.Мюстерт (4, 310) слово "губчису" в ордосском диалекте переводит на французский как *habits*.

Самая популярная национальная верхняя одежда у монголов - это "деэл". Ее носят как мужчины, так и женщины любого возраста во все четыре времени года. Основные составные части деэл - это элгар "лапканы, борты", зах "воротник", хангуи "рукава", гочо "губовики", гилбо "поясница". Слово "деэл" в памятниках монгольского письменного языка зафиксировано как *debei, deβil* (12, 26), *deβil* (2, 131), *degei* (1,

ISEI), aeI (II, I4I), загал джуаI (I0, 34) и произно-
сится в различных диалектах монгольских языков как
degeI (калси., ага., тунк., ван), d̄eI (кама), d̄eI
(бар) и т.е. degeI : d̄eI дээл, bairur degeI (тунк.),
эрдэн дээл, deweI (50) Дө., Дз., Л., С., Ш., Ва., Кло)
(27, 170); кал. dewI (3, 81); Бурт. дэгал (I0, 1067),
дэл (4, 133). Из этого сравнения следует, что в со-
временном казахском языке, в киргизском диалектах — в
каркараемском подговоре сохраняется форма монгольского
языка debeI, а в бурятском диалектах — форма
калхаского языка degeI. Тогда как
в калхаском и внутри-монгольских диалектах появляется
новая форма произношения — "дэел". Кроме того, в ка-
захском монгольском языке, напр., дэел, появились
новые варианты формы d̄eI, d̄eI (4, 51), d̄eI (7;
333). В диалектах Внутренней Монголии очень популярны
следующие произношения: Западно-аргунский — "дэел",
в горноалтайском — "дэел", в каракорумском — "дэел" (5,
143).

В монгольских диалектах различаются виды дээл,
притом в качестве критерия в основном берутся внеш-
ние их признаки. Так, кожаный дээл, в калхаском
диалекте называется "дэел дээл", в бурятском — дэел
дээл, в ойратском — "дэел дээл", "дэел дэел".
По назначению бывает "хар дээл" (досл. черный дээл/
для светских лиц, "лам дээл" (досл. ламский дээл/
для религиозных лиц, "авгай дээл" — для пожилой за-
мужней женщины и т.п. Эти названия приобрели харак-
тер устойчивого словосочетания.

С древних времен одним из основных занятий мон-
голов была охота и они широко употребляли шкуры и
кости для одежды применительно к временам года. Поэ-
тому в лексике монгольского языка можно найти такие
названия одежды, как ээрэн дээл "дээл из антилоповой

шкуры", туулай дээл' дээл из заячьей шкуры', "хярсан /кирсин/ дээл' дээл из корсаковой шкуры', чнагэн дээл "дээл из лисьей шкуры", элбэнх дээл" дээл из енотовой шкуры', чонон дах "доха из волчьей шкуры", нохой дах "доха из собачьей шкуры", баавгайн арьсан дах "Доха из медвежьей шкуры".

Из шкур и кожи домашних животных монголы делают разнообразные одежды преимущественно для зимнего и прохладных сезонов. Мужской дээл из овечьей шкуры без меха в халхаском диалекте называется "сарман", а женский дээл из подобной шкуры называют "хэр¹ хонины арьсан дээл" (дээл из шкуры ошш "хэр"), в дархатском - задгай дээл, в ойратском - заргаг дээл, в бурятском - харьмай дөгөл. В калмыцком языке дээл из овчины без шерсти, козлиной шкуры также называется "заргаг дээл". Корни сар-, зар- в монгольских названиях "сарман", "задгай", "заргаг" соответствуют в киргизском и алтайском языках слову *zargaq*, *zarquq*, в тувалском - *zarxax* (3; 467, 14, 32), соответственно шкуру без шерсти.

Натуральный дээл из кожи без ворна из материала в халхаском диалекте называют "енге керий дээл", в ойратском *bevdé*, в бурятском *хүдэйн дөгөл*, что означает кусь из овчины. Слово "уц" в ойратском диалекте означает дээл из козлиной шкуры с ворном из материала, тогда как в калмыцком означает короткий дээл из ягнучьей шкуры (3; 460 в).

Монголоязычные народы различают виды дээл на-
воре шитья, материалу и назначению. Короткий дээл для охотников называется в дархатском подговоре халхаского диалекта антийн дээл (15; 141), в

¹ Летнюю шкуру антилопы в бассейне рек Онон-Харган называют "хэр хэр" и "усан хэр" (15, 159).

кашмакском диалекте ототер драг, акар керийт тоэл (18, I; 181). Дзел для оюоткинов делаетел транду-
матвенно из куурн лунки ливотны, а тамже из овчи-
ны, с шикны и прямы воротником, он не имеет ника-
ких пуговиц, петель, обшивки, а завязывается только
спереди, из лавалды: нинэ тооо апартаатны: тат-
тыныс кйром /кйгм-е) кантааз (qantay-fa), каш-
маар (qanjıyar), кезиг (keseg), которые носят
товарку тоо.

Кйром (кйгм-е) — одежда без рукавов и подола,
а тамже без бортов, имеет очень разнообразные виды,
которые называются оюонюм кйром, бөгюю кйром, ку-
гун кйром, уртхан кйром, бйоог кйран и в.д. Слово
куурн произносится в ордском — кйгмэ (4, 410), в
казах. — кыгме (8, 220), в бурятском кэртун (17;
245), в уйгураном и тюркском — кайма, кймеэ, куик,
в зурчидском калжа (17, 1800), в казакском кені-
шке куулаше (18: 341), в таттарском кэ... (8; 206).
В этих алтайских языках присутствует общий корень
кэ-, который обязан своим происхождением тюркскому
слову конрау, обозначающему верхнюю часть человече-
ского тела (14; 1885). В слове "Кантар" — нахолим
выражения шар-цокор улвни нь кантас нь, где слово
улвни П.Тодасва (31, 421) толкует как куртка и без-
рукавка.

Кантааз (qantay-fa) — название верхней одежды
без рукавов. В северном монгольском языке раз-
личаются 3 вида кантааз: нарядный и повседневный.
Нарядный кантааз носят мужчины во время торжеств.
В диалектах Внутренней Монголии произносят: кандаас,
кандаат, кантаас (5; 229), которые выражают следу-
ющие значения:

I. Короткая куртка, надеваемая под верхнюю одеж-
ду, дотоол.

2. Нагрудный жилет, надеваемый поверх одежды (I8; (I8; 376). Это слово в калмыцком языке произносится жилетт (20, 148), в бурятском — жилет, хүрме, сээжэше (I7; 126), в ойратском диалекте современного монгольского языка — Чэвнэг.

Хэвнэг (kebeneg, kehneg) — вольничья накидка, надеваемая поверх одежды, которую носят во время осенних холодов: дождей или снегопадов.

В словаре Я. Радлова слово калмыцки переводится как дождевой плащ, зимнее платье, яничарь (I4, II87). Слово кебенек в языке монгольских казаков (I9; 656) идентично слову хэвнэг в монгольском языке. Оно восходит к хэвнэг, калмыцки, кебенек, обозначающему вольничью накидку в киргизском и некоторых тюркских диалектах Южного Алтая и Сибиряна.

Накраски, особенно дармаги в Кубутульском аймаке, а также буряты в Восточном аймаке делают обшивку по краям бортов и гаровника деки мерлушкой и опосом черного цвета, следы чего остались в их песенке.

Также деки называются у калмыков "деки-развотой деа", у дармагов — "манзтай деа", у ойратов — "хурсантай деага", у бурят "сагаалсантай /мангалсантай деага". Также деки известны в III-IV вв.

Во многих диалектах и говорах существует разномыслие в произношении названия частей верхней одежды (деа). Так например, слово сагад, сагад монгольского письменного языка обозначает рюкзак деки. В диалектах монгольского языка прослеживается различие в произношении этого названия: хандай, хандан, ханшен, ханжа, ганжу, ганзон, что служит материалом для исторической фонетики. Комплекс $v + u + i$ открытого слога в слове сагад монгольского письменного языка в диалектах монгольских языков претерпел следующие изменения:

1. В современных бурятских диалектах и в ор-
досском комплексе $v+u+i$ превратился в долгий гласный
 i' а. Например, в центрально-калхаском диалекте хан-
цие, хантси (20; 53), в западно-калхаском и хотон-
ском подговоре хантсия (21; 287), хантсиа (22; 279),
в дариганском подговоре восточно-калхаского диалек-
та - хантси (23; 30), в бурятских диалектах-ханси
(24; 161), в ордосском - хантэй (4, 231), в хор-
чинском, калайском, чербетском, горлосском диалек-
тах-халхай, в архорчинском, бааринском, найманском,
хэмдгэнском, хорчинском, тумотском диалектах -
халхай (5; 229), в урянхайском подговоре ойратского
диалекта - хантэй (3, 142).

2. В монгольских диалектах присутствует слово
ханси (II, 291), ханси (2, 122) монгольского пись-
менного языка, которое сохраняет графическую форму
среднемонгольского периода. Так, в калмыцком - хан-
тси, хантэй (3; 136), а в ойратских диалектах -
ханта, хантсан (27; 385), в монгорском - ханжи, ханч
(7, 373), в дунсянском - ганциун (5; 116), в бао-
аньском - ганцион (3; 137). Все это позволяет кон-
статировать, что особенности среднемонгольского язы-
ка сохраняются в калмыцком, монгорском, баоаньском,
дунсянском языках, в современных ойратских диалек-
тах.

Нудрага (nidary-a) - обилаг рукова, сделанный
из меха или шерстяного материала.

Этому слову в калхаском диалекте современного
монгольского языка соответствует туурай (25; 347),
nidarya, nidarya, nidraya в ойратском - nidrum
(24; 677), niddrum (3; 152), в бурятском - n'idarya
(n), nodorya, nidorya, туурай, нудрага, нудрам, но-
дорга и т.д. Такие слова как нудруг (5; 176) в гор-
лопском, хорчинском, улаанцавском диалектах Внутрен-

ней Монголии, хантзан тура (4; 682) - в ордосском; нударга в бурятском, в большинстве случаев туруун (17; 350), ханшч (29; 313), хангна нулгар-обшлаг (32; 537) в казахском различаются не только по произношению, но и по выражаемому смыслу. Тут следует отметить следующее:

1. Kasarga (II; 261), нударга (I3; 60), зафиксированные в памятниках среднемонгольского языка, а также нударга, нударгал в ясном письме имеют единственное значение "кулак". Другое его значение "обшлаг дзела" также отсутствует в словарях Н.Поппе, Л.Левинского, Кратера. Слово казахского языка kasarğa, (3; 283) ордосского диалекта нулурга (4; 499) даны немецкий *gebälte*, *foast* французский *poing* переводом, обозначающие "ошейник рукав", "рукав рука". Значение "ошейник рукав" имеет слово якутского языка *satarak*, киргизского языка *jaib-ŋa*, казахского языка *кулдирк* (10; 341) и других алтайских языков (3; 280, 14; 172, 315).

2. После в казахском, ойратском и бурятском диалектах современного монгольского языка слово нударга, нулурин приобрело новое значение, обозначающее наметку рукава для зашити кулака.

3. Наряду с этим в казахском, бурятском, ордосском диалектах современного монгольского языка "обшлаг" стали называть *туруай*¹ (копыто) ввиду его схожести с ним. Гортни письменности монгольского языка, *tuɣaŋa*, *tuɣaŋai* произносятся в казахском диалекте *turae*, в ойратском и бурятском - *taŋaŋ*, *taŋa*.

4. Слова ханшч, хангна нулгар современного казахского языка Н.Миньшин, В.Мунинер переводят на русский язык как обшлаг. Эти два слова казахского языка соответствуют монгольским словам *hanšch* и *hanŋaŋ* (в речи казахское "нударга" слово *hanŋaŋ* казахского языка).

Слово энгер (engger) означает грудную часть дзела от воротника до подола. Поскольку монгольский дзел двубортный, различают внутренний (в калхаском диалекте "дотосд энгер", в ойратском dot öwār) и внешний лацканы (в ойратском yazaā öwār). Существует много названий частей дзела по их расположению. Так, борта называются "энгер зах" (в калхаском); öwār zāyā (в ойратском); лацканы - "энгер заам" (в калхаском), öwār zaam (в ойратском); разрез у плеча дзела энгерийн хараа (в калхаском), öwār ziha (в ойратском); "энгер кашлага, камаас (в калхаском-кант, кайма на лацкане и подоле дзела), Jagan хага (30, 3), öwār хэвээ (30, Дг. 7) "гагмар энгер" двубортный, "хоо энгер" (двойные лацканы), "энгер хормой" (лацканы и пояс/-в калхаском, öwār хэргэ (в ойратском) и т.п. Эти части именуются общим названием: "энгер", которое в монгольских языках и их диалектах имеет общий корень со словом "енг", обозначающим ширин материала. Это слово по-разному произносится в различных диалектах: в калхаском - "энгер", в ойратском - энгер (4; 341, в нахорок - энгер (5; 238), в саргу - энгер (8, 18) engie (26; 7), в дагуроком энге енер (Архорч. Горт, дер (5; 266).

В калхаском языке и в ойратском диалекте монгольского языка передняя грудная часть дзела называется öwār, ewar. Слова энге engr Г.Рамстедт переводит как эрег ufex (3; 128), тогда как в словаре Б.Мушкетера они образуются. Однако слово öwār (5; 363) со значением "пазуха" соответствует словам öwār, öwār, öwār, öwār (27; 724, 75) ойратского диалекта современного монгольского языка и үбэр, эбэр (10, 488, 753) бурятского диалекта.

14. Опыт словаря тюркских наречий. С.Петербург, 1899.
15. С.Бадамхатан, Хөвсгелийн Даржад ястан. УБ. 1965
16. С.Бад. - С.Бадамхатан. БНМАУ-ийн Угсаатнзүй I. УБ. 1987.
17. Ц.Цэд. - Русско-Бурятско-Монгольский словарь. М., 1954.
18. МУДТ - Монгол Чэгийн язгуурин толь. 1983.
19. Б.Баз. - Б.Базмхан. Монгол-Казах толь. УБ.-Өлгий. 1984.
20. Н.По. 1970 - Forpe N. Mongolian Language Handbook, Washington. 1970.
21. В.Влад. - В.Владимирцев В.Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и калхаского наречия. Л., 1930.
22. Л. Ве. 1961 - Везе Л., Remarks on a western dialect. Diaplect, AOS. 1961.
23. Л.Цуда 1957 - Мувсандангер М., Даржагта аялгууны агнаан зүйг судалсан туршлагаас Шинжлэх Ухааны Иргэзлэнгийн бүтээл. 1956. 113.
24. В.Расс. 1982 - В.И. Рассветки. Очерки по исторической фонетике бурятского языка. М., 1982.
25. Я.ца - Монгол хэлний товч тайлбар толь. УБ. 1985.
26. ООЭ. 1983. - Дунжан хэлний Угс, 1983, Бөхөө найруулав. Мөх мот.
27. J.Сэй. -Э.Долос, БНМАУ-ийн нутгийн аялгууны толь бичиг, В. ойрад аялгуу. 1989.
28. Ц.Бул. - Ц.Будаев, Лексика бурятских диалектов в сравнительно-историческом освещении. Новосибирск. 1978.
29. И.Ил. - Краткий русско-калмыцкий словарь. М., 1969.
30. О. Ойрад аялгуу
 Дз.зэлжин
 г. горгууд

Словарь
на русском
языке

- арв. - арват
- аркоч. - аркочин
- бар. - барин
- горч. - горчин
- Т.А. - Т.А.т
- а. гол. - а. гол. гол
- мах. - махар

31. Б.К.Тодаева. Опыт лингвистического исследования эпоса "Джангар". Эллага, 1976.
32. Калмыцко-русский словарь. Под редакцией Б.Д.Мушкетера. Москва, 1977.

ТРАКТОВКА МОНГОЛЬСКОГО СЛОЖНОПОДЧИНЕННОГО
ПРЕДЛОЖЕНИЯ В СИНТАКСИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Проблема сложноподчиненного предложения в монгольских языках до сих пор остается спорной и недостаточно исследованной. Еще в середине XIX века русский монголовед А. А. Бобринников установил в монгольском языке четыре типа сочетания предложений. Причастные и деепричастные обороты были отнесены им к придаточным и названы "второстепенными предложениями" (5, с. 364-375).

Вопрос сложноподчиненного предложения монгольских языков, в том числе и современного монгольского, освещался главным образом в трудах таких советских ученых, как Г. Д. Салжеев, Т. А. Бертагань, Э. К. Касьяненко, Г. П. Гурбеев и монгольских исследователей Н. Лувсанвандана, Б. Ринчена, Р. Рагчаа, Ц. Цэдэндамба и др.

Известно, что причастные и деепричастные обороты, которыми очень богаты монгольские языки, выполняют функции почти всех придаточных предложений индоевропейского типа. Ввиду этого часть монголистов (также как и некоторые тюркологи) рассматривает все причастные и деепричастные обороты как придаточные предложения, руководствуясь критерием их семантической адекватности.

Так, например, монгольский акад. Н. Лувсанвандан [I, с. 212-224; II, с. 321] считает придаточными предложениями все обороты с субъектным именем в форме родительного и винительного падежей типа Ахин хэднийг би мартаагүй 'Я не забыл то, что сказал брат'; Чамайг хотоос иртэл би энд хүлээе 'Я по-

жду здесь, пока ты не приедешь из города' и т.п. При таком подходе к оборотам с самостоятельным субъектом не обращается должное внимание на грамматическое оформление данных конструкций, а лишь учитывается их смысловая сторона. Такого же подхода к оборотам придерживается и другой монгольский исследователь В. Рагчаа (18, с. 70-110).

Советский лингвист Э.К.Насьяненко, посвятившая ряд работ вопросам единичности предложения монгольского языка, пытается провести границу между придаточным предложением и оборотом. Различительным признаком придаточных предложений и причастных оборотов автор считает наличие в первом самостоятельного субъекта, отличного от субъекта остальной части предложения (7, с. 12-13). Оборотом, по ее мнению, следует считать такую синтаксическую конструкцию, организующий центр которой (причастие или деепричастие) имеет зависимость от него слова и где отсутствует самостоятельный субъект (8, с. 1). Для подтверждения выдвинутого положения она приводит следующие примеры: Хүмүүс хөрсий нь чанаржуулсныг та мэдсэгдэ юу? 'Вы не знаете, что люди удружили ее почку?'; Кичээл хийж байхад тэмцэйд суудаг уу? 'Сидишь (обычно) спокойно, когда делаешь уроки? Выделенные нами курсивом в составе первого предложения конструкции Хүмүүс хөрсийг нь чанаржуулсныг автор считает придаточным предложением, а выделенную в составе второго предложения конструкцию Кичээл хийж байхад - причастным оборотом. В них исследователь видит "качественно различные конструкции" (8, с. 7), которые "не могут быть расценены одинаково (7, с. 12), так как в первом из них, по ее словам, присутствует подлежащее хүмүүс 'люди', выраженное именам существительным в неопределенном падеже, прямое дополнение хөрсийг нь 'ее

почву', выраженное именем существительным в винительном падеже с частицей личного притяжания и сказуемое чапаржуулсныг 'улучшили', выраженное причастной формой глагола в винительном падеже. Во втором предложении причастная конструкция хичээл хийж байхад "не представляет собой самостоятельного предикативного узла" (7, с. 6), так как действие, выраженное глаголом хийж байхад (деепричастие на -ж + причастие на -х в форме дательного-местного падежа/ принадлежит тому же лицу, которое совершает действие, выраженное глаголом суудаг уу 'сидишь' (7, с. 7).

Кроме того, следует отметить, что здесь не очень четко сформулирована мысль автора. Видимо, она считает, что во второй конструкции, именуемой ею причастным оборотом, отсутствует подлежащее и невозможна его постановка. На наш взгляд, факты языка опровергают такое мнение, так как данный оборот вполне способен приобрести логический субъект действия. Ср.: Сурагчид /хулгуус, Доржийг/ хичээл хийж байхад /чи томоотой суудаг уу 'Ты сидишь спокойно, когда учащиеся /люди, Дорж/ делают уроки /занимаются'. Отсюда видно, что в данной конструкции действие, выраженное глаголом хийж байхад, не обязательно должно совершаться именно тем же лицом, что и действие, выраженное глаголом суудаг уу, как полагает В.К. Касьяненко. В подобных сложных конструкциях могут присутствовать разные субъекты действия. Автора, видимо, ввели в заблуждение нюансы монгольского языка, связанные с употреблением частиц притяжания. Итак, если сравнить предложения: "Хичээл хийж байхад томоотой суудаг уу. Хичээл хийж байхдаа томоотой суудаг уу, то в первом может подразумеваться какое-то потенциальное лицо, которое могло бы совершить данное действие, выраженное глаголом хийж

байхад 'когда занимается', и не имеющее прямого отношения к действию, выраженному глаголом суудаг уу 'сидишь', возможным субъектом которого является местоимение второго лица как единственного, так и множественного числа (чи 'ты', га 'вы'). Во втором же предложении постановка самостоятельного субъекта к глаголу хийх байхдаа не допускается из-за присутствия частицы возвратного притяжения -аа. Тут налицо один общий субъект, совершающий действие, выраженное глаголами хийх байхдаа и суудаг уу.

Из приведенных З.К.Касьяненко примеров становится очевидным, что она относит к придаточным предложениям все двучленные подупрецикативные причастные и деепричастные конструкции. При этом автор исходит из того соображения, что они имеют самостоятельный субъект, отличный от субъекта основной части предложения и который считается его основным признаком придаточного предложения. Таким образом, в данном случае квалификация придаточного предложения также дается без всестороннего учета грамматической специфики оформления компонентов, входящих в данную конструкцию.

Обращает на себя внимание и тот факт, что при разграничении "оборота" и "придаточного предложения", автор в известной мере смешивает логическое и грамматическое. Например, в качестве оборота, имеющего общий с остальной частью предложения субъект, З.К.Касьяненко приводит следующие примеры: Харин үэсэн хүн одоо байхгүй 'Но сейчас нет человека, видевшего это'; ...ном дэвтэр бусэндээ хавчуулсан хүмүүс... морю гуядан довтлох ... 'Подстегивая коней, скачут люди, заткнувшие себе за пояс книги и тетради'. Здесь "причастия үэсэн 'видевший' и хавчуулсан 'заткнувшие' значением своей основы относятся к сле-

дующим за ними словам, т.е. имеют общий с остальной частью предложения субъект (7, с. 12). Если исходить глубоко из логики, то, пожалуй, можно говорить, что причастие үзсэн в роли определения к слову хун и глагол-сказуемое байхгүй имеют один общий субъект. Однако если исходить из особенностей структурной организации предложения и грамматического отношения составляющих его компонентов, то никак нельзя отнести определяемый причастием элемент к его грамматическому субъекту, так как здесь просто невозможна постановка подлежащего к причастию үзсэн, не меняя порядка и формы конструкции. Ср.: Хун үзсэн. Хун алга 'Человек видел', 'Нет человека'. Если изменить подобную конструкцию так, чтобы и причастие или деепричастие и глагол имели общий субъект, то приведенный З.К.Касьяненко пример будет иметь совсем иную структуру. Ср.: Ном дэвтэр бүсэндээ хавчуулсан хүмүүс... морно гуядан довтлоно. Подстегивая коней, скачут люди, заткнувшие себе за пояс книги и тетради. Хүмүүс ном дэвтэр бүсэндээ хавчуулан /хавчуулаад/ морно гуядан довтлоно, 'люди, заткнув себе за пояс книги и тетради, скачут, подстегивая коней'. Здесь уместно вспомнить слова Р.А.Будагова о том, что "грамматика не должна растворяться в логике, так как объекты их изучения различны" (5, с. 244).

При подобном толковании оборотов, имеющих общий с остальной частью предложения субъект, структура их будет резко изменена, в результате обороты с атрибутивными отношениями придется преобразовать в обороты с обстоятельственными отношениями. З.К.Касьяненко ограничивает проблему придаточных предложений монгольского языка описанием только причастных и деепричастных оборотов, считая, что в современном монгольском языке отсутствует широко развитая система со-

язычных слов, синтаксические функции которых, по ее словам, покрываются в сложноподчиненных предложениях, причастием в неопределенном и других падежах, причастием в сочетании с послесловами и деепричастными формами глагола (7, с. 8).

Один из крупных советских монголистов Г.Д. Санжеев, отрицая наличие придаточных предложений в монгольских языках, фактически подменяет их так называемыми развернутыми членами. Он пишет, что "если причастие и деепричастие обороты обобщенно называть развернутыми членами предложения, то можно сказать, что последние представляют собой такую организацию слов, в которой: 1. порядок ее членов таков же, как и в предложении; 2. причастие и деепричастие являются двойственными в том смысле, что они, с одной стороны, подчинены следующему за ними глаголу или, поскольку речь идет о причастии, определяемому имени и, с другой – подчиняют зависящие от них слова; эти причастия и деепричастия являются как бы сказуемыми в составе своих оборотов" (19, с. 95). Стояда видно, что организация или структура оборотов, где подлежащее оформляется в родительном, винительном и исходном падежах, а сказуемое – падежными формами причастия и обстоятельственными деепричастиями, согласно Г.Д. Санжееву, полностью соответствует придаточному предложению. В своих рассуждениях он пришел к нигилистическому выводу о том, что "наличие развернутых членов в монгольском языке устраняет надобность в различного рода придаточных предложениях" (20, с.65). Разрядка здесь сделана нами специально, так как фраза "...устраняет надобность..." создает такое впечатление, будто автор то ли не хотел замечать в монгольском языке союзные способы выражения подчинительных предложений, где подлежащее оформлено в

изменительном падеже, а сказуемое выражено временными формами глагола, то ли они рождаются предпочтительно производными, книжными конструкциями с союзными придаточными предложениями более "кодовой" и разговорные, формально упрощенные обороты. В любом случае можно полагать, что фраза "упрощает кадобность ... в придаточных предложениях" вовсе не означает, что придаточных предложений вообще нет в монгольском языке. Наоборот, за ней скрывается мысль о том, что они, возможно, есть в монгольском языке, но нет необходимости специально рассматривать и приводить примеры, когда в языке имеются более продуктивные варианты их реализации.

Читая работы Г.Д.Самжиева, мы пришли к такому выводу потому, что столь крупным утратой и тонким знаком монгольских языков не мог не заметить наличие в нашем языке придаточных предложений союзного способа. А между тем в современном монгольском языке имеется довольно значительное количество союзов и союзных слов, восходящих как и в родственных тюркских языках¹ в основном к разным формам частиц, послелогов, местоимений, наречий, причастных и деепричастных форм вспомогательных глаголов. Поэтому мы не согласны с мнением Г.Д.Самжиева, который считает, что союзов в современном монгольском языке нет, если не считать книжных слов ба, бөгөөд, болоод или болон, имеющих значение "и", "да" (19, с. 79).

---

¹ Об активном употреблении в современных тюркских языках союзов и союзных слов разной структуры и разного происхождения см.: Мусаев К.М. К истории союзов в тюркских языках // Советская тюркология, 1980, № 6. Убрятова Э.И. Исследования по синтаксису якутского языка. Сложное предложение. Новосибирск, 1976.

Правда, помимо причастных и деепричастных оборотов Г.Д.Санжеев указывает на возможность употребления в монгольских языках придаточных предложений с коррелятивными союзами типа хэн... тэр... 'тот'... 'кто', которые он рассматривает как синтаксические структуры, редко встречаемые в монгольских языках и появившиеся под влиянием русского языка (21; 19, с. 92). Уместно отметить, что соотносительные союзы в монгольском языке нередко можно встретить как в разговорном, так и в других стилях речи (22, с. 103). Поэтому трудно согласиться с мнением Г.Д.Санжеева.

Известный советский ученый Т.А.Бертагаев, исходя из структурно-семантических особенностей причастных и деепричастных оборотов, с одной стороны, и собственно придаточных предложений союзного типа с другой, впервые непредвзято и более основательно осветил спорные проблемы сложного предложения монгольских языков. Прежде всего он провел детальный анализ причастных и деепричастных оборотов монгольских языков, разделив их на простые (несамостоятельные) и сложные или самостоятельные (2; 3).

Самостоятельные обороты, по справедливому замечанию Т.А.Бертагаева, могут в определенных условиях переходить в предложение, при котором причастие или деепричастие, как ведущее слово оборотов, играет решающую роль. Если в самостоятельных оборотах субъект употребляется в формах генетива или аккузатива, то в оборотах-предложениях субъект выступает в нулевой форме, совпадающей с номинативом. Именно номинативизация субъектного имени при причастиях и деепричастиях и одновременно процесс предикцирования ведущего слова оборота изменяют характер и структуру оборота, превращая его в предложение (2, с. 258-259).

ложение вежи разные, хотя первое может переходить в последнее, соответственно меняя форму своих компонентов.

Другой советский ученый Г.П.Шербеев, опираясь на достижения советской тюркологии и монголистики, последовательно развил концепцию Т.А.Бертагасва в свете современных синтаксических теорий. К числу наиболее крупных его работ, где специально рассматриваются вопросы синтаксиса сложного предложения монгольских языков, естественно, нужно отнести докторскую диссертацию "Синтаксис сложного предложения монгольских языков" (М., 1963), монографию "Типы сложных предложений в монгольских языках" (М., 1978), а также другие монографии и статьи, посвященные синтаксису калмыцкого и других близкородственных монгольских языков (12; 13; 14). В названных работах автор в достаточно полном объеме проводит синхронно-типологическое исследование синтаксических единиц и фактов калмыцкого, бурятского и калма-монгольского языков на уровне сложного предложения, дает оригинальную структурно-семантическую классификацию разновидностей как элементарных, так и сложноподчиненных предложений, устанавливает границы между индипендентными предложениями и оборотами и по ходу всего исследования раскрывает те новые специфические явления, которые имеют место в синтаксическом строе сопоставленных или близкородственных монгольских языков. Так, например, обобщая результаты проведенного анализа и четкого поиска он приходит к правильному выводу, что "в современных монгольских языках, таких как калма-монгольский и калмыцкий, идет живой и активный процесс номинативизации субъектного имени в генитивных и актуативных оборотах, в результате чего формы впадения слов оборотов часто сливаются с формой простого сказуемого-

го предложения, что "окончательно закрепляет оборот в качестве предложения" (15, с. 139-145; 16, с. 132-137). Следует отметить, что наряду с семантическими аналогами предикативных предложений, причастными и деепричастными оборотами, по замечанию Г. А. Горбеева, в современных литературных монгольских языках, особенно в калмыцком и бурятском, получают значительное развитие предикативные предложения индоевропейского типа и, что в этих языках начинает прогрессировать "функционально-связный способ соединения частей сложноподчиненного предложения. В своих исследованиях, вошедших в книгу Г. А. Бертагаэвца, Г. А. Горбеев убедительно демонстрирует широкую возможность функционирования в монгольских языках разнообразных связующих элементов в сложных предложениях и тем самым опровергает глубоко укоренившуюся со времени А. Шмидта и Э. Я. Ковчина точку зрения, что в монгольских языках нет союза и союзных слов (25; 9; 19; 1). В связи с этим он правильно замечает, что известным препятствием на пути изучения сложных предложений явилось широко распространенное мнение о слабости предельности в монгольских языках союзных связей (14, с. 136), в результате чего без должного внимания были оставлены такие конструкции, которые представляют собой подлинно сложные предложения союзного типа.

Анализируя наиболее типичные и всеобщие, а также специфические и уникальные явления в синтаксисе предложения трех близкородственных языков автор сумел также в общих чертах проследить те изменения, которые произошли в синтаксическом строе данных языков, и установить пять типов синтаксических универсалий, что фактически является новым в монголистике (17, с. 24-32).

Вопросы сложного и в частности сложноподчиненного предложения нашли соответствующее отражение в диссертационных работах монгольских исследователей Ц.Цэдэндамба и А.Шархуу в связи с изучением грамматических, структурно-семантических особенностей и синтаксического функционирования причастных и деепричастных оборотов современного монгольского языка (23; 24). Так, например, Ц.Цэдэндамба, часть своей работы специально посвящает анализу причастных оборотов, выдвигая задачу выяснения соотношений их конструктивных элементов и разграничения причастных конструкций на простые, самостоятельные и обороты-предложения, исходя из особенностей их семантической и грамматической структуры.

Даже из этого далеко не исчерпывающего обзора признаков сложноподчиненности предложения современного монгольского языка становится совершенно очевидным тот факт, что взгляды, мнения и оценки исследователей сильно расходятся. Часть ученых причастные и деепричастные обороты принимает за сложносочиненную форму придаточных предложений и на этом основании отрицает возможность функционирования союзных придаточных, другие же наряду с причастными и деепричастными оборотами выделяют самостоятельный класс придаточных предложений союзно-финитного оформления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амголонов Д.А. Современный бурятский язык. Улан-Удэ, 1958.
2. Бертагаев Т.А. Синтаксис современного монгольского языка в сравнительном освещении. Простое предложение. М., 1964.

3. Бертагаев Т.А., Ц.Б.Цыцендамбаев. Грамматика бурятского языка. Синтаксис. М., 1962.
4. Бертагаев Т.А. К проблеме сложных предложений в монгольских языках. ВП, 1954, № 4.
5. Бобровников А.А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849.
6. Будагов Р.А. Сходство и несходства между родственными языками. М., 1965.
7. Касьяненко Э.М. К вопросу о сложноподчиненном предложении в современном монгольском языке. Автореф. канд. дис., М., 1953.
8. Касьяненко Э.М. Придаточное предложение и оборот в монгольском языке // Проблемы йтимагтай хэлний судалгаа. Улаанбаатар, 1967.
9. Козыч В.А. Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. Прага, 1960.
10. Мунзаванцан П. Монгол нийт грамматикн асуулгуну. Улаан-Улаатар, 1961.
11. Мунзаванцан П. Калмыцкы ифталел егуулгээр. Эрчим нийтлэл монгол хэл зүйн. Улаанбаатар, 1970.
12. Нурбеев Г.И. Грамматика калмыцкого языка. Простое предложение. Элиста, 1977.
13. Нурбеев Г.И. Грамматика калмыцкого языка. Сложное предложение. Элиста, 1978.
14. Нурбеев Г.И. Об актуальности типологического изучения синтаксиса предложениями монгольских языков. ВП, 1974, № 6.
15. Нурбеев Г.И. Об многообразии в синтаксисе предложения монгольских языков. ВП, 1977, № 5.
16. Нурбеев Г.И. Типы сложных предложений в монгольских языках. М., 1979.
17. Нурбеев Г.И. Синтаксис сложного предложения в монгольских языках. Автореф. канд. дис. Улаанбаатар, 1984.

1. ...
2. ...
3. ...
4. ...
5. ...
6. ...
7. ...
8. ...
9. ...
10. ...
11. ...
12. ...
13. ...
14. ...
15. ...
16. ...
17. ...
18. ...
19. ...
20. ...

...

...

Грамматический словарь представляет собой только одну, но существенную часть большого количества переводов, соучастниками в санскрита на тибетский и монгольский языки из многовекового обширного литературного и научного наследия древней и средневековой Индии. Большой научный интерес переводы санскритских памятников на разные языки мира, в частности на тибетский и монгольский, представляет потому, что оригиналы многих памятников не сохранились.

འགྲུབ་པའི་འཇུག་པོ་ལྟེན་ལུང་ལུང་གི་མཐོང་སྒྲུབ་ཀྱི་མཚན་ལོ་
འགྲུབ་པའི་འཇུག་པོ་ལྟེན་ལུང་གི་མཐོང་སྒྲུབ་ཀྱི་མཚན་ལོ་
འགྲུབ་པའི་འཇུག་པོ་ལྟེན་ལུང་གི་མཐོང་སྒྲུབ་ཀྱི་མཚན་ལོ་
འགྲུབ་པའི་འཇུག་པོ་ལྟེན་ལུང་གི་མཐོང་སྒྲུབ་ཀྱི་མཚན་ལོ་
འགྲུབ་པའི་འཇུག་པོ་ལྟེན་ལུང་གི་མཐོང་སྒྲུབ་ཀྱི་མཚན་ལོ་
འགྲུབ་པའི་འཇུག་པོ་ལྟེན་ལུང་གི་མཐོང་སྒྲུབ་ཀྱི་མཚན་ལོ་
འགྲུབ་པའི་འཇུག་པོ་ལྟེན་ལུང་གི་མཐོང་སྒྲུབ་ཀྱི་མཚན་ལོ་
འགྲུབ་པའི་འཇུག་པོ་ལྟེན་ལུང་གི་མཐོང་སྒྲུབ་ཀྱི་མཚན་ལོ་
འགྲུབ་པའི་འཇུག་པོ་ལྟེན་ལུང་གི་མཐོང་སྒྲུབ་ཀྱི་མཚན་ལོ་
འགྲུབ་པའི་འཇུག་པོ་ལྟེན་ལུང་གི་མཐོང་སྒྲུབ་ཀྱི་མཚན་ལོ་

Согласно известным в наши дни работам тибетских лингвистов, небольшое количество работ по изучению и переводу индийских лингвистических трактатов было выполнено филологом уезицем Самъя панцита Гунга-двангана (34-й сын пандита Дан-дба роуаи мшана 1162-1251), того же языка, который вошел в историю монгольского языка как автор первого монгольского грамматического сочинения "Диржеа-и тайла". Наверное, нет необходимости много говорить о нем: он очень хорошо известен научному миру. Но хочется отметить, что это имя занимает особое место в истории индо-тибетской лингвистики в лингвистической школе монголов. Самъя панцита был одним из первых тибетцев того времени, которые учились в Индии, изучали все науки традиционного образования, в частности, филологию, и владели высшей ученой степенью пандита.

Поскольку Самъя панцита написал грамматику монгольского языка, для нас интересны в первую очередь его труды в области тибетского и санскритского языков, т. е. они знакомят с основными принципами, которыми он придерживался в лингвистике. Он был талантливым лингвистом и, в совершенстве владея санскритским языком, написал хорошо известное грамматическое сочинение sgra la 'jug shes bya ba'i bstan bcos, Co-

2. Языковая грамматика Ламзини.

3. Грамматическая традиция школы Ламзини, занятая, в основном, комментированием грамматики Ламзини.

В том же (194) державском издании тибетского Ламдрюпа *layun chuyun* — во введении Бюрологического раздела (*sgra rig pi skor*) отмечается, что существуют восемь основных грамматических сутр *sgra mdo chen* по *lung ston pa bgyud. esi* *u'je'nglasen layun chuyun* — и наиважнейшей убои *yeke salar*, а все остальные считаются координированными к ним. Но никаких сведений об этих восьми сутрах не приводится.

Известный тибетский ученый Лондонского университета (*kleng rtoi bla ma ngag dpang cho brang*) в своем труде *rig gnas che sa sgra rig pa las byung ba'i ming gi grangs bshags so* *u'qayun-u yeke bron layun chuyun* — *son yaragsan nes-e-yin toyai d' orasibai* перенюмтер эти восемь основных сутр в традиционной последовательности: *sgra mdo chen po bgyud yod de/ seags rgyis kyi rangs sa che yi mdo dang/ 'jam dbyangs/ 'jig rten dang phyag aus kyi 'khor lo'i do'nyangs gsol la brten pa chan pa'i ugra mdo dang/ bgya byin gyis mdzad sa inbra bya'a ka ra/ bram ze pa'a nis mdzad pa'i pa'a gi bya'a ka ra/ gznon na gdong arug gis rgyal po b'rang payag go chu la gsungs pa rtogs bla ba rgyal po lugs kyi bstan bcos sgra mdo ka'a la na/ de yi 'grel pa jo bo arag 'byor gyis mdzad pa'i slob phan/ slob dpon tsandra go mis mdzad pa rtogs dga' ba pandi da'i lugs kyi bstan chos tsandra bya'a ka ra/ rgyal ba inga pa chen po'i skabs su 'dar pa smon gro ba ngag dpang phun chogs kyi a trarya go ku la na'a tha sogs la brten nas bsgyur ba sgra mdo dbyangs chan dang/ de yi 'grel pa 'dar pa rang gis mdzad pa jo nang ta'a ra na'a thas mdzad pa rnams so/ (2a5-2b2).*

Рассмотрим эти сутры в свете данных дергеского издания тибетского Данджура.

Первые три сутры не включены ни в какое издание Данджура и неизвестно, существуют ли они вообще как в санскритском оригинале, так и в переводе. Поэтому трудно что-нибудь определенное сказать относительно этих сутр. Но несомненно то, что эти сутры, созданные задолго до возникновения буддизма в Индии, служили почвой для появления более поздних, завоевавших мирополу известность драматических сутр, в первую очередь для "Четырех великих сутр во главе с Паннимевьякарана".

Древние индийцы, несомненно, гордились в этих три сутры, как во все величественные наигры, считая, что они проповедали несомненно божественные. Слова тогда санкрангованы и возведены к божественным источникам. Но позже, когда Битт, они подверглись редакции в буддийской редакции. Литература: первая сутра составлена Буддой (sangha rgyas) вторая - Мамакштра (jam sbyangs 'jig rtin sngag rnyug, а уж потом, третья (brgya byin). Paṇḍita vyākaraṇa sūtra (tib. brda srgroḥ ka ka'a ni ni'i nas. sokuḥa sokiyalaḥḥa-luḥsaḥ paṇḍita-yin saḥar). В современной Индии эта сутра известна под названием аяташкүайи ("Божественные книги"). Это название переведено в монгольском Данджуре переводчиком vamaśīla как "asura kleṣṭi ayalyan-a nauiman yene saḥar [1, т. 2, 32].

Нет необходимости много говорить об этой всемирно известной древнеиндийской драматике. Она пользуется столь широкой известностью в научном мире, что и в Индии и в Европе даже сложилась особая отрасль знания - панниведение.

Напомним, что относительно точное время составления сочинения еще не установлено. Но наиболее рас-

трага Бала-Бхадру. Последний преподавал Панкиньюма-
рану (грамматику Панкини - Д.К.) Дарса-лоцзаве, кото-
рый осуществил перевод и тибетское редактирование
этой работы" [7, т. I, с. 136].

В коллоквиуме переводчик особо подчеркивает, что
он пользовался доброй волей пандиты Бала-Бхадры и
Нитого Лакан-нам и пользовался комментарием, состав-
ленным великим уингетом (Бодьгуа) Рама Чандром. Об
этом также говорится в коллоквиуме монгольского перево-
дчика:

Дарса-лоцзава не только перевел грамматику
Панкини, но одновременно составил на тибетском языке
объяснимый комментарий и на йо'ра'а ни ни оу'а'а ке ра на
gshung 'grei gyi go don cho ga dper brjed sags rig
gzig ba bkod pa legs bshad nor bu 'dren pa'a chun ra
snes bya ba [7, т. I, с. 136, 137-138a]. Это сочинение

составлено в 1773 году в монастыре Дундубу, в котором
он находился на время своего пребывания в Тибете.

Составил комментарий переводчик и объяснение сочинения
на ивритском языке в монастыре Дундубу в 1773 году. Это
сочинение Дарса-лоцзавы объясняет, как он сам и его
предшественники, не могли на удовлетворительном уровне
перевести и панкиньюмрану, составленную Бала Чандром.
Поэтому инициалы Дарса-лоцзавы проставлены над 41-м
и 42-м стихами в дошедшем варианте Рама Чандра. По
этому, что комментарий Рама Чандра был написан в 1773
году, мы переводим на монгольский язык [7, т. I, с. 136,
с. 137].

Однако выпускник (1973 года) филологического
факультета МонГУ Ч. Гурэнбаар в своей дипломной рабо-
те выдвигает предположение о том, что перевод монго-
льского Данджура, до сих пор считающийся переводом
Панкини, может быть переводом не самого сочинения Па-
нкини Ashtādnyūī, а именно комментария Рама Чандра.

Трудно объяснить, почему грамматика Паннини не была переведена ранее, во времена, когда не менее сложная в переводческом отношении работа была выполнена по переводу санскритских грамматических компиляций. До перевода знаменитой работы Паннини тибетские переводчики ограничивались переводами комментариев к этой главной сутре.

Несколько слов относительно тибетского перевода Паннини. Грамматика Паннини в тибетском переводе содержит 36 глав и названия глав перечислены в конце афоризмов. Хотя перевод сделан, главным образом, в слоговом, в некоторых местах им встречаем несоответствующее переводу точного значения сутры. Как известно, афористическая краткость, наподобие алгебраической формулы, очень характерна для работы Паннини. Она передана в тибетском переводе во всем ее своеобразии, что свидетельствует о высокой квалификации тибетского переводчика, который, различая неуловимый оттенок значения каждой сутры Паннини. Кроме того, надо принимать во внимание то, что труд Паннини был переведен на язык, отличавшийся от санскрита, а именно на тибетский. Вполне очевидно, что работая над переводами, тибетскими переводчиками получена помощь от вышеупомянутых других индийских пантин, которым он адресует особую благодарность в коллокации своих переводов.

Монгольский перевод грамматики Паннини осуществлен в рассмотренном нами тибетском переводе крупным монгольским переводчиком: Сумаджи-шипа (Sumadžišila) в 1718-1720 годах/помещен на Ia-37a листах 233-его тома монгольского Дамштура.

Мы очень мало знаем об этом монгольском переводчике. Но из колофонов монгольского Дамштура видно, что он был великим переводчиком и переводил ряд

основными трактатами санскритской грамматики с тибетского на монгольский. Наряду с переводом грамматики Цанки Фудалишпа переводил на монгольский язык впоследствии подробный комментарий Дарба-тоцзани к грамматике Цанки и в период подготовки и перевода грамматики Цанки в последние годы XVII в. переводил один из основных комментариев Цанки *Caṅdra vyākaraṇa caitra lang stea pa tcaitra pa'i kdo* (Сандра выакарана чэтра ланг стэа па тцаитра па'и кдо). В 1781-82 гг. сын монгольского Канцгюра выжикии также переводил ряд других грамматических сочинений, выполненные переводчиком Фудали-шпа или Лобсан-чуткином.

Фудали-шпа и Лобсан-чуткин — это имена одного того же лица. *Samadisa* является санскритским эквивалентом тибетского имени *blo bzang sañ kagims* (монг. *Byezang-saaltia*). Надо заметить, что многие тибетские литераторы по примеру тибетцев очень часто именуют себя в названиях своих трудов санскритским эквивалентом своего имени. И здесь мы встречаем то же самое. Значит, настоящим или переводчиком — Лобсан-чуткин.

Однако, в силу того, что в то время (начало XVIII в.) среди монгольских литераторов было немало Лобсан-чуткинов, мы не можем с уверенностью утверждать, что все эти переводы осуществлены одним и тем же Лобсан-чуткином. Так, например, имя из монастыря Эрдене-Бу Кагса-дархан в 1766 году в 32-летнем возрасте ушел у некоего гекона Лобсан-чуткина. Переводчик того времени Таманарага Фудали-шпа переводил с монгольского на тибетский сутру под названием "*Jeag, seter, takil neretü orasibai*" (Об этом говорится в начале его сочинения). В коллофоне сочинения "*ʃokistu urayun-a jiran-a jiran siluqtü-yin tayilburi*", находящегося в II2 томе монгольского Канцгюра также читается: "...*raṅu qi-*

по 35 лет, возраст, по индийским меркам, достаточно молодой в науке.

Из колофона известно, что переводчик родился в 1394 году, но дата его смерти неизвестна. Слово *vi-zi-yi* по-санскритски означает монах, именной религиозный обряд (тиб. *dge long* монг. *ayaу-а tekimlig* [4]). А "Rahu sututu-yin tidsi" - ученик Раху кутукта.

При сопоставлении текста монгольского перевода с другими текстами грамматики Панини, например с текстом и переводом на английский язык, опубликованным *Grise Smandja Vazu* [6], выявляются некоторые несоответствие текстов. Это, наверное, и дало повод Ч. Дуронбаяру предположить, что текст монгольского Данджура может быть переводом не с самой грамматики Панини. Для окончательного решения требуется детальный анализ и сопоставление форм (тибетские и монгольские) текстов. А. Вира считает этот перевод сокращенным, предназначенным для издания данджура в ограниченном порядке, что вполне возможно. Может быть, этим и объясняется вышеупомянутое несоответствие.

Так или уже говорили, индийская грамматическая традиция после Панини вплоть до XIX в. была занята преимущественно комментированием Панини и распространением этой системы на Prakritы. Даже такие авторитетнейшие сутры как Калала, Чандрана, Сарасвати, вошедшие в число восьми основных грамматических сутр (*sgra mdo chen po lung ston pa bgyad. eṣi ujeḡilagsen daḡan aḡayaу-а nauiman yool yeke sadu*) наряду с самим сочинением Панини, не считая крупных комментариев к ним, рассматриваются, согласно тибетским источникам, как комментарии Панини.

Кондог лама Агван-лобсан в своем упомянутом труде пишет, что все сутры и шастры, сочиненные после Панини и представляющие собой в какой-то сте-

Нели комментарий основник концепции Паньин, относятся к двум учениям (тиб. sgrub tshaul монг. yosun) - учению Калани и учению Чамдраны и объясняют их сутьности. Приведем его объяснение:

ka la'a pa'i sgrub tshul gyi dbang du byas nas/ brjed bya'i don daa zad ston kyang gsal bar mi ston pa lha sku'i ras tshag lt bu/ de la rkyen byin nas don gyi ngo bo tsam ston yang bya byed lugs sogs gsal par mi ston pa lha sku tsnon gyis sbras kyang/ rgyan dang sbyan dbye sogs ma tsnar ba lha bu/ de la rnam dbye sbyar nas tshig tu rdzogs par sgrub pa ni ri mo tshon gyis cha shas yongs su rdzogs pa'i lha sku lha sku lta bu'o// tsandra pa'i sgrub tshul gyi dbang du byas nas/ bya ba rtogs byed ni bying so zhes dang/ rkyen pha rol la'o/ zhes pas/ das dang don gyi bya ba rtogs shing ston par byed pa'i gzhi'o/ rtogs byed ungs ni rnam dbye ste/ de byin pa nyia kyis bar du rkyen gzhan sbyin pa la mi ltes par tshaig nyid du gsal bar grub ba'o/ nam mkha'i khams kyis sgra go 'byed pa rlang khams kyis sgra brda 'byed pa/ mo khams kyis sgra nyar ba/ sa khams kyis sgra 'tshams 'byed ba/ chu khams kyis sgra 'brel chags pa byed/ de tsam na gtogs rgyas par bdag gis ma shes so/.

монголский перевод: Талангын ёс нь онохуула хэл-
сэн шийн ёс бөгөөд... үгний гэгээгчийн үгний очуу-
хын төний үгнийсэн боловч, тодорхойлоод эс үзэхд-
бээ... нэрэг зургийн татаард нөхт босгосон мэт.
Түш-дөр нөхцлийг егч үгний мөн чанар төдийг үзүүл-
сэн боловч үгн, үгнийвэр. Үгдэгчийн ёсон төрөгчдээр
тодорхой-лоод эс үзэгдээс... нэрэг зургийг булгаар
ялгасан боловч чимэг хийгээд мэдлийн ялгаа төрөгчдэн
эс бүрдсэн мэт. Түш-дөр энгийн ялгагийг найруулж
өгүүлсэнийг гэгэсэн бүтээх нь зургийн булгаар нүвэ

-омма)». Ванзон-лодой-данба переводил еще несколько комментариев к этой главной сутре:

1. Saṅbanana udževa nāna ūbral pa m̄dor bstan pa [194, т. 194 (re), 69a-71a]. Переводил с помощью старшего брата, великого переводчика Лонзон-доржи-дзадзана.

2) Maṅkaṅgas graha nāna spuṅg blaṅg ba yang sag par v̄saus pa zles bya ba [194, т. 194, 385-100]. Эта работа была переведена в Иеначо.

3) Viḅakti karika rnam dbye'i tsnig le'ar byas ba [194, т. 194, 466-356]. Эта сутра переведена, как говорится в колофоне, по указанию bla ma dan pa s̄nos ku'i r̄duḅal po⁶ и в соответствии с указаниями старшего брата великого переводчика Лонзон-доржи-

---

4) Названия своего комментария Магваши⁷ Бая пан-цунг Лхосан-нунгва⁸ (1616-1715) дает нам очень интересную информацию: первые 18 глав этой работы прокомментированы только Ванзон-лодой-данба.

Важно отметить, что прозвище крупного тибетского ученого и религиозного деятеля XI в. Пагва ламы Гедой-дзадзана (1033-1086). Он занимал важное место в истории монгольской филологии как создатель монгольского квадратного письма. Прозвище в переводе на монгольский означает "бедзе вла-а ко-ал сауан" (благородный ламы - владелец учения). Именно такого звания был удостоен Пагва-лама от дубиган-хатана. Авторитет и влияние Пагва-ламы настолько велики в Тибете, что эта сутра вполне могла переводиться по его инструкции. Но, когда Пагва-лама не стало, переводчику было только 4 года. Однако, принимая в расчет тесное отношение Пагва-ламы к его старшему брату Лонзон-доржи-дзадзаном, можно предполагать, что перевод этой работы является прямой или косвенной отношением к великому инициатору переводов санскритских книг в Тибете.

4) Tinanta (tingga'i mtha') [ДТТ, т. 194(ре), 65а-69а].

5) Syadyanta prakriyā (si la sogs pa'i mtha'i bya ba) [ДТТ, т. 196 (се), 18-54а]. Переведена в Непаде.

Основные комментарии к сутре Капапы тоже были переведены на тибетский и монгольский языки.

1) Kalāpa laqhu vritti sisnyahaha nāma (ka la'a pa'i mdo'i 'grel pa nyun du las slob ma la phan pa zhes bya ba) [ДТТ, т. 195 (1е), 316-33а]. Автор Джогу-Дагикор (jo bo drag 'byor). Сочинение переведено Ван-ломзава-джангуб-эмо (ābang lo tsa'a ba byang chab rtshe mo). * - титул упоминаемого Ванжи-додой-ранба. В начале смал уагма и своего знаменитого дала, который основан в конце того времени, инак-ван-ломзава-джангуб-эмо, 300 лет тому назад, в 1080 году. * - автор смал уагма, рабонг Ван-ломзава-джангуб-эмо (304-310) [ДТТ, т. 195 (1е), 316-33а], перевод смал уагма переведенной, в 1080 году в 304-310 году.

2) Kalāpa sūtra vritti (ka la'a pa'i mdo'i 'grel pa) [ДТТ, т. 197 (1е), 316-316]. Переводил Ван-ломзава-джангуб-эмо (304-310) [ДТТ, т. 197 (1е), 316-316]. * - автор смал уагма, рабонг Ван-ломзава-джангуб-эмо (304-310) [ДТТ, т. 197 (1е), 316-316], перевод смал уагма переведенной, в 1080 году в 304-310 году.

3) Kalāpa unkad sūtra (ka la'a pa'i an la sogs ba'i mdo) [ДТТ, т. 198 (1е), 316-316]. Перевод выполнен Ван-ломзава-джангуб-эмо (304-310) [ДТТ, т. 198 (1е), 316-316]. * - автор смал уагма, рабонг Ван-ломзава-джангуб-эмо (304-310) [ДТТ, т. 198 (1е), 316-316], перевод смал уагма переведенной, в 1080 году в 304-310 году.

* Это, может быть, прозвище или название санскритского имени Кота Джабра Джанага.

-лапы, он жил в XII веке. Он долго жил в Непале и изучал пять малых наук - грамматику, лексикологию, поэтику, просодию и астрологию. Он специально изучал грамматическую науку и перевел несколько трактатов с санскрита на тибетский, включая *Bodhi-satt-vā-vaḍā-kaikalpata* [5, ч. 2, с. 784-785]. Впоследствии этот перевод был проверен и отредактирован его учником, упомянутым Бандон-лодзон-данба. Монгольский перевод в Дандзуре принадлежит *Samadibala*, тому, кто перевел грамматику Шанки.

В Дандзуре находим еще одно сочинение, переведенное им: *Tuādyamṭasuyaprakriyā-bijā-rita nāma* (ti la sogṣ ba'i mtha'i bya ba rnam par dpyad ba zhes bya ba) [ДТД, т. 196(се), 976-995с].

В составе Дандзура до нас дошли еще несколько сочинений Чандрагошпа:

1) *Uṛādivṛitti* (un la sogṣ pa'i grol) [ДТД, т. 194(ре), 785-88а]. Переведено известным переводчиком из Лану (shalu) Шалма-раин-ваабра (shes kyong bzang po (1441-1528)). Он был великим лингвистом и написал фундаментальную грамматическую работу на тибетском языке *rtogs kyi 'jug pi dka' gnaḥ snyin po rab grol gyi 'grol ba mtha' dpyod shes snel ne long*.

2) *Bisatyabasargavyritti* (nyes tar sgyar ba nyi sna pa'i grol pa zhes bya ba) [ДТД, т. 194(ре), 336-336]. Переведено Нима-лха-даном (nyi la rgyal mtshan) в монастыре *bral thar*.

3) *Varn-sutra nāma* (yi ge'i mdo shes bya ba) [ДТД, т. 194, 316-316]. Переведено тем же Нима-лха-даном.

Кроме того в Дандзуре находим много комментариев и этикет сочинениям Чандрагошпа. Они переведены упомянутым Бандон-лодзон-данба и составляют основную часть 194(ре) тома тибетского Дандзура.

III. Sarasvati vyākaraṇa sūtra (Тиб. brda sprod
dbyangs can gyi mdo монг. dokiy-a dokiyaldylyusan
sgešiq-na sanar) [ИД., т. 127 (se), IIб-
125a].

Коммент. к нему указан в: rgyal ba lnga pa chen
po'i skabs su 'dar tsnogs kyis a tsarya go ku la
na' a tha sogs la brten nas pa smon sro pa ngag dbrang
paṃa bzgyur ba sgra mdo dbyangs can [ИД., табудувар
Далай блан-а-йин дү-е-дар Дарба-мондоба-аг Ваг-пан-
сов-сер вогулаата теригитен-дар ситарйи орейалдузан
дауан-а санар сгеšiq-ти].

Тибетский перевод осуществлен в 1663 году упе-
кипутин Дарба-мондоба, переводившим грамматиче-
скую. Из него было явствует, что Дарба-мондоба был учени-
ком Шубога Далай-ламы при переводе этой сутры
пользовался помощью индийских пандитов. В Монголии эта
сутра получила широкое распространение на тибетском
языке и под тибетским названием Даб-гунри
(dbyangs can mdo) Монгольский перевод принадлежит Даб-гунри
Агван-танцину (Dai gūn's darqan sife teth Агуван-дан-
чил Тиб. ngag dbrang bstan 'phel 1700-1700) из колду-
на Сайна Гомон-балжора.

Основной комментарий к этой сутре - Sarasvati
vyākaraṇa sūtra vritti (brda sprod pa'i bstan bcos
sneṃ po dbyangs can bya ba [ИД., т. 127 (se), IIб-
125a], составленный Anubhūti Svarupa, переведен на
тибетский и монгольский языки теми же переводчиками,
которые занимались предыдущей сутрой.

Касаясь монгольского перевода санскритских грам-
матических работ надо заметить, что все они осуществ-
лены: в тибетских переводах и включены в соответст-
вующие тома монгольского Данджура. Мы очень мало
знаем о монгольских переводчиках, которые переводили
санскритские грамматические работы с тибетского.

Но в свете колофонных монгольских переводов можно утверждать, что достаточное количество томов, содержащих грамматическую часть дацзура, были переведены следующими переводчиками:

1. Dai gūisi sarḡan siregeti Arvanḡ-darḡil (ngag ḡbang bstan 'dḡai IXḡ-IXḡc) из монастыря (примечание) Сомон-бачар балла. (Zeg-in-abaga nar-un aimak).

2. Biligtū gūisi Libsanḡ-ligden (blo bzang legs ldan). Монахи брат Арван-дампила.

3. Bumadisila или Batsanḡ-sḡaltik (blo bzang tshai khriḡs). Монах Ракун монастыря. 18ḡ1-?

Этим подтверждается, что заморские грамматические работы были переведены на монгольский язык в 18ḡ1 году, когда в Монголии уже существовали переводчики.

В заключение следует отметить, что в настоящее время в библиотеке Института востоковедения Академии наук СССР имеется 10 экземпляров грамматики дацзура, из которых 3 экземпляра принадлежат библиотеке Института востоковедения Академии наук СССР, 2 экземпляра принадлежат библиотеке Института востоковедения Академии наук СССР, 2 экземпляра принадлежат библиотеке Института востоковедения Академии наук СССР, 2 экземпляра принадлежат библиотеке Института востоковедения Академии наук СССР.

18ḡ1 - Впервые опубликовано в журнале "Восточный вестник".

18ḡ1 - Впервые опубликовано в журнале "Восточный вестник".

литература (1, с. 138-139). Визуальность значимых этик
судёжников позволяет некоторым исследователям рассмат-
ривать их как варианты одного и того же судёжника (2,
с. 138-139, 138-139).

Традиционно классификация глагольных основ с дан-
ным судёжником (или судёжниками) проводится либо по соб-
ственной семантике глагольных основ (например, разье-
пиченне, отделенне, направление движения, полнота дей-
ствия и т.п.), либо по узко конкретной, детализирован-
ной семантике производящих основ (например, оружие

действия и материал действия, тара, предмет потребления и т.п.). В настоящей работе делается попытка применить несколько более обобщенные принципы классификации не самих производных глаголов, а производящих основ (по принципу предметности — не предметности и т.п.) и уже, исходя из этого, определять как сферу их применения, так и их собственную семантику и эволюцию.

Основной валентностью суффиксов —л и —ла является номинативная валентность, т.е. наибольшее количество глаголов они образуют от существительных. Существительные, от которых образуются глаголы, подразделяются на следующие четыре группы: 1. предметные, 2. обобщенно-предметные, 3. не предметно-конкретные, 4. ствлочные. Глагольные значения, получаемые от этих основ при присоединении рассмотриваемых суффиксов внутри каждой группы могут быть различными. Взаимосвязь этих значений с семантикой основ существительных и будет рассмотрена далее.

1. Предметные существительные. В эту группу мы для существительных, имеющие конкретные предметы, воспринимаемые органами чувств, представляющие собой законченное (или относительно законченное) целое и допускающие манипулирование ими. Глаголы, образуемые от этих существительных, занимают в себе несколько значений:

1. Действие предметом, обозначенным основой: дорд "подушка" — дордла= "класть под голову подушку", казар "узда" — казарла= "надевать узду", эмаз "седло" — эмазла= "седлать, оседлывать"; аргагша "горевна" — аргагшала= "привязывать"; таха "подкова" — тахала= "подковывать" и др.

2. Действие направленное на предмет, обозначенный основой: абдар "сундук" — абдарла= "класть в сундук", "кольцо, петля" — сүлө= "влезать в кольцо",

режина", 3. "засов, замок" образуется глагол *засов-* с тремя значениями 1. "запирать на засов" (действие предметом), 2. "донать переключателю" (производство предмета) и 3. "сказать что-либо поперек". Третье значение предполагает особый интерес, так как оно, отрываясь от конкретно-предметного значения существительного приобретает более отвлеченный характер. Более высокую степень абстракции демонстрируют и следующие глаголы: *эссегиз* = "известить" (но не "посадить цветок", не "вырастить цветку" и т.п.) от *сэсэг* "цветок", *буурсагна* = "бить (или становиться) плодоносным (о растении)" от *буурсаг* "плод, семя", *дойбог* 1. "шахи", 2. "клетки на шахматной доске, шахматный узор" - *дойбогис* = "сказать что-либо в шахматном порядке". Аналогичные примеры с суффиксом *-и*: *дугарга* (и) "чарка" - *дугаргаи* = "напивать чарку и подавать ее" (совмещение действия предметом и действием направленного на предмет), *тогтоо*(и) "котел" - *тогтооси* 1. "кипятить в котле", 2. "варить в котле", *уурхай* "гнездо (белочье)" - *уурхайи* = "гнездиться" (но не "строить гнездо" или "накочиться в гнезде"); *гарьха* "кольцо" - *гарьхай* = "обвиваться вокруг чего-либо", *орой* "вертушка", "голова, теля" - *оройи* = "возглавлять", и др. Развитие переносных значений также ведет к усилению отвлеченности в семантике производного глагола: *зүрхэ*(и) "сердце" - *зүрхэй* 1. "отважиться, решиться, набираться смелости", 2. "прилагать усилия".

Выходят за рамки узкой конкретности и единичные глаголы, образованные от одушевленных существительных, заключающих в себе наименование-характеристику: *балмагна* = "дурить, озорничать, суляброшничать" от *балмад* "суляброк/сулябродный", *бөөлө* = "петь, шаманить, камлать" от *бөө* "шаман"; *долдог* =

"быть болтливым" от долгой "болтун, говорун" и др. Эти выходы за пределы конкретности и создают предпосылки к дальнейшему расширению сферы употребления суффиксов -л и -ла.

Существенным свойством глаголов первой группы в целом является близость их значений к синкретическим глагольным формам существительное/глагол, обладающим тем же набором значений [3]. Именно эта близость к синкретическим формам, а также характер лексического слоя, обозначающего бытовые реалии и предметы, связанные с производственной деятельностью — охотой, скотоводством и т.п., позволяет сделать предположение о верности данных значений, придаваемых производным глаголам суффиксами -л и -ла.

II. Обобщенно-предметные существительные. Эти существительные обозначают реалии, представляющие собой вещество, совокупность каких-либо предметов, видовые названия каких-либо классов предметов, явления природы, ландшафтные образования и т.п. Глаголы, образованные от этих основ, обладают следующими значениями:

I. Действие предметом, обозначающим основой. В эту подгруппу попадают глаголы, образованные от существительных, обозначающих вещество, которое в данном случае служит материалом: земл= "медь" — земл= "покрывать медью", шел= "стекло" — шелл= "стеклить, остеклять"; гуул(и) "бронза" — гуулл= "покрывать бронзой или латуной". Эти глаголы, несомненно, близки к глаголам в I. I, но далее, в глаголах от других основ степень обобщенности действия увеличивается: сэрел "войско, армия" — сэрелл= "воевать", замсел "орудие, инструмент" — замселл= "оснащать"; мажа "серебряная оправа для ме-

1. Глаголы, направленные на объект, обозначающие судосудительность: глаг "середина, центр" - глаголе= "занимать центральное место", глаг "орек" - глаголе= "договариваться (уговариваться) в среде (времени)", глаг "год" - глаголе= "провести или провести год", глаг "промежуток, интервал", "перерыв" - глаголе= "делать перерыв", "оставлять промежуток" и др. Как видно из этих примеров, глаголы с судосудительностью по-прежнему образуются комбинированно со судосудительными в пространственно-временными значениями. Глаголы с судосудительностью более разнообразны, хотя и немногочисленны: глаголы "загадка" - глаголе= "загадывать, загадывать", глаголы "отгадка" - глаголе= "отгадывать, разгадывать", 2. "делает отговорку", глаголы "отма, вым, отмачивание" - глаголе= "рассматривать, отмачивать, рассматривать".

2. Глаголы, обозначающие объект обозначения судосудительности: глаголы "предание" - глаголе= "предсказывать", глаголы "предсказание, предсказание" - глаголе= "предсказывать, предсказывать", глаголы "крик, крик" - глаголе= "кричать, кричать", глаголы "молитва" - глаголе= "молиться, молиться", глаголы "объявление" - глаголе= "оповещать, объявлять", глаголы "сплетня" - глаголе= "сплетничать" и др.

Отличительным признаком глаголов третьей группы оказывается одно парадоксальное, на первый взгляд, явление. Если в первых двух группах степень конкретности судосудительности была существенно выше в сравнении с производными от них глаголами, то в третьей группе более конкретными оказываются именно глаголы, обозначающие вполне конкретизированные действия, в то время как существительные обладают более высокой степенью отвлеченности, так что могли бы рассматриваться ско-

Круг прилагательных, к которым присоединяется суффикс -я широк и разнообразен: бушуу "быстрый", проворный" - бушуул= "делать что-либо быстро, торопиться", дулаа(н) "теплый" - дулаал= "согреть, греть, утеплять", "одеваться потеплее", зою "гостеприимный" - зоюл= "принимать, угощать, потчевать гостя", тарган "жирный" - тарган= "жиреть, тучнеть, полнеть", эрез(н) "пестрый" - эрезл- 1. "быть пестрым, пестреть", 2. "испещрять, делать пестрым".

II. Оценочные прилагательные. Прилагательные этой группы представляют собой слова, оценивающие или характеризующие объект по какому-либо внутреннему, присутствию ему качеству, не обладающим конкретным воплощением в признаках, воспринимаемых органами чувств. Эти прилагательные обозначают также же оценочные понятия как и существительные четвертой группы. II, также как и существительных четвертой группы и прилагательных первой группы, потому что данным прилагательными обозначают различные качества с различной направленностью действия. Действие может быть направлено вовне: дуу "любимый" - дуулаа= "любить", таамаг "предпожигательный" - таамагга= "предпожигать, поджигать", дууаг "морозительный" - дууагаа= "закалывать, бесконечно мучить", уймаг "сумасбродный", безрассудный" - уймагга= "поступать безрассудно, сумасбродничать", колхоз 1. "беззаботный, беспечный", 2. "праздный, разгульный", - холжорас= 1. "вести беззаботный образ жизни, жить беспечно", 2. "жить праздно, разгульно"; тэрхээ "несоконовый" - тэрхээл= "ерзать, вертеться, барахтаться (о рыбе)", действие также может быть направлено на создание самого качества (вариант "самонаправленного" действия): ариг "чистый, сияющий" - аригла= "очищать, чистить", аргаг "надоедливый, неприятный" -

ярнагла= "надседать, докучать"; онос "особенным, особым" - оносол= "отделять, обособлять, выделять", элкрэйк "ясный, явный" - элкрэйла= "выяснять, выявлять, приводить в ясность, обнаруживать".

Таким образом, значения глаголов, образованных от прилагательных, соответствуют значениям глаголов от третьей и четвертой группы существительных. То есть, прилагательные по степени интенсивности/абстрактности приближаются к наиболее отвлеченным существительным, что и отражается на прилагательных от них глаголах.

Суффиксом -и и -ла обладает также и ряд непродуктивных валентностей, в том числе и адвербиально. При образовании глаголов от наречия мера употреблена для обозначения действия, суффикс -ла употребляется и определительными наречиями, обозначающими способ действия или же меру и степень действия. Семантика производного глагола заключается в реализации способа, меры или степени действия, обозначенного наречием: глагол "воронить" - глагол "визитиваться в одну линию (напр., с лезвием пилы)", глагол "верно, верно, достоверно" - глагол= "удостоверить, уточнить, выяснять", глагол "отчетливо, четко" - глагол= "уточнить", глагол "никого (себе), лично, посредственно" - глагол= "печатать что-либо на глаз", "знать что-либо приблизительно".

Суффиксом -и образует глаголы в основном от обстоятельственных наречий места и времени. Значение производного глагола определяется как действие, направленное на объект (место или время), обозначенное исходной основой, т.е. наречием: глагол "вне, снаружи" - глагол= "выходить наружу", глагол "вниз, книзу" - глагол= "идти (ехать) вниз", "опускаться", глагол "сюда, поближе" - глагол= "приближаться сю-

да", еедэ "вверх, кверху" – еедэл= "идти вверх, подниматься", эртэ "рано" – эртал= "собираться куда-либо спозаранку, пораньше".

В единичных случаях глаголы с этим суффиксом образуются от других разрядов обстоятельственных наречий, например, от наречий цели: зорёон "наочно, намеренно" – зорёон= "делать наизно, поступать наперсмор".

Таким образом, по своему обобщенному значению, глаголы, образованные от наречий, аналогичны глаголам от непредметно-конкретных существительных (II, 1, 2).

Глаголы с рассматриваемым суффиксом образуются и от близких к наречиям по своим функциям местоименных частиц-приветов 4. Особенность функционирования этих суффиксов, в данном случае, состоит в том, что они превращают частицу-приветок в обстоятельственное слово, в то время как означенная часть слова остается неизменно заимствованной от исходного глагола. Например, бута – уединенно или кочина три глагола со значениями "разобрать, разрушить, разломать" и т.д.: бута союмо "разбить, разрушить", бута дарана "разбить", бута дэбискоэ "растолочь", бута мадеке "разломать". Отсюда: бутал= "раздробить, разбить, разкрошить; колоть, размолоть". Абсолютное большинство таких глаголов от частиц обладают семантикой разрушения, размалывания и т.п.: буса союмо "разбить, раздробить", буса гомине "растолочь" – онеал= "раздавить, смять, размякать", нуса союмо "разбить вдребезги" – нусал= "разгнать, размельчить, растолочь", нига гатама "осаждать, оларанивать" – нигтал= "осадить, осрать (гому на море)", оло карбана "прострелить" – олол= "рубить поперек, срезать, перерезать", нонто гатама "отливать", нонто

ожики "включать" - колтол= "отдирать, отламывать".

У суффиксов -ла подобные частички встречаются несколько реже: заа татаха "разрывать, отрывать" - заала= "разрывать", "раздвигать", куу татаха "отрывать, срывать" - куука= "отирать, срывать".

Несмотря на то, что глаголы обозначают "действие, направленное на предмет", но этот предмет не назван. Основой глагола и основой данной частички не имеют аналогов среди всех рассмотренных выше образований и представляют собой самостоятельное явление. Речь суффикса обстоит в данном случае лишь в придании частичке грамматического глагольного значения, а семантика основной глагола может замещаться без изменения значения, развиваясь, претерпевая некоторые изменения, образуя новые значения: тапа сабхака "отрубать, отрезать" - такал- I. "отрезать", II. "перерубать", "примазывать", III. "лишать", IV. "разбирать".

Возникшее из частички полноконечное слово-глагол встречается в составе с приставкой с- и формообразованием и от него могут образовываться другие слова, принадлежащие к иным грамматическим разрядам слов: кака сурака "разрезать, разрезать, прорезать" - какал- "разрезать вдвое, перерубать пополам, разрывать надвое" и далее: какалаата I. "колотый, расколотый", II. "вспаханный"; какалапта= страд. залог I. "раскалываться", II. "раскалываться"; какалалга I. "колна", II. "вельшка"; какалбарк "линия, разделяющая что-либо; проаль"; какалбарил= "разделать, раскопывать"; какалбарки= "разрезать надвое, рубить, разорвать, расколоть" и т.д.

Глаголы, образованные от числительных, междометий и звукоподражательных слов, с суффиксами -л, -ла по своей семантике аналогичны глаголам от существительных III. 2 группы, поскольку обозначают дей-

стве, реализующее объект, обозначенный соответствующими основами: хоёр "два" - хоёрло= "разделить на две части (т.е. сделать два)", гурбан "три" - гурбал= "разделить на три части"; сог (мелодетне, обозначающее громкое восклицание), - согло= "окивать, кричать (т.е. производить крик)"; хааг (звукотражание карканья) - хаагла= "каркать (о воронах)" [2, с. 126, 127].

И, наконец, суффиксом -л и -ла, являясь одним из самых продуктивных глаголообразующих суффиксов, образует абсолютное большинство глаголов от русских заимствований в бурятском языке. Различия между суффиксами -л и -ла при употреблении с заимствованными словами достаточно отчетливы. Во-первых, глаголов с суффиксом -л, образованных от заимствованных слов, больше, чем с суффиксом -ла.

Во-вторых, если суффикс -л присоединяется как к существительным так и к глаголам, суффикс -ла присоединяется только к глаголам. Во-третьих, производные глаголы с суффиксом -л являются действительными, а с суффиксом -ла - страдательными.

1. Действие, направленное на предмет, обозначенный основой "бетон" - бетонол= "бетонировать", замар "замок" - замарла= "замарать", наряд "наряд (на работу)" - наярла= "делаать распорядки, наряжать на работу", сакар "сакар" - сакарла= "делаать сакар".

2. Действие, направленное на предмет, обозначенный основой: завтрак "завтрак" - завтрагла= "завтракать", обед "обед" - обедло= "обедаать".

3. Производные предмета, обозначенного основой: абзац /абзац" - абзацла= "делаать абзац", акт "акт" - актла= "оставляать акт", бригадир "бригадир" - бригадирла= "быть бригадиром", сумарь "су-

карьла= "судить сукари".

От небольшого количества обобщенно-предметных и неопредмеченно-конкретных заимствованных существительных образуются глаголы со значением действия, реализующего предмет или объект, обозначенный основой: номер "номер" - номерно= "номеровать", сорт "сорт" - сортно= "сорттировать, рассортировать", сууд "суд" - суудла= "судить", штурм "штурм" - штурмла= "штурмовать".

Эти примеры свидетельствуют о полной идентичности функций и семантики суффикса -ла в исконно бурятских и в заимствованных глаголах.

Функция суффикса -л при присоединении к заимствованным основам различна. При присоединении к глаголам, а в основном глаголам являются глаголы с суффиксами -ола, преимущественно являющиеся заимствованными и в русском языке, показатель инфинитива -ть отбрасывается и на его место подставляется суффикс -л. В этом случае роль этого суффикса сводится к адаптации иноязычного глагола к бурятскому языку. Исконная основа слова грамматического значения не меняет: блокировал= "блокировать", бойкотировал= "бойкотировать", вентилировал= "вентилировать", голосовал= "голосовать", группировал= "группировать", "сгруппировать", заседал= "заседать" и др. Глаголы другого типа заимствуются крайне редко: окислял= "окислять", дежурил= "дежурить".

Заместованные имена, к которым присоединяются суффиксы -л, в большинстве случаев представляют собой отвлеченные существительные, а глаголы, образующиеся от них, с семантической точки зрения представляют собой реализацию понятия, заключенного в исконной основе: амнистия - амнистиял= "амнистировать", гарантия - гарантиял= "гарантировать", команда - командал= "командовать" и др.

От небольшого количества предметных существительных образуются глаголы со значением действия, направленного на предмет, обозначенный основой и действие предметом, обозначенным основой, то есть соответствует группам I, I, 2 глаголов бурятского языка: база "база" - базаат = "закладывать базу", "класть в основу", борной "борной" - борнойт = "боронить", буулик "булика, коврига" - бууликат = "разделять тесто", сулка "сулка" - сулкаат = "класть в сулку", сулка "сулка" - сулкаат = "класть в сулку".

Во всех этих случаях функция суффикса -а замечается, во-первых, в адаптации заимствованного слова бурятским языком, а во-вторых, в переводе слова на одной грамматической категории в другую. Суффикс -а и в этом случае, как и при употреблении с исконно бурятскими словами демонстрирует синонимичность к передаче более стилистически тонкой.

Так же обстоят дела с глаголами "в том, что касается" и "в том, что касается" и "в том, что касается" и "в том, что касается".

1) суффикс -а - от существительных-предметов бурятского языка и от существительных-предметов русского языка: "буулик" - "бууликат", "сулка" - "сулкаат", "буулик" - "бууликат", "сулка" - "сулкаат".

2) суффикс -а - от существительных-предметов русского языка и от существительных-предметов бурятского языка: "буулик" - "бууликат", "сулка" - "сулкаат", "буулик" - "бууликат", "сулка" - "сулкаат".

При употреблении суффикса -а в -а в существительных и глаголах, в некоторых случаях глаголы являются синонимичными, а иногда и образуются из существительных-предметов бурятского языка. Так же, как и глаголы "бууликат" и "сулкаат" являются синонимичными.

... ..

... ..

... ..

... ..

... ..

... ..

... ..

Этому кругу составляют глаголы, значения которых означаются как бы продолжением, следствием значения, заключенного в основе: глаг "дом" - герлс- I. "мекитсья" (то есть, "создать дом, семью") и 3. "вставитсья в рамку" (то есть, как бы "создать "дом" для фотографии, картины") - это второе значение близкое к первому своему; дали "крылья, крыло" - данка= "манать руками", "манить, звать рукой", "привлечать",

Вместе с тем, в подобных примерах, переносное значение возникает не столько на базе семантики исходной формы, сколько на представлениях носителей языка о взаимосвязи явлений реального мира и метафоричности мышления: зурма(и) "сердце" - зурнал= 1. "отраживаться, решаться, набираться смелости", 2. "прилагать усилия", наде "глаз, глаза" - надед= "повалиться куда-либо", орой "вершина, верхина", "голова, темя" - оройт= "возглавлять, быть во главе", остгой "голова" - остгойт= 1. "находиться во главе, править", "возглавлять, руководить", 2. "вершить", 3. "быть главарем", 4. "направляться" и др.

Необходимо отметить, что в целом, возникновение переносных и разветвленных значений при образовании глаголов возникает реже, чем при образовании именных частей речи и наречий.

Сопоставление глагольобразующих суффиксов -л и -а выявляет несомненную семантическую близость двух формантов. Незначительные различия отмечаются в степени отвлеченности тех основ, к которым они присоединяются и, соответственно, степени отвлеченности производного глагола, а также в сфере функционирования, выявленной выше. Эти различия представляются достаточными, чтобы считать данные суффиксы различными формантами, а не фонетическими вариантами одного показателя, что, впрочем, не является проблемой первостепенной важности.

Более существенным выводом следует признать высокую семантическую стабильность обеих суффиксов, состоящую в том, что значения производных глаголов от всех четырех групп существительных, двух групп прилагательных и других грамматических разрядов слов, в сущности представляют собой модификации трех зна-

ченик, виденник в первой группе и, как уже отмечалось выше, весьма близки между собой.

Семантическое развитие рассмотренных суффиксов носит, таким образом, лишь количественный характер, эволюционируя от суффикса конкретно, например, "производства предмета" до отвлеченной "реализации понятия", от "самопроизводства" до "самореализации", что определяется семантикой производящей основы, ее конкретностью или же отвлеченностью.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Грамматика бурятского языка., 1932.
2. Дондуков У.-Ш.М. Суффиксальное словообразование частей речи в бурятском языке. Улан-Удэ. 1931.
3. Чариков С.М., Эргман Л.В. Семантика основ типа глагол/существительное в эвенкийском и английском языках // Языковые единицы и методы их исследования. Л., 1988.
4. Чариков С.М. Наречные слова и частицы в системе частей речи бурятского языка // ВМ, 1981, 3.

Н. Чойнаа

К ВОПРОСУ ЭВОЛЮЦИИ АФФИКСАЛЬНОЙ МОРФЕМЫ МОНГОЛЬСКОГО ЯЗЫКА

Для теории языка, в частности, структурной характеристики слова первостепенное значение имеет анализ его словообразовательных элементов на уровне корневых морфем. Изучение словообразовательных суф-

фиксов монгольского языка в диахроническом аспекте, в сравнении с родственными языками — древнетюркским, маньчжурским и другими алтайскими языками в определенной мере проливает свет на морфемную и словообразовательную структуру слова и помогает расчленению отдельных синхронно неделимых суффиксов на составляющие части — морфемы.

В данной работе сделана попытка рассмотреть этот вопрос на примере аффиксальной морфемы — *san* (-*sän*), которая отличается значительной продуктивностью, прокладывая большой эволюционный путь и дающей удивительную возможность для возникновения нового класса слов с окончанием — "э" в современном монгольском языке.

Впервые в советской лингвистике рассмотрению имен существительных в отношении словообразования, рассматриваемой суффиксальной морфемы посвящена работа транжову. Причем в книге подчеркивается только один и тот же пример: слово "пана", русские "панель" и др. и другие. Например, Н. Нопча в ее сочинении монгольском языке пишет: Суффиксальная морфема "э" суффиксальна — *san* (-*sän*) имеет значение уменьшительности и употребляется чаще. Например: *nilbusan* от *nilba-*, *kojesan* от *koje-* (1, с. 37). А. Динцэ в своей работе "Монгольские суффиксы" пишет: "Суффиксы — *san* и *san* образуют слова, выражающие уменьшение, например: *шүү* — *шүүсэ* и т.д." (2, с. 130). Такой рода замечание мы находим в работах В. Бамбаева (3, с. 20), Г. Сикае-орина (4, с. 30), А. Дундурова (5, с. 31), Р. Танголова (6, с. 90) Туваканова и др. Однако эти авторы признают наряду с образованием на —э от глагольной основы наличие образования на —э и от именной основы. В качестве примеров они приводят слова: *ая* — *аясэ* окраска, краше", *дур* — *дурсэ* "дурно", *идэ* — *идэсэ* "хорошо", *алу* — *алусэ* "хорошо"

образуют производные слова как от основ глагола, так и от основ имени, имеет в монгольском письменном языке два варианта: - э (агжааэ - "утомление", алдаэ - "погрешность") и - эий (буудай, ~~...~~ (7, с. 96-98). Примечательно, что в "Монгольском словаре монголов" (ОСМ) зафиксирован звук при образовании этого суффикса и одной и той же основе слова. А. Вонд отмечает, что в ОСМ слово "гора" встречается в двух видах: *байлауэ* и *байлауэий*. Однако в названном письменном памятнике мы находим не *боргу байлауэ*, а *боргу байлауэий*.

Теперь рассмотрим приведенные выше названными исследователями слова *эй-эйэ*, *тэр-тэрэ*, *...* - *...*. Транскрипция этих слов старомонгольского монгольского языка имеет вид: *эйэ* - *эйээ*; *эйэй* - *эйэйэй*; *кэй* - *кэйэйэй*. Очевидно, что обозначенная в словах *эйэ* и *кэйэ* суффикс -э представляет собой что-то разное с суффиксом -ий, полагаем, что суффикс -э, встречающийся в словах *эйэ*, *агжааэ*, не имеет связи с суффиксальной чередой - *эйэй*, а тем не менее связан с суффиксом множественности -э.

Рассмотрим зафиксированную морфему - *эйэй* (-эйэй) более подробно, для чего проследим зафиксирование в различных словарях слова древнеписьменного монгольского языка с суффиксами - *эйэй* (-*эйэй*) и -*эйэй* (-*эйэй*). Из анализа этого своеобразно отобранного материала явствует, что эти суффиксы обладают большой продуктивностью в древнемонгольском языке и выступают в качестве словообразовательных единиц для названий растений и животных, их частей, тканей, органов и выделяемых или различных веществ.

Названия растений

В письменном монгольском языке	В современном монгольском языке
1. Olusun --> olusu	оле "монголь"
2. buryasun --> buryasu	бургае "ива"
3. sayilasun --> sayilasu	хайнаас "ли"
4. culusun --> culusu	гүлс "бархуу"
5. gylesun --> gylesu	гүйтс "ландар"
6. monusun --> monusu	монс "черемуха"
7. ceresun --> ceresu	дэрс "чир"
8. carasun --> carasu	цэрс "жуе"
9. caryusun --> caryusu	каргае "шишорка"
10. jegesun --> jegesu	зэгс "калан"
11. temsiin --> temdsü	тэмс "картофель"
12. narasun --> narasu	нарс "соева"
13. alirsun --> alirsu	алирс "буреница"
14. mayilasun --> mayilasu	майле "никоти"
15. uliyasun --> uliyasu	улиэс "соя"

Названия частей растений

1. andhasun --> andhasu	үндэс "ствол"
2. dārsun --> dārsu	түрс "корь"
3. hysun --> hysu	үлс "береза"
4. calisun --> calisu	халс "ветвь"
5. coltasun --> coltasu	хольтс "кора"
6. örgesun --> örgesu	эргэс "листва"
7. silmāsun --> silmāsü	шилмүүс "цвет"

Названия животных

1. görügesun --> görügesü	гөрөгэс "аистолова"
2. adayusun --> adayusu	адүүс "животное"
3. iiyasun --> iiyasu	заягс "рыба"
4. šilügüsün --> šilügüsü	шилүүс "птица"
5. nuyasun --> nuyasu	нүгэс "утка"

6. manggisun ---> manggisu
7. vaqayisun ---> vaqayisu
8. qorbusun ---> qorbusu
9. bayitasun ---> bayitasu

- мангис "бароук"
 вақайис "чиркая эвизья"
 қорбус "тағайеринки"
 байитас "байитас"
байитас "байитас"

Назарики қадамда рега, қўлдан келтирилган
 қўлдан келтирилган

1. yasun ---> yasu
2. qabuisun ---> qabisu
3. yuursun ---> yuursu
4. ayyusun ---> ayyusu
5. ususun ---> ususu
6. gedestün ---> gedesti
7. söstün ---> sösti
8. şirbüstün ---> şirbüsti
9. tönüstün ---> tönüsti
10. sudusun ---> sudusu
11. mögersün ---> mögersü
12. küystün ---> küystü
13. qayirsun ---> qayirsu
14. arusun ---> arasu
15. köristün ---> köristü
16. nousun ---> nousun
17. üsün ---> üsü
18. qdlusun ---> qdlisu
19. kimusun ---> kimusu
20. kilyusun ---> kilyasu
21. ungyusun ---> ungyasu
22. dabusun ---> dabasu
23. öisun ---> öisu
24. köüstün ---> köüstü

- я: "yasu"
 қабис "qabisu"
 уурс "yuursu"
 айуус "ayyusu"
 усус "ususu"
 гедест "gedesti"
 сөст "sösti"
 ширбүст "şirbüsti"
 төнүст "tönüsti"
 судус "sudusu"
 мөгерс "mögersü"
 күйс "küystü"
 қайис "qayirsu"
 арус "arasu"
 көрүст "köristü"
 нус "nousun"
 үс "üsü"
 қдлус "qdlisu"
 кимус "kimusu"
 килүс "kilyasu"
 унгу "ungyasu"
 дабус "dabasu"
 исе "öisu"
 көст "köüstü"

В так называемом Пятиязычном словаре представлено очень много слов на -sun (-sün), обозначающих названия растений и животных.

Для полной характеристики корневых субстантивов, образованных при помощи алломорфных словообразовательных морфем -sun -su-s необходимо привлечение материала из алтайских языков. В связи с этим позволимся на основе сравнительного анализа упомянуть корневые морфемы у части приведенных выше слов. Например, для уточнения корневых морфем слов olusu (олс), baryasu (буртас), çayildsu (хайлаас), güylesü (гүиле) и других, т.е. корневых морфем, образовавшихся после отторжения суффикса -su, приложит на помощь материал диалектного языка, в котором эти слова имеют следующие звуковые оболочки: olo (оло), barya (буртас), kailan (кайлаас), güilehe (гүиле). Третьим источником значения корневых морфем слова çantausu является Иранский словарь, в котором в качестве синонима английского слова приводится слово түдүтүз (srib-tshü). Третье слово түдүтүз ар "телевизионная станция", а түдүтүз : түдүтүз "лес, чаща". Это означает, что при передаче русского эквивалента, по-видимому, затеряно значение корневых морфем монгольского слова, т.е. основа слова çantausu имеет значение кан-тай "проекти". Подобным образом образовано слово наре-nagan + su. Известно, что при соединении к слову с основой на -n су -a -sun (sün) конечная -n основы отпадает. Например: çayın + sun = çayısun çayısın - "траг", усу + sun = усун. В диалектном языке слово ёс имеет значение "порядок, церемония", а в уйгурском языке слово uonla обозначает ёс тертай бап "соблюдать церемонии, порядок". Обращение к материалу алтайских языков даст возможность уточнить значение и выч-

ленить многие корневые и словообразовательные морфемы:
МОНГ. гөрөөс - маньч. gürüü МОНГ. шилүүс - маньч.
silün, МОНГ. гэдэс - маньч. gadaqa, МОНГ. сорлууц -
маньч. solnin сөс - маньч. silki шүтэ - маньч.
silenggi МОНГ. балгас - эвен. balaγan тунг. balγu
- КО]. polg-avi.

Слова на морфем и гласных знающие корневые морфемы
всегда трудно, но иногда на различиях фонетик и морфо-
логических данных можно установить некое значение та-
ких морфем. В качестве примера возьмем слово usur

усур, в тунгусском - бурта, в монгольском языке усур

usur, в монгольском на срединных словах - fur-suk ---
fū - sin --- usin --- usin.

монг. усур - fur (suk) монг. усур, в тунгусском

Дибс А. В.

НЕКОТОРЫЕ ЗАЙМСТВОВАНИЯ В СОМАТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКЕ МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ

Хотя соматическая лексика относится к базисному лексическому фонду, наименее подвергающемуся заимствованию, богатая межъязыковыми контактами история языков алтайской семьи обуславлила значитель-

ный объем заимствований в этой лексической группе на разных хронологических срезах. Ниже приводится ряд этимологий слов монгольских языков, имеющих сложную историю, от отдельных заимствований в конкретные языки до заимствований в общесеверо-монгольский и, возможно, в общемонгольский. Автора в особенности интересовали заимствования из тюркских языков, для которых в ряде случаев удается определить конкретный источник.

Ср.-монг. MA 201 *zaiis* 'пах' (чаг. *uaxa*) - заимствование из чаг., восходящего к тюрк. *zaiis-*z* 'пах' ЭТЯ IV 000, монгольским соответствием которого является н.-сев.-монг. **z/zai/ai*-*a* (< *zaiis-*a*?): писем.-монг. *zai* 'пах'; сев.-монг.: халха *цавь(н)* 'пах человека и животных', бурят. *цами* 'пах', *цаби* 'положение при сидении, когда ноги сложены крест-накрест'; диал. Буд. 50, 54 *цами* (Булуца), *цами* (Алят, Улзетуй, Тангут, Осуца, Нельгай), *цамя* (Цолга, Зангин), *цамя* (Булуца) 'пах'; калд. *цэвэ* 425a *цэвэ* 'паховая часть животных и людей; светлая шкура под животом до бедер'; ордос. 30 697: *цэвэ* 'пах'; внутр.-монг. Ненд.-Тум. 352 *цэвэ* 'пах'. Глухой рефлекс начального согласного в большинстве языков может быть обусловлен переносом придыхательности из срединного сочетания. Монг. слово, в свою очередь, заимствовалось в ряд тюрк. языков: уз. *чов*, ккал. *шам*, кир. *чап* 'пах'; из бур. (как разделочный термин) заимствовалось як. *самык* 'крестец, поясница, забедры, круп, стусок (часть шкуры)' Нен. 2086.

Халха *хас* 'внутренняя сторона бедра' - возможно, морфологически перестроенное заимствование из тюрк. *haxik 'пах' (с которым см. Дубо Ур.).

Могол. (*Zirni*) *цэвэ* 'объятия', *цавэ*. *цавэ* 30 *цэвэ* - заимств. из тюрк. *caḡas* 'объятия', с развен-

тем объема значения по подобию перс. *šarūn* 'подмышка, объятля'.

Монгол. *кал. мого* 25 *šarūn* 'колено, внутренняя сторона колена': вряд ли верно предположение Г. Рамстедта о связи с афг. *šarūn* 'локоть, предплечье'. По-видимому, заимствовано из тюрк. (в качестве названия подколенной ямки), ср. уз. диал. Кор. III 99 (Ург.) *чонкур* = уз. литер. *чукур* 'яма, впадина' из перс. *šūyār* 'тж.'.

Монгол. *см* 220 *šarūn* 'шнурок' - заимствование из тиб.: лит. тиб. *šarūn-*šarūn*, см. *Лексикон тиб.-монгол.*, с. 60.

Калка маяа 'шейка лопатки', бурят. *байла (заимствовано в як. *байла* 'нижний край лопатки'); калм. *байла* (294) *байла* - *байла* 0 'мясо с плоской части лопатки, нижний, острый край лопатки', (Джанг. 210) *байла* 'головка лопатки', КРС *байла* 'острости позвонков; мясо на плоской стороне лопатки; нижний хрящевой край лопатки' - ср. кит. (Шань, II 721) *байла* (*байла*) *байла* 'ребрышко, коплетка на ребрышке'.

Калм. *Квб* 157а *šarūn* 'шнурок', *šarūn*, *šarūn*, *šarūn*, 155b *šarūn* 'шнурок'; ст.-калм. Джанг. 247 *шур* 'запястье'; по *Вост. Квб* - из письм.-монг. *шур*, *шур*. Производное *Квб* 157а *šarūn-d^e-хэ* 'брать, хватать за запястье, держать за предплечье'. По-видимому, тибетское заимствование через медицинскую терминологию: ср. монгол. *шур* 'свет, луч' из тиб. (Лхас. 'од) 'луч' *šarūn*-*šarūn* *šarūn*-*šarūn* 51 (ср. лучевая кость, лат. *radius*).

Письм.-монг. *Ксв* 365 *šarūn* 'ластовица'; калм. *Квб* 283b *šarūn*, *šarūn* 'головка рукава, подмышка рукава'. Генетическая связь, предполагаемая Рамстедтом, с тунг. *ого* 'подмышка' исключается, т.к. тунг. *ого* < *hawī-. Очевидно, заимствование из

ма. ого-да 'ластовица, выемка для рукавов' (локативное имя от ого 'подмышка') ССТМЯ II 6.

Ср.-монг. Ст. Сл. 43 qari 'локоть', Ш. 444 a(a)ri 'рука'; МА 294 qari-la- 'мерить локтями', сев.-монг.: бурят. хари, хари сэмгэн (зап., Буд.78 - Булу-са), хардин сэмгэн 'берцовая кость, трубчатая кость'; производное *xari-tu (прилагательное): писым.-монг. qaritu 'плечевая кость', сев.-монг.: калжа харыт 'то же', бурят. харти 'берцовая кость передней ноги животного'; харыта сэмгэн Буд. 78 - Зангин, Галтай 'берцовая кость'. Заимствовано из тюрк. qarī 'верхняя часть руки ⇒ предплечье ⇒ локоть (мера)'. Конкретные источники заимствования для ср.-монг. - скорее, чагат.; для современных языков, заимствовавших слово как разделочный термин, это кыпчакские языки, имеющие аналогичный разделочный термин qarībo.

Монг. *boqes: ср.-монг. Козин 33 221 bokse 'задняя часть туши животного', МА 123 bokse 'хатес', писым.-монг. Ков 1252 bokse(n) 'задница'; сев.-монг.: калжа беге 'зад, задняя часть чего-л.', бурят. бурсе 'зад'; калж. Ков 55b bokse² 'achter, Hinterteil, Gesesse'; внутр.-монг. Нейл.-Тум. 304 boqes² Б 'нижняя, задняя часть тела'; южн.-монг. дагур. Поппе 72 бурсу, Тод. 128 бурсу, бурсе 'зад, нижняя часть туловища'. Заимствовано в тюрк. языки (начиная с чаг. периода, см. boksa hāv. VENT 83b, ЭСЯ II 213 - со значением 'нижняя часть туловища, зад'), в ТМ языки (звенк., ма. буксу 'зад, окорок' ССТМЯ I 104). Сомнительно предположение Г.Рамштедта (Ков 55b) о связи с монг. bokī- 'быть согнутым, кривым'. Возможно, результат контаминации с этим корнем (вследствие народной этимологии) - бур. зап. бұхе 'зад', бұхе-бше 'подушка для сидения'. Вряд ли также имеет отношение к boqes(n) ср.-монг. форма bokdeñi ~ bokdeñi 'бродячих' Козин

ᠰᠤ ᠰᠠᠰᠤ (вопреки Козину, семантически абсолютно с ним
 несводимая). Слово *ᠰᠡᠭᠡᠢ* (и), очевидно, заимствовано
 в качестве эфемизма (и вторично отнесено к и-осно-
 зам) из тюрк. *oqsaq* (ЭСТЯ II 214; др.-уйг., ср.-
 уйг.) 'живот' (< *oqsaq-āq, производное с димину-
 тивным/основобразующим суффиксом от незафиксированного
 *oqsaq. Старое производное от той же основы, с зако-
 номерным (Хелимокли СТ) развитием **-sa-* > *-gr-*, име-
 ем в тюрк. *oqsar 'почки' ЭСТЯ II 205-207 (заим. в
 ср.-монг. Ут. сл. 21 *oqsar* 'почки') - этимолог ко-
 торого в монг. языках является *oqsar 'почки, пе-
 рен. бок': ср.-монг. Козин ᠰᠤ 221 *oqsar* 'почки'
 (в двух местах текста в одной и той же поговорке:
oqsar-in oqsar-ur, / *oqsar-in oqsar-ur* 'пусть
 почки отойдут к задней части туши, а лопаточная
 часть¹ - к передней', в смысле "пусть будет восста-
 новлен порядок"); Лейд. 1266 *oqsar* [oqsar] 'поясни-

¹ Вряд ли правильно считает Л.А.Козин, что име-
 ется в виду различие между почетной (лопаточной) час-
 тью и простой задней (ср. в отжигновом переводе:
 Пусть все станет по местам; Здесь - почетный, челядь
 - там, Козин ᠰᠤ 93). Во-первых, лопатка при разделке
 не отходит к грудине (*oqsar*), во-вторых, грудина не
 является почетной частью, это - доля девушек и моло-
 дых женщин (задняя часть - доля замужних женщин) -
 см. Викторова, Монголы. с. 27. Таким образом, *oqsar*
 - не 'лопаточная часть', а какая-то часть грудины
 (мясо у верхней части позвоночника?). Тогда это сло-
 во можно связывать с *oqsar (производное на *-ar*
 со значением 'нечто, надеваемое на..., покрывающее.
 ...'): письм.-монг. *oqsar* 'вид одежды'; сев.-монг.
 калха *oqsar* 'рубашка', калм. *oqsar* *am. kwb 426*
 'одежда без рукавов, разрезанная донизу на спине',

ца', ТМ 434 бѳ'ег (?) [b'ri'а] 'почка', письм.-монг.
 Ков I245 бѳ'еге 'почка'; сев.-монг.: халха бѳер 'крестец животного; почки' (МХТТ 99), бурят. бѳерэ 'почки';
 калм. КМб 56-57 бѳг^о 'почки', бѳсэг 'Node' (< *bѳyeg-
 сег); Джанг. 223 бѳер 'почки'; ордос. ДО 33 бѳго 'почка, крестец; testiculi'; внутр.-монг. (Тод. I25: хорч., джал., дурб., горл., архорч., бар., онн., найм., харч., тум., шгол., уцаб., чак.) бѳр 'почка, почки'; могол. Zigni 93 бѳга 'почки, крестец', Ramst. 24 бѳага 'Niere';
 южн.-монг.: монгол. SM 28 Бѳго 'почка, крестец', Тод. 318 бѳго 'почки' (у. борѳ, сч. пори); дунс. Тод. Дунс. II3 бѳре 'почка'; дагур. Попле 72 бѳр 'почка'. Возможно, ранним заимствованием из монг. является тюрк. *bѳgir 'почка, бок, крестец' ЭСТЯ II 207. ТМ этимологом монгольской основы, видимо, является ТМ *fuxin 'внутренности' ССТМЯ II 339 (ПА *рѳки- 'почки, внутренности';

ордос. ts'igeDek Most. ДО 702а 'короткая куртка'; заимствовано в тюрк.: айр. cavadaк 'верхняя одежда замужних женщин', леб. sagidak, сар., койб. sagadaк, тел. sadak Ras. VENT 102а (образование, совершенно аналогичное тюрк. *kojn-ak 'рубашка' от *kojn 'внутренность грудной клетки' = 'чувство, настроение'). Рамстедт связывает с ма. чэке 'верхняя короткая одежда вроде кафтана, шерсть вверх, из меха барсука, дикой козы, оленя', кор. c'eguri, c'ekki 'куртка' (Ram. КМб 426). Но ма. слово, скорее всего, связано с ма. чэке-му 'бархат, плюш (подстриженный)' (с айф. адъективизации) и первоначально имело то же значение, судя по заимствованиям в ороц., ульч., нан.: чэке, чэкемэ 'бархат, ворсовая ткань' - см. ССТМЯ II 419. Тогда более вероятна его связь с тюрк. cāk 'полосатая хлопчатобумажная ткань' - см. Claus. ED 413, Ras. VENT 102^a ЭСТЯ УП (под ЧЕКМЕН). Тюркское соответствие этому монг. корню - *cēk 'часть плеча, близкая к шее' ЭСТЯ УП. При этом возможно, др.-уйг., ср.-уйг. cēk-

В МОНГ. озвончение начального согласного в присутствии поствелярного, ср. ПА *paG/ли- 'паковать, завязывать': ТМ *faKu-, мо *baYu-, ТЮ *bиg; см. еще ОСНЯ № 338, 368).

П-сев.-монг. *taṣaṣu: ПЕСЬМ.-МОНГ. Кож 1621 taviya 'бок от бедра книзу'; сев.-монг.: халха ташаа(н) 'тазобедренный сустав; талия, поясница; поясница животного, место в области копчика; узкая вставка в месте соединения пол одежды', бурят. тадаа(н) 'бок, бедро'; калм. квб 382b taṣaṣ 'бедро, бок', taṣā 0 'бедро, бок, нижняя часть тела'; Джанг. 396 тама 'бедро, бок'; ордос. до 126b даṣā 'сторона тела, бок, бедро'; внутр.-монг. (Тод. 202: дарх., джал., архорч., бар., онг.) тешā, (джал., дурб., горл., бов., джар., урат.) ташā, (найм.) дашā, (хеш., дурб.-хух., дарх.-мянг., шгол., чак., орд.) дашā; Некл.-Тум. 348 taṣā Б 'бок'. Заим. в тюрк.: якут. тасаа 'бид животного с зада, задняя часть туловища, круп' Нек. II 259I. Г.Рамштедт (квб 382b) предлагает связь с тюрк. *taṣak 'testiculi'. Последнее представлено следующими формами: ср.-уйг. МК taṣaṣ, Мел. АФ 084 tāṣāṣ İbnü K. 69 taṣaṣ, куман. taṣaṣ СС 236, ст.-кыпч. Abu H. 63 taṣaṣ, Tel. 324 taṣaṣ. Houts. taṣaṣ, Из.Дар 389 ташак; сев.-вост. якут. тасах, карагас. Castr. 146 taṣak, койб., саг. Р III 925 тазак, ойрот. тажек, туба Баск. 151 тажак; ю.-вост. уйг. диал. Хаме 183 ташак; ю.-зап. тур. Zen. II 590 taṣak, гаг. НБГ ВМС.94 ташак, (?) аз. даша- в даша-дејен 'трясогузка' (ср. даш-дејен 'камнебитный'); сев.-зап. кар.к. ташакъ, татар. Р III 934 (казан.) ташак, кур. ташак; халадж. Doerfl.-Tevz. 199 taṣaṣ, везде со значениями 'мшонка, testiculi', татар. Р - и 'penis'. Заимствовано в монгор. SM 412 t'aṣaṣ 'мшонка'. Слабая

гек 'хлопчатобумажная рубашка' - см. Claus. ED 416 - связано с ṣekin - ср. неясно по оформлению тур. диал. форму ṣiṣiz DS III 1208 'верхняя часть плеча'

закрепленность слова по современным языкам может быть обусловлена его принадлежностью к табуированной лексике. Общепринято считать его производным от *tāz 'камень' (Дас. VEWI 466, Claus. ED, Doerfl.-Tetz.). М. Ряснен приводит в качестве семантической параллели фин. kivi 'камень' - kives 'testiculi'. Но эта параллель здесь неприложима, так как в фин. kives (диминутив от kivi) прежде всего имеет значение 'каменное грузило на рибашкой сети', и уже отсюда произведен перенос на название мошонки. Туркское производное на -ak от tāz 'камень' имело бы скорее значение 'предмет, изготовленный из камня' (как toz 'береста' - tozak 'берестяной сосуд' и под.). Можно предположить, что турк. *taṣak является самостоятельной, не связанной с *tāz 'камень' основой, алтайскую параллель к которой представляет ТМ *talpi 'бедро, ляжка' ССТМ II 169, и значение 'мошонка' появилось на позднем этапе вследствие эвфемистического употребления, а первоначально для него значение 'зад, задница'. Тогда это турк. слово в своем исходном значении может явиться источником заимствования для сев.-монг. *tasay 'задняя часть, бедро, бок'. (Письм.-монг. форма tasiya - конечно, попытка передать эту форму средствами монг. графики).

Ц-сев.-монг. *koṣkinag; письм.-монг. kow 904 kuskinag, kuskinug, 908 quṣkinug 'конец прямой кишки'; сев.-монг.: бурят. хошхоног 'прямая кишка'; калм. хъв 190а хошхонг 'anus'; ордос. DO 3C8a Гоṣ^кхинок 'penis' (и, по-видимому, сокращенная форма Gosi).

(сөкгөк < сөкиг-эк? - ср. Хелимский СТ). ТМ соответствие может представлять эвенк. чэкэн, чэкэктэ 'горлань, небо' ССТМ II 420. Сравнение монг. *sege-, турк. *səkn, эвенк. чэкэ- позволяет восстанавливать

Займ. в хакас. хосханах 'толстая кишка коровы'. Очевидно, оформленное собственным аффиксом заимствование из тюрк. названия подхвостника (ЭСТЯ У). История этого наименования внутри тюркских языков может быть проинтерпретирована следующим образом. От птюрк. *kuoḡu-suk/*kuburcuk 'копчик, рещица' было образовано *ku-burc-kan 'подхвостник' > *kuoḡukan. Рефлексы его находим в ср.-уйг. Мел.АФ 108, İbni K. 49 qujuşqan, чаг. МЛ 546 qujuşqan, куман. КВ 202 qujşqan; сев.-вост. ойр. кушқан, тел. РП 907, Баск. Туба 132, Баск. Куманд. 227 қушқан, Баск. Леб. 164 қойошқон; в.-вост. уйг. кушқан, диал. Хами Малов УЯ 162 кушқан, ~~шанд.~~ 61. 784 quşoan, лоб. кучқан, Марк. 107 қусқан, уз. литер. кушқон, диал. Јағг. УДQ 52 qujuşqan; сев.-зап. тат. Р П 676 (казан.) көшқан, баш. койошқан, диал. Бһк II 143 қойосқан, ног. куйыскан, кумик. диал. Кер. Кайт. 305 қушқан, бал. Алп. 70 қушқан, казах. куйысқан, квал. куйысқан, кир. куйушқан, кен. куушқан. Из кыпч. - шор. Р П 643 қошқан, хакас. Р П 625 (саг., койб., кач.) косқан. Форму с другим вариантом суффикса находим в чаг. Б П 98 (Кальк. сл.) qujuşqan, в.-вост. уйг. диал. Јағг. 256 qujuşuyn, уз. диал. Хор.Ш. 63 қуйышқун; Мир. 220 қуйушқун. По-видимому, подобная форма кардукского типа явилась источником заимствования для ст.-кыпч. *kuvkun (< *kujekun, с неудлиняющим стяжением при выпадении j из сочетания) > quşoan Houts. 91, заимствовавшегося из ст.-кыпч., с одной стороны, в ст.-осм. Ыг. 196, Нов. 348, Нем. TS 1084, TS IV 2750 kuvkun, TS IV 2750 kuvgun, откуда тур., тур. диал. kuvkun, kuvgun 'подхвостник; пахи лошади', гаг. косқун; без перехода š > в - в другие

ПА *секе- со значением 'часть груди, близкая к шее'.

огузские языки: аз. кушгун (откуда кулык. диал. Кер. Кайт. 305 кушгун), туркм. кушгун, салар. qoşqun; с другой стороны – в хакас. саг. хоскин, сег. хускун, кускоң. Вариант огласовки на о может быть обусловлен восприятием при заимствовании одвинутого в сторону о кыпчакского и. Очевидно, такая же кыпчакская форма явилась источником монгольской.

Материал приведенных этимологий свидетельствует (как и неоднократно отмечавшийся факт передачи в заимствованиях тюрк. *j- как ɟ-) об особо тесных северо-монгольско-кыпчакских контактах. Примечательна связь заимствовавшейся лексики со скотоводческим хозяйством.

Источники²

Буд. – Будаев Ц.Б. Лексика бурятских диалектов в сравнительно-историческом освещении. Новосибирск, 1971. Бергман Г.А. Опыт сравнительно-статистического исследования лексики бурятских говоров. Улан-Удэ, 1961.

Бикторова – Викторова Л.Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М., 1980.

Дыбо Ур. – Дыбо А.В. Заимствования из уральских языков в анатомической лексике алтайских языков. // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. М., 1989.

ИМ – Монгольские глоссы в словаре Ибн Муханни, см. МА.

Козин СС – Козин С.А. Сокровенное сказание. М.-Л., 1941.

Кочергина СРС – Кочергина В.Д. Санскритско-русский словарь. М., 1985.

² Расшифровку сокращений источников по тюркским языкам см. в ЭСТЯ I-IV.

МА - Поппе Н.Н. Монгольский словарь Мукаддимат ал-адаб. Ч. I-II. //Труды Ин-та востоковедения, XIV. М.-Л., 1938.

МХТТТ- Цэвэл Я. Монгол хэлний товч тайлбар толь. Улаанбаатар. 1966.

Некл. - Тум. - Неклюдов С.Ю., Тумурцэрэн Ж. Монгольские сказания о Гэсэре. Новые записи. М., 1982.

ОСНГ - Ильич-Свистыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков. I. Введение. Сравнительный словарь. Б- К.М., 1971. II. Сравнительный словарь. р - qм., 1984.

Поппе Даг. - Поппе Н.Н. Дагурский язык. М.-Л., 1933-1937.

СОТМЯ - Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т. I-II. М., 1975-1977.

Ст.сл. - Ligeti L. Notes sur le vocabulaire mongol d'Istanbul. //АОН XVI, 2, 1963.

Тод. Бн - Тодаева Б.Х. Баоаньский язык. М., 1964.

Тод. Даг. - Тодаева Б.Х. Дагурский язык. М., 1986.

Тод.Джанг. - Тодаева Б.Х. Опыт лингвистического исследования эпоса "Джангар". Элиста, 1976.

Тод.Дис. - Тодаева Б.Х. Дусянский язык. М., 1961.

Тод.Монгор. - Тодаева Б.Х. Монгорский язык. М., 1973.

Тод. ЯМВМ - Тодаева Б.Х. Язык монголов Внутренней Монголии. Материалы и словарь. М., 1981.

ЭСТЯ - Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974 -.

СhDb - Chinesisch-Deutsches Wörterbuch. Berlin, 1985.

Слаус. ED - Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-thirteenth-century Turkish. Oxford, 1972.

DO - Mostaert A. Dictionnaire Ordos. Paris, 1950.

Ков. - Kowalew ski J.E. Dictionnaire mongol-russe-français. I-III. Kasan, 1844-1849.

Киб - Ramstedt G.J. Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki, 1935.

Рамст. Могх. - Ramstedt G.I. Mogholica. Beiträge zur Kenntnis der Monghol-Sprache in Afghanistan // JSFOu, XXIII. 1906.

Рона-лас тибето-монголика - Rona-Tas A. Tibeto-Mongolica. The Tibetan Loanwords of Monguor and the Archaic Tibetan Dialects. Budapest, 1966.

Рäs. VEWI - Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Turksprachen. Helsinki, 1969.

ШИ - Haenisch E. Wörterbuch zu Manghol-un Niüča Tobcaan (Man-ch'ao pi-shi), Geheime Geschichte der Mongolen. Leipzig, 1939.

Зирни - The Zirni Manuscript. A Persian-Mongolian Glossary and Grammar by Shinobu Imamura. Kyoto, 1961.

Э.Б.Даверкина

Функционально-семантическая характеристика некоторых финитных форм монгольского глагола

Модальные значения и способы их выражения остаются слабо исследованной областью грамматического строя монгольских языков. Наибольшее внимание уделялось модальным значениям, которые выражаются конечными аргументативными формами глагола. Из протиположения модальных значений этих форм устанавливается грамматическая категория наклонения. Хотя большинство исследователей монгольских языков при-

держиваются сходного понимания этой грамматической категории [См. напр. 5, с. 17; 7, с. 97; 2, с. 105], существуют разногласия в вопросе о принципах выделения наклонений, в моделировании семантической структуры этой категории глагола. Можно назвать, например, следующие варианты решения проблемы наклонений в монголоведной литературе:

- 1) девять наклонений - императив, прескриптив, прекратив, бенедиктив, коммессив, оптатив, волюнтатив, потенциал, индикатив (Г. Рамштедт [11]);
- 2) два наклонения - повелительно-желательное и изъявительное (Г. Д. Санжеев [5; 6], Б. Х. Тодоева [7]);
- 3) пять наклонений - индикатив, императив, волюнтатив, оптатив, дубитатив (Н. Поппе [9, 10]);
- 4) три наклонения - повелительное, желательное, наклонение опасения (или предостерегательное) (Ш. Лувсанванган [3]);
- 5) четыре наклонения - изъявительное, повелительное, желательное, предостерегательное [2];
- 6) шесть наклонений - повелительное, увещательное, приказное, желательное, волевое, предостерегательно-допустительное (Ц. Б. Цыдендамбаев [6]).

В настоящее время трудно назвать какую-либо наиболее распространенную, тем более общеприятную в монголистике точку зрения на количество наклонений и их значения. Разнообразие вариантов объясняется не только разными теоретическими подходами авторов, но и неоднозначностью многих конечных глагольных форм, объективной трудностью разграничения их модальных оттенков и, соответственно, трудностью определить общее значение форм.

Распределение глагольных форм по наклонениям и, следовательно, морфологический состав каждого наклонения и количество самих наклонений в конкретном монгольском языке практически зависит от того, как определяется исследователем значение той или иной глагольной формы, от семантического содержания, которое вкладывается им в устанавливаемые наклонения. Просмотр грамматических работ показывает, что модальная интерпретация определенной формы иногда опирается на какое-либо одно из её функциональных значений, без учёта и анализа других, что и ведет к разногласиям в классификации одной и той же формы.

В целом главный спорный вопрос заключается в определении семантических противопоставлений, которые различают формы разных наклонений. В одних случаях (см. напр. Г.Рамстедт [11], Н.Доппе [9]) в основу противопоставления положены различия между модальными значениями отдельных глагольных форм, в других (см. напр. Г.Д.Санжеев [5], Ш.Дувсанвандан [3]) — различия между инвариантными модальными значениями, устанавливаемыми для групп модальных форм.

Существующие расхождения в оценке значений форм хорошо видны на примере желательного наклонения (ИН). Это наклонение признается многими монголологами, но его морфологические границы не определяются устойчиво даже применительно к одному и тому же языку. Так, Г.Рамстедт относит к оптативу в монгольском языке 2 формы: на - аасаай и на - тугай [11, с.70-73]. Н.Доппе [9, с.166] — одну на - аасаай, Ш.Дувсанвандан — 5 форм: на - аасаай, — тугай, — г. — а, —сугай [3, с.35]. Почти такой же состав форм ИН —аа, —аа, —с,

-су(-сү), -г, -гха(-гха) приводится в грамматике казахского языка 83 г. [2, с.231-231]. Ц.Б.Цыдендамбаев [3, с.138] оставил за ИИ одну форму: бур. - бай.

Как видно, микропарадигма ИИ состоит из одной формы или группы форм, количественно не совпадающих у разных исследователей. Кроме того при таких условиях понимание ИИ, объем выражаемых им значений оказывается неодинаковым. Если многозначной микропарадигме грамматическое значение ИИ предстает как суммарная характеристика из локальных значений его форм [См. напр. 2, с.231. 3, с.86]. Чем различаются формы внутри такой микропарадигмы, дистрибутивные особенности форм, — эти вопросы остаются вне рассмотрения.

В связи со спорностью морфологической базы ИИ, в поисках способов более точного определения модального значения форм можно попытаться провести анализ семантической структуры модальных форм, основываясь на их функционировании.

При описании глагольных форм нами используется понятия развиваемого в языковедении варианта теории общих и частных значений [См. 1; 4] и методика компонентного анализа — раскрытие значения модальных форм через выделение дифференциальных семантических признаков. В соответствии с принимаемой здесь теоретической базой общее значение грамматической формы понимается как совокупность признаков данной формы семантических дифференциальных признаков, определяемых в оппозициях внутри данной грамматической категории. Общее значение формы проявляется в её частных значениях. Сопоставление наборов семантических признаков, характеризующих каждое частное значение, поможет обнаружить как различия, так и общие семантические компоненты. Частные значения форм образуют

семантический потенциал (полный набор семантических признаков, релевантных для данной формы), составные элементы которого определяются функциональными возможностями форм в лексико-синтаксических условиях контекста и ситуации речи. Естественно, к установлению общего значения можно перейти лишь после того, как проведено исследование частных значений.

Общезвестно, что любые модальные отношения устанавливаются говорящим. На зависимость модальности высказывания от говорящего не раз указывалось в лингвистической литературе [См. напр. 2а, с.277-301]. Но соотношение между тем, кто устанавливает характер модального значения (говорящим), субъектом действия, адресатом высказывания может быть неодинаковым. Поэтому семантические признаки, выявляемые соотношениями между участниками коммуникативного акта, оказываются важными для нашего рассмотрения модальных форм.

Ниже кратко излагаются предварительные результаты семантического анализа некоторых глагольных форм, относимых к ЕН.

Форма на - асаай

Форма на - асаай - одна из немногих глагольных форм, значение которой определяется исследователями достаточно единообразно и однозначно. Принадлежит, что эта форма выражает желание или пожелание, чтобы данное действие осуществилось [7, с.108; 6а, с.68]. Расхождения наблюдаются в определении значения лица формы: 3-ье лицо [См.напр. 4^а, с.158; 4^б, с.150-151] или всех 3-х лиц [См. напр. 6, с.108].

Рассмотрим значение формы на примерах:

1. - Аав гурган крээсээ (З.В., 87) - Ойрокх би гэгэи
приехал!"
2. - Мөртой ч болосон! " - Хоня би мнэ! (Хорошо би
у меня был конь)"
3. Би... га хоёрыг ойгон танилцаасан юм күрээк
байна (Цог 7, 87, 88) " - А гурван, чтобы вы оба
тоолике познакомились."

4. "Хоня" үзэнтэ эгэрхинэ "хоня" хоньтонхой хоньтонхой
хоньтонхой хоньтонхой (Тула 8, 83, 87) " - Когда
трогает в одиночестве моё преданное сердце,
чтобы помогла мне любовь твоя, "читая!"

В семантике формы на - аавай можно выделить
следующие признаки:

- 1) направленность воли говорящего на исполните-
ля действия;
- 2) заинтересованность говорящего в осуществлении
действия;
- 3) независимость осуществления действия от воли
исполнителя;
- 4) выраженность признака лица-члена исполнителя
действия;
- 5) независимость говорящего от адресата.

Полоним признаки. Пользуясь формой на - аавай,
говорящий не выражает ни желания самому совер-
шить действие, ни волеизъявления, чтобы побу-
дить к действию какое-либо другое лицо. Он выра-
жает свою заинтересованность в осуществлении
действия, высказывается с целесообразности,
уместности, желательности совершения называе-
мого действия. При этом несущественно выполнимо
реально это действие или невыполнимо. В любом
случае оказать влияние на выполнение желаемого
действия говорящим не может.

Предложения с формой на - аасаи имеют сложную структуру плана содержания: она подразумевает двух участников - 1) говорящего, который определяет характер модального отношения (высказывает желание), и 2) субъекта действия, который должен совершить действие. Говорящий и субъект действия имеют разных референтов, кроме одного случая: в первом лице говорящий и исполнитель действия имеет одного референта, значение формы при этом не меняется.

Материал монгольского языка свидетельствует, что субъектом действия глагола в форме на - аасаи может быть и 1-ое, и 2-ое, и 3-ье лицо, которое определяется лексически - подлежащим предложения или восстанавливается из контекста, ситуации речи. Следовательно, сама форма на - аасаи не содержит в себе информации с конкретным лице-числом субъекта действия. Референтом субъекта действия 3-го лица может быть как лицо, так и любой объект высказывания, одушевленный или неодушевленный.

Форма I л. на -я (-э, -е)

Грамматическое значение формы на -я и ее роль в формировании модальных противопоставлений последователи определяют по-разному, хотя особых расхождений в описании смысла данной формы как будто не наблюдается. Помимо того, что форму на -я относят, как говорилось выше, к формам, выражающим желание, её считают повелительной формой I л. ед. и мн. ч. [7, с.98-99], формой реломатива [11, с.10-11, 76], повелительно-пригласительной формой I-го л. [8, с.178]. Разные оценки значения формы очевидно не следует считать противоречащими друг другу, основанием для них служит функциональная неоднозначность этой формы. Точки

зрения исследователей отражает скорее разные стороны такого сложного грамматического явления, каковым предстает форма на -я.

Вопрос о том, является ли форма на -я формой повелительного предложения, требует дальнейшего исследования.

1. Формой на -я говорящий обращается к собеседнику с целью побуждать совершить совместное действие, подразумевая самого себя в числе исполнителей названного действия. В данном случае побуждение обращено к адресату речи и говорящему одновременно и исполнитель действия "мы" мыслится как общность, состоящая из "я" говорящего и "ты" (ед.ч.) или "вы" (мн.ч.) собеседника, но местоименные "я" и "ты" явно не употребляются с этим значением формы на -я. Например:

3. - Эд аактуу бол ивья (М.ч., 18) - Если ты не боишься, иди!"

4. Ковлол захкалатт гэрэалтэн ажилт санхуулла (УЗУ 12.78) "Улучшим работу по подшивке = распространению печати".

5. ... шинэ наараа эхийе хунгагаа гэрэцгаа хотдолтин уурхайчингуушин гелее ууршааа (Туяа 8, 58, 86)
"- Давайте начнём нам праздник! Все поднимите бокалы! Вальс за вальсеров, за аратов объединений!"

Высказывание с формой на -я в значении I-го л. мн.ч. воспринимается как приказание или просьба или призыв, которые обуславливаются семантическим признаком зависимости говорящего от адресата в конкретной социально-этической ситуации общения, и в устной речи создаются интонацией в сочетании с остановкой речи, в письменной поддерживаются соответствующим лексическим значением глагола, который вводит прямую речь, и контекстом.

Данное частное значение формы на -я имеет следующие семантические признаки:

- 1) направленность воли говорящего на исполнителя действия;
- 2) признак лица исполнителя действия - I л.
- 3) признак числа исполнителя действия - мн.ч.
- 4) участие говорящего в совершении действия;
- 5) зависимость осуществления действия от воли говорящего;
- 6) зависимость говорящего от адресата.

2. При сочетании с местоимением I л. ед. ч. форма на -я имеет другое частное значение: намерение говорящего совершить действие. Местоимение *си* может опускаться только в тех случаях, когда контекст, условия речи исключают понимание субъекта действия как I-го л. мн. ч. Приведем примеры:

6. - Би артеи дугтаа гая болсон болови... (Тунга 8, 88, 14) " - Победу-на обратно, - подумала я, но..."

7. - ~~Итэ холостдүүлэя өмөтөөтүгүмүсү гүмүсү гүмүсү~~
(Оюел I, 88, 9) " - В связи с этим, разумею я вам об одном случае."

Для второго частного значения формы на -я характерны такие признаки:

- 1) направленность воли говорящего на исполнителя действия;
- 2) признак лица исполнителя действия - I л.;
- 3) признак числа исполнителя действия - ед.ч.;
- 4) совпадение исполнителя действия с говорящим лицом;
- 5) зависимость осуществления действия от воли говорящего;
- 6) независимость говорящего от адресата.

В пояснении нуждается первый признак. При выделении этого признака мы исходили из понимания значения формы на -я в I-ом л. ед.ч. как проявления воли, внутреннего побуждения, принадлежащего говорящему. В отличие от первого частного значения, где референт субъекта действия частично совпадает с референтом говорящего, в данном значении субъект действия и говорящий совпадают полностью. Изменение соотношения участников речевого акта ослабило и видоизменило восприятие значения побуждения, заставив осознавать это как намерение, однако не изменило самого характера модального отношения, устанавливаемого говорящим между действием и его субъектом.

Волевой побужительный характер данного значения формы подтверждается сравнением с нулевой повелю - повелюй формой 2-го л. 7-в. Когда при сопоставлении выносятся, соотносятся в одно л. с тем же ситуацией, в одном выражается волевыявление говорящего, жел - савленное на адресата речи, а в другом - собственная инициатива говорящего совершить действие, например, 3. - Үх бригадин гэв еед лэв. Бх оруу орёй (Цог I, 79, 51) " - Ты поезжай в бригадин центр. Я поезду в бригадин."

А также при сопоставлении с изъявительной формой настоящего-будущего времени на -на, когда она имеет значение будущего времени, например,

9. - За наказ нуни өмнө когсо цөвэрлүрх. айл өрхийн ариун цэврийг малгай. Дараа нь бригадин төвийн бүх хүн ялангуяа саалчдын эрүүл мэндийг үзнэ. (Цог 77, I, 39) " - Итак, прежде всего заставляю обратить внимание и проверить санитарное состояние айлов. Потом осмотру всех людей бригадного центра, особенно цэврий".

Изъявительной формой на -на говорящий представ-

ляет своё действие как акт действительности, отнесенный к будущему времени, тогда как формой на -я выражает свою решимость, намерение исполнить действие, также ориентированное на будущее.

Из сравнения наборов семантических признаков рассмотренных значений видно, что общими для обоих частных значений являются признак "направленность воли говорящего на исполнителя действия" и соответственно признак "лица исполнителя действия".

Различаются значения признаком "числа исполнителя действия" и производным от него признаком "зависимость" / "независимость говорящего от адресата."

На основе анализа частных значений выводим семантический потенциал формы на -я:

- 1) направленность воли говорящего на исполнителя действия;
- 2) признак лица исполнителя действия - 1-ое л.;
- 3) признак числа исполнителя действия - мн.ч.;
- 4) признак числа исполнителя действия - ед.ч.
- 5) участие говорящего в совершении действия;
- 6) совпадение говорящего с исполнителем действия;
- 7) зависимость осуществления действия от воли говорящего;
- 8) зависимость говорящего от адресата;
- 9) независимость говорящего от адресата.

Наличие общих смысловых компонентов даёт основание предполагать, что в основе обоих значений лежит одно и то же модальное значение. В целом форму на -я характеризует единство значений побуждения и первого лица субъекта действия, число субъекта синтагматически обусловлено. Таким образом данная форма функционирует как повелительная форма первого лица мн.ч. и ед.ч.

Спора при определении значения формы на -я на какое-либо одно из её частных значений не только не от-

ражает полностью семантику, но и разрушает грамматическую целостность данной формы. К этому можно ещё добавить, не соответствует историческому развитию значения этой формы в монгольском языке.

Форма на -я (-ya) отмечена в "Сокровенном сказании монголов" (13 в.) как повелительная инклюзивная форма I-го л. мн.ч. Одновременно сосуществовала т. наз. проpositивная форма I-го л. ед.ч. - си. Постепенно форме на -я (-ya) стала выпадать и функция проpositивной формы I-го л. ед.ч., к 15-17 вв. она уже использовалась в значении I-го л. мн.ч. и I-го л. ед.ч., а форме на -си к этому времени почти выпала из употребления [См. 12, с. 117-118]. В классическом письменном монгольском языке -си уже нет, а форма на -я сохранила оба значения и в современном монгольском языке. Монгольский язык перестроил систему личных форм, объединив в одной форме однородные модальные значения. Однако в бурятском и калмыцком языках, где форма на -си сохранилась, форма на -я имеет значение только повелительной формы I-го л. мн.ч. [См. 2а; 2б].

Возвращаясь к семантическим признакам, сравним теперь семантический потенциал формы на -аасаи с потенциалом формы на -я. Семантическая структура формы на -аасаи сильно отличается от структуры формы на -я. Дифференциальные признаки формы на -аасаи - "ненаправленность воли говорящего на исполнителя" и "невыраженность признака лице-числа исполнителя действия" свидетельствуют, что значение этих двух форм не является значениями одного смыслового ряда.

Форма на -аасаи выражает непроизвольное желание (волеизъявление), когда говорящий не может оказать влияние на осуществление желаемого действия. Оста-

тивное значительная форма имеет знаменительный характер — (доказательная оценка: "хорошо бы совершилось данное действие") и не может быть объединена в одной парадигме с повелительным значением формы на -я.

Литература

1. Бондарко А.В. Грамматическая категория и контекст. Л., 1971.
2. Грамматика якутского языка. Элиста, 1988.
- 2а. Грелл М. Сущности модальности. — Языковедение в Чехословакии. М., 1978.
- 2б. Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология. Москва, 1962.
3. Лувсанвадан Э. Монгол хэлний гүйц суралц (Синт), ч.1. УБ, 1988.
4. Маслов В.С. Глаголы *ийн* вид в современном болгарском литературном языке (значение и употребление). — "Вопросы грамматики болгарского литературного языка". М., 1989.
- 4а. Монгол хэл суралц синт. Ред. Чой Лувсанжав. УБ., 1987.
- 4б. Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая прагматика. М., 1985; в. 16: Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов, в. 17. М., 1986
5. Санжеев Г.Д. Наклонения в монгольских языках — "Вопросы грамматики и истории языков Востока." М., 1958.
6. Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. М., 1988.
- 6а. Санжеев Г.Д. Современный монгольский язык. М., 1964.
7. Тоджаева Б.Х. Грамматика современного монголь-

языка. М., 1951.

8. Шенниковская Е. Е. Грамматические категории русского языка в историко-сравнительном освещении. М., 1978.
9. Шенниковская Е. Е. История русского языка. М., 1980.
10. Шенниковская Е. Е. История русского языка. М., 1981.
11. Шенниковская Е. Е. История русского языка. М., 1982.
12. Шенниковская Е. Е. История русского языка. М., 1983.

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	
А. А. Дарсеева (Москва). Интерферентные явления и их место в звуковой системе письменных и бесписьменных монгольских языков.....	3
Т. С. Есенова (Элиста). Модификация динамической программы слова во фразе.....	13
М. И. Каратыгина (Москва). Д. Сундэнцэг (Улан-Батор). О смысловой многозначности базовых монгольских музыкальных терминов.....	23
В. О. Кузьменков (Санкт-Петербург). Вариант реконструкции древнемонгольского корня со значением "человек".....	43
В. Ч. Намжилов (Москва). К истории военной терминологической лексики монгольского языка (XIII-XIV в.в.).....	54
Ш. И. Наранчимэг (Улан-Батор). К истории формирования современной монгольской общественно-политической терминологии.....	64
М. Н. Соловская (Москва). Памятники монгольской письменности XIII-XIV вв. как источник для изучения древнего монгольского языка.....	74
Г. Ц. Пирбеев (Москва). Историко-типологическая характеристика генитивных конструкций в монгольских языках.....	85
В. Э. Раднаев (Москва). О надписи на стеле Исунге (история дешифровки: спорное и бесспорное).....	94

В. И. Рассадин (Улан-Удэ). Тюркские элементы в языке "Сокровенного сказания монголов".....	109
Ц. Саранцаграл (Улан-Батор). К вопросу о речевом акте побуждения, его типах и способах их выражения.....	117
Л. Сэрээз (Улан-Батор). О фамилиях в "Сокровенном сказании монголов".....	124
Л. Цолоо (Улан-Батор). О некоторых названиях монгольской одежды.....	135
Ц. Мэдэндэмба (Улан-Батор) Трактовка монгольского сложно-подчиненного предложения в синтаксической литературе....	149
Д. Цэрэнпил, О. Сухбаатар (Улан-Батор). Тибетские и монгольские переводы санскритских грамматических сочинений....	162
С. Л. Чарков (Санкт-Петербург). Глаголообразующие суффиксы -Л, -ЛА в бурятском языке.....	162
Ш. Чоймаа (Улан-Батор). К вопросу об эволюции аффиксальных морфем в монгольском языке.....	203
А. В. Дыбо (Москва). Некоторые заимствования в семантической лексике монгольских языков.....	212
Б. Б. Шеврунина (Москва). Функционально-семантическая характеристика некоторых конечных форм монгольского глагола..	223

20,45
m 20,45 at 28 021 (54)